
REFLEXIO

Научный психологический журнал

Основан в ноябре 1999 года

2020. Том 13, № 1

Содержание

Психологические исследования

- Первушина О. Н., Фёдоров А. А., Дорошева Е. А.* Переживание пандемии COVID-19 и толерантность к неопределенности 5
- Лазюк И. В.* Исследование толерантности к неопределенности у студентов 21
- Первушина О. Н., Киселёва О. В., Мурашова Т. А.* Состояние семьи и эмоциональное выгорание родителей детей с расстройствами аутистического спектра 32

Психологический инструментарий

- Фёдоров А. А.* Русскоязычная версия шкалы конструктивистских эпистемологических убеждений: психометрический анализ 49
- Гоптарь Е. М., Злобина М. В.* Адаптация методики толерантности к неопределенности МАТ-50: анализ надежности 60

Страницы из истории психологии

- Шшикин Н. И.* О детерминизме в связи с математической психологией 75

Дискуссии

- Шамолин Р. В.* «Открытое общество» против «полной правды» 86
- Первушин Н. С.* Нейроразнообразие как парадигма и как контркультура 92

Обзоры

- Дорошева Е. А.* Онтогенез регуляции эмоций при нормотипическом развитии и дисонтогенетических нарушениях (на примере расстройств аутистического спектра) 105

Тематические сообщения

<i>Сизикова Т. Э.</i> Модально-интенциональное понимание рефлексии	128
<i>Акулова Т. А.</i> Постмодерн и постмодернизм: катастрофа и /или новая гармония	140
<i>Горяева П. Ю.</i> Суицид как экзистенциальный выбор	148

В свободной форме

<i>Худ Т.</i> Краниология	162
---------------------------	-----

Научная жизнь

Новые вызовы неопределенности	168
Информация для авторов	175

REFLEXIO

Scientific Journal

Founded in November of 1999

2020. Vol. 13, no. 1

Contents

Psychological Research

- Pervushina, O. N., Fedorov, A. A., Dorosheva, E. A. The Experience of the COVID-19 Pandemic and Tolerance to Uncertainty 5
- Lazyuk, I. V. Study of Tolerance to Uncertainty in Students 21
- Pervushina, O. N., Kiseleva, O. V., Murashova, T. A. Family Status and Emotional Burnout of Parents of Children with Autism Spectrum Disorders 32

Psychological Instruments

- Fedorov, A. A. The Russian-language Version of the Constructivist Epistemological Assumptions Scale: The Psychometric Analysis 49
- Goptar, E. M., Zlobina, M. V. Adaptation of Measurement of Ambiguity Tolerance (MAT-50): Analysis of Reliability 60

Pages from the History of Psychology

- Shishkin, N. I. On Determinism in Relation with Mathematical Psychology 75

Discussions

- Shamolin, R. V. "Open Society" versus "Complete Truth" 86
- Pervushin, N. S. Neurodiversity as a Paradigm and as a Counterculture 92

Reviews

- Dorosheva, E. A. Ontogenesis of Emotional Regulation in Normotypic Development and Dysontogenetic Disorders (Example of Autism Spectrum Disorders) 105

Topical Articles

Sizikova, T. E. Modal-Intentional Understanding of Reflection	128
Akulova, T. A. Postmodernism and Postmodernism: Catastrophe and/or New Harmony	140
Goryaeva, P. Yu. Suicide as an Existential Choice	148

In Free Form

<i>Hood T.</i> Craniology	162
---------------------------	-----

Scientific Events

Conference “New Challenges of Uncertainty”	168
Instructions to Contributors	175

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-5-20

Переживание пандемии COVID-19 и толерантность к неопределенности

О. Н. Первушина, А. А. Фёдоров, Е. А. Дорошева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлены результаты исследования переживания людьми пандемии COVID-19 в контексте толерантности к неопределенности. Респонденты (N = 2837) отвечали на ряд вопросов, касающихся того, как они переживают ситуацию, связанную с COVID-19; также им был предложен опросник MSTAT-II. Было установлено, что в эмоциональном фоне доминируют такие эмоции, как страх, раздражение, тревога и печаль. Толерантность к неопределенности оказалась отрицательно связана со всеми негативными эмоциями, что позволяет рассматривать ее как ресурс, который уменьшает негативные переживания в сложившейся ситуации. Также были получены данные, касающиеся связей особенностей переживания пандемии COVID-19 с возрастом и полом респондентов.

Ключевые слова

COVID-19, коронавирус, толерантность к неопределенности, переживание, эмоция

Для цитирования

Первушина О. Н., Фёдоров А. А., Дорошева Е. А. Переживание пандемии COVID-19 и толерантность к неопределенности // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 5–20. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-5-20

The Experience of the COVID-19 Pandemic and Tolerance to Uncertainty

O. N. Pervushina, A. A. Fedorov, E. A. Dorosheva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article presents the results of the study of the experience of the COVID-19 pandemic in the context of tolerance of uncertainty. Respondents (N = 2,837) answered a series of questions regarding how they are dealing with the COVID-19 situation, and MSTAT-II questionnaire. It was found that the emotional background is dominated by such emotions as fear, irritation, anxiety and sadness. Tolerance of uncertainty turned out to be negatively associated with all negative emotions, which allows us to consider it as a resource that reduces negative experience in the current situation. Data was also obtained regarding the relationship between the characteristics of the COVID-19 pandemic experience with the age and gender of the respondents.

© О. Н. Первушина, А. А. Фёдоров, Е. А. Дорошева, 2020

Keywords

COVID-19, coronavirus, tolerance of uncertainty, experience, emotion

*For citation*Pervushina, O. N., Fedorov, A. A., Dorosheva, E. A. (2020). The Experience of the COVID-19 Pandemic and Tolerance to Uncertainty. *Reflexio*, 13 (1), 5–20. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-5-20

Пандемия, обрушившаяся на человечество, показала неготовность мира к эффективному поведению в данной ситуации. Практически всё население земного шара оказалось перед лицом невидимой, но страшной и стремительно распространяющейся угрозы жизни и здоровью. При этом перспективы выхода и будущего не определены, а ситуация усугубляется экономическими проблемами, которые уже затронули часть людей и в перспективе могут коснуться также многих других. Фактически наблюдается погружение огромного множества людей в состояние затяжного пролонгированного стресса.

Чрезвычайно важной чертой этой ситуации является неопределенность: в отношении степени угрозы, наилучших способов поведения в данных условиях, перспектив собственной жизни, а также последствий переживания пандемии. Мы склонны рассматривать сложившуюся ситуацию как вариант ситуации неопределенности, в которой оказалось огромное количество людей.

Неопределенность является важнейшей чертой жизни современного общества и отдельных людей – членов этого общества. Значение фактора неопределенности отмечалось учеными, анализирующими риски современного общества. Так, Н. Луман рассматривает современное общество как самоорганизующуюся систему, которой в целом присуще создание ситуаций неопределенности [Луман, 2004]. Он указывает, что в современном обществе риск представляет собой изменяющееся в соответствии с социальными реалиями явление, своеобразным образом соотносящееся с понятием опасности. Опасность исходит из окружающего мира. Рискованное поведение возможно при неопределенности наступления как позитивного, так и негативного будущего исхода, в зависимости от принятого решения [Луман, 1994].

Велика роль случайности, неопределенности в современном мире также и по мнению Э. Гидденса: «Жить в эпоху “поздней современности” – значит жить в мире случайности и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории» [Giddens, 1991. P. 109]. Отечественные социологи также указывают на возрастание неопределенности, фрагментарности, случайности, хаоса как значимых факторов функционирования современного общества [Яницкий, 2003]. О значении фактора неопределенности для функционирования современных организаций и сотрудников этих организаций великолепно пишет Р. Сеннет [2004].

Исследования показывают, что коронавирусная угроза воспринимается как мощный стрессовый фактор, влияющий на психологическое благополучие и психическое состояние людей [Ванег'jee, 2020]. Имеются указания на значимость фактора неопределенности в сложившейся ситуации. «Хотя психиатрические последствия COVID-19 еще систематически не изучены, очень вероятно, что пугающий опыт вирусной пандемии, дополняемый чувством неопределенности и распро-

странением дезинформации через социальные сети, нанесет колоссальный урон психическому здоровью тех, кто лично столкнется с болезнью, их родственников и свидетелей этого момента» [Nagy et al., 2020]. В период пандемии люди реагируют на неопределенность сложившейся ситуации, на потерю контроля над собственной жизнью, собственным временем [Ibid.].

Мир переживает уникальную ситуацию всеобщего эксперимента, в котором участвует все человечество. Человечество находится под влиянием единого фактора – вируса COVID-19. При этом необходимо отметить разные способы переживания этой ситуации и разные стратегии поведения в разных странах, у различных социальных групп и у разных индивидуумов.

Таким образом, представляется необходимым и возможным проанализировать эту уникальную ситуацию, акцентируя внимание на фактор (ситуацию) неопределенности, т. е. предметом исследования является переживание ситуации неопределенности и выбор стратегий поведения в этой ситуации. Представляется важным анализ факторов, влияющих на специфику переживания ситуации и выбор поведенческих стратегий, а также последствия переживания пандемии при реализации различных вариантов стратегий поведения в период пандемии. При этом необходимо выявить специфику стратегий отдельных социальных и культурных групп и роль индивидуально-психологических особенностей.

Наряду с фиксацией глобального влияния данной ситуации на психологическое и психическое состояние человека и общества, высказываются соображения о том, что основную роль в формировании ответа на ситуацию пандемии, как и на другие стрессогенные ситуации, играют не сами стрессовые факторы, но то, как человек воспринимает стрессовые события, как они отражаются в его субъективной картине мира [Федосенко, 2020]. К настоящему времени проведено множество исследований, которые констатируют увеличение уровня тревоги и депрессии у жителей стран, охваченных пандемией [Balkhi et al., 2020; Mustafa, 2020; Roy et al., 2020]. Однако данные исследования посвящены главным образом констатации факта ухудшения психического состояния населения в силу действия ряда стрессовых факторов и не раскрывают механизмов воздействия тех из них, которые связаны с информационной составляющей пандемии. Лишь часть населения непосредственно сталкивается с тяготами, связанным с заболеванием, оказанием помощи другим, немедленным резким снижением финансового благополучия и ухудшением условий жизни. Для остальных людей на первый план выходит интерпретация ситуации, находящая свое отражение в изменении психического состояния. Картина ситуации становится важнейшим звеном между получаемой информацией и формированием психического неблагополучия. Известно, что поведение в ситуациях, связанных с высоким риском, существенно зависит от особенностей вероятностного прогнозирования [Китаев-Смык, 2009], а также от отношения к неопределенности, неоднозначности.

Ситуация пандемии как частный очень яркий случай ситуации неопределенности погружает человека в специфические психологические состояния, связанные с переживанием неопределенности и выработкой стратегий поведения.

Hirsh и соавторы [2012] утверждали, что увеличение психологической энтропии, хаоса приведет к усилению стресса и тревоги, и, таким образом, люди желают

снизить свой опыт энтропии до уровня, который можно контролировать. Однако учитывая, что индивидуальные различия в толерантности к неопределенности были тщательно задокументированы в исследованиях [Budner, 1962; McLain, 2009], реакции на увеличение энтропии, неопределенности могут не всегда включать стресс и беспокойство. Это центральный для DeYoung [2013] аргумент в пользу того, что энтропия (и следовательно, неопределенность) может быть одновременно отталкивающей и привлекательной: она может сигнализировать как о потенциальной угрозе, так и о потенциальной награде.

Есть свидетельства, что люди, более толерантные к неопределенности, более счастливы [Bardi et al., 2009], более мотивированы на обучение [Tapanes, Smith, White, 2009], более эффективны в самостоятельных действиях [Wolfradt et al., 1999] и более склонны вовлекаться в опыт кросс-культурного взаимодействия [Caligiuril, Tarique, 2012]. И наоборот, люди, которые менее толерантны к неоднозначности и неопределенности, как правило, больше беспокоятся [Buhr, Dugas, 2006], тревожатся, находятся в состоянии депрессии [Bardi et al., 2009; Carleton et al., 2012] и обсессивно-компульсивном состоянии [Tolin et al. 2003] и демонстрируют больше связанных со стрессом физиологических реакций [Greco, Roger, 2001].

Получается, что толерантность к неопределенности может выступить одним из психологических ресурсов, позволяющих лучше справляться со сложившейся ситуацией, которая часто характеризуется повышением не только неопределенности, но и тревоги, страха, растерянности и пр.

Цель данного исследования – описание первых реакций людей на ситуацию пандемии, описание их переживаний, отношение к ограничительным мерам и проверка наличия либо отсутствия их связи с отношением человека к неопределенности.

Выборка и методики

Для изучения восприятия коронавирусной инфекции COVID-19 и его связи с толерантностью к неопределенности нами был проведен опрос, охвативший 2 837 респондентов. Они отвечали на ряд вопросов, касающихся того, как они переживают ситуацию, связанную с COVID-19. Кроме этого, им был предложен опросник Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance – II (MSTAT-II), разработанный Д. Маклейном и адаптированный в России Д. А. Леонтьевым с соавторами.

Характеристики выборки. Выборка включала 2 837 человек (69,5 % женщин, 30,5 % мужчин), от 17 лет до 81 года ($M = 25,8$, $SD = 11,06$).

Результаты и обсуждение

На вопрос «Должны ли люди подчиняться ограничениям, которые на них накладывают власти в связи с COVID-19?» большая часть респондентов, 86,5 %, ответила утвердительно. При этом женщины дают утвердительный ответ чаще, чем мужчины ($\chi^2 = 51,2$, $p < 0,001$).

Усилия, которые предпринимает наше правительство в связи с COVID-19, как недостаточные оценила большая часть респондентов (56,5 %). 30,1 % респондентов оценили их как адекватные, а 13,4 % – как излишние (рис. 1).

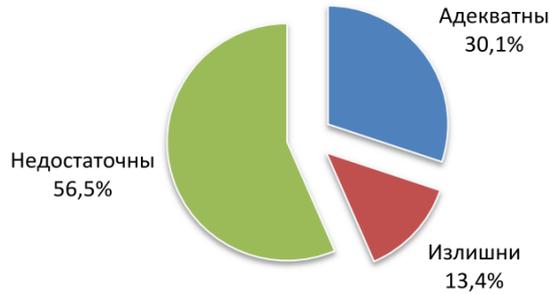

Рис. 1. Ответы на вопрос № 9
«Усилия, которые предпринимает наше правительство в связи с COVID-19, ...»

Ответы на вопрос «Как вы думаете, насколько правдива официальная информация в отношении вспышки коронавируса в нашей стране?» распределились следующим образом (рис. 2).

Рис. 2. Ответы на вопрос
«Как вы думаете, насколько правдива официальная информация в отношении вспышки коронавируса в нашей стране?»

В эмоциональном фоне доминируют такие эмоции, как *страх*, *раздражение* ($Mdn = 3$), *тревога* ($Mdn = 3$) и *печаль* ($Mdn = 3$). Если говорить о сильных эмоциях, то это *раздражение* (18 % ответов в категории «очень сильная эмоция») и *скука* (19 % ответов в категории «очень сильная эмоция»). Распределение отве-

тов респондентов на вопрос о силе эмоций в связи с ситуацией с пандемией COVID-19 приведено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос о силе эмоций в связи с ситуацией с пандемией COVID-19

Эмоция	% ответов					
	Не испытываю такую эмоцию (0)	Совсем слабая эмоция (1)	Слабая эмоция (2)	Средняя по силе эмоция (3)	Сильная эмоция (4)	Очень сильная эмоция (5)
Страх	18,54	21,82	21,96	22,98	10,50	4,20
Гнев	28,69	16,07	16,46	17,87	11,56	9,34
Раздражение	13,47	12,16	15,97	20,13	19,99	18,29
Любопытство	22,24	16,11	17,87	22,14	13,08	8,57
Скука	27,00	13,50	13,04	15,19	12,76	18,51
Тревога	15,09	17,41	17,06	20,87	16,32	13,25
Удовольствие	56,22	16,78	11,91	9,76	3,63	1,69
Восторг	74,52	13,15	6,17	4,20	1,09	0,88
Счастье	63,62	14,38	10,79	7,16	2,47	1,59
Отчаяние	44,41	15,90	14,95	12,44	6,56	5,75
Отвращение	50,02	13,39	11,70	11,46	6,73	6,70
Грусть	19,07	15,05	16,74	19,14	15,69	14,31

Толерантность к неопределенности оказалась отрицательно связана со всеми негативными эмоциями: страхом, гневом, раздражением, тревогой, отчаянием и пр. (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционные связи толерантности к неопределенности и возраста с субъективной силой эмоций, связанных с ситуацией пандемии COVID-19

		Толерантность к неопределенности	Возраст
ТН	Spearman's rho	–	
	p-value	–	
Возраст	Spearman's rho	–0,119 ***	–
	p-value	< 0,001	–

		Толерантность к неопределенности	Возраст
Страх	Spearman's rho	-0,303 ***	0,078 ***
	p-value	< 0,001	< 0,001
Гнев	Spearman's rho	-0,173 ***	-0,015
	p-value	< 0,001	0,427
Раздражение	Spearman's rho	-0,221 ***	-0,028
	p-value	< 0,001	0,141
Любозытство	Spearman's rho	-0,000	-0,089 ***
	p-value	0,989	< 0,001
Скука	Spearman's rho	-0,041 *	-0,332 ***
	p-value	0,028	< 0,001
Тревога	Spearman's rho	-0,357 ***	0,079 ***
	p-value	< 0,001	< 0,001
Удовольствие	Spearman's rho	0,051 **	-0,207 ***
	p-value	0,007	< 0,001
Восторг	Spearman's rho	0,057 **	-0,118 ***
	p-value	0,002	< 0,001
Счастье	Spearman's rho	0,057 **	-0,171 ***
	p-value	0,003	< 0,001
Отчаяние	Spearman's rho	-0,282 ***	-0,107 ***
	p-value	< 0,001	< 0,001
Отвращение	Spearman's rho	-0,129 ***	-0,109 ***
	p-value	< 0,001	< 0,001
Грусть	Spearman's rho	-0,253 ***	-0,119 ***
	p-value	< ,001	< 0,001

Таким образом, чем ниже толерантность к неопределенности, тем более отрицательным является эмоциональный фон, связанный с пандемией коронавирусной

инфекции. Интересно, что толерантность к неопределенности имеет слабую положительную связь с такими эмоциями, как удовольствие, счастье и восторг. Иными словами, эти данные позволяют рассматривать толерантность к неопределенности не только как ресурс, который уменьшает негативные переживания в сложившейся ситуации, но и позволяет увидеть в ней обстоятельства, способствующие определенным положительным переживаниям. Стоит, конечно, отметить, что в целом людям не свойственно испытывать в сложившейся ситуации положительные эмоции: мода и медиана для эмоций счастья, удовольствия и восторга равны 0 (ответ «не испытываю такую эмоцию»).

Что касается возраста, то наиболее тесно он связан с переживанием такой эмоции, как *скука*: чем моложе респондент, тем сильнее у него эта эмоция ($r_s = -0,332$, $p < 0,001$). У респондентов возрастной группы 17–25 лет скука выражена сильнее, чем у остальных групп ($p_{K-W} < 0,001$). Попарное сравнение тестом Дуосса – Стилла – Критчлоу – Флингера (DSCF test) подтверждает этот вывод. Также у респондентов этой возрастной группы сильнее выражена такая эмоция, как *любопытство*. Во всех остальных возрастных группах самый популярный ответ для этой эмоции относится к категории «0» («не испытываю такую эмоцию»), в то время как в возрастной группе 17–25 лет самый частый ответ относится к категории «3» («средняя по силе эмоция»). Различие между группами по этой эмоции подтверждается критерием Краскела – Уоллиса ($p_{K-W} < 0,001$). DSCF test, контролирующей ошибку первого рода, показывает значимые различия между первой возрастной группой (17–25 лет) и второй и третьей возрастными группами (26–50 лет и 51–65 лет). При этом вторая и третья группа по силе этой эмоции между собой не различаются.

Особый интерес представляют ответы людей из наиболее уязвимой для коронавируса возрастной группы (старше 65 лет). Наиболее интенсивной эмоцией у них является тревога ($Mo = 5$), при этом нельзя утверждать, что в этом плане они отличаются от других групп ($p_{K-W} = 0,669$). Однако отметим, что это единственная возрастная группа, в которой самый популярный ответ для эмоции тревоги относится к категории «5» («очень сильная эмоция»).

Различия по полу и описательные статистики приведены в табл. 3, 4.

Таблица 3
Различия между мужчинами и женщинами
в субъективной силе эмоций,
связанных с ситуацией пандемии COVID-19

	U	p
Страх	603246	< 0,001
Гнев	765779	< 0,001
Раздражение	772401	< 0,001
Любопытство	847822	0,797

	U	p
Скука	794967	0,003
Тревога	601950	< 0,001
Удовольствие	849823	0,866
Восторг	811329	0,007
Счастье	845376	0,663
Отчаяние	725458	< 0,001
Отвращение	833044	0,289
Грусть	700006	< 0,001

Таблица 4

Описательные статистики
для групп мужчин (*m*) и женщин (*w*)

	Пол	N	Mean	Median	SD
Страх	m	865	1,479	1,00	1,330
	w	1972	2,195	2,00	1,388
Гнев	m	865	1,766	1,00	1,720
	w	1972	2,039	2,00	1,641
Раздражение	m	865	2,565	3,00	1,680
	w	1972	2,844	3,00	1,632
Любопытство	m	865	2,151	2,00	1,670
	w	1972	2,126	2,00	1,564
Скука	m	865	2,443	2,00	1,900
	w	1972	2,219	2,00	1,839
Тревога	m	865	1,872	2,00	1,530
	w	1972	2,713	3,00	1,594
Удовольствие	m	865	0,939	0,00	1,320
	w	1972	0,924	0,00	1,279
Восторг	m	865	0,543	0,00	1,040
	w	1972	0,436	0,00	0,930

	Пол	N	Mean	Median	SD
Счастье	m	865	0,785	0,00	1,250
	w	1972	0,738	0,00	1,179
Отчаяние	m	865	1,091	0,00	1,440
	w	1972	1,508	1,00	1,603
Отвращение	m	865	1,392	1,00	1,700
	w	1972	1,282	0,00	1,595
Грусть	m	865	2,034	2,00	1,690
	w	1972	2,564	3,00	1,668

Как видно из приведенных данных, у женщин несколько интенсивнее практически все «отрицательные» эмоции (страх, гнев, раздражение, тревога, отчаяние, грусть), а у мужчин несколько интенсивней такие эмоции, как скука и восторг.

Также у мужчин выше, чем у женщин, толерантность к неопределенности ($t = 13,0$, $p < 0,001$). Возможно, именно с этим связано то, что для них характерны менее интенсивные «отрицательные» эмоции.

Можно отметить, что чем выше толерантность к неопределенности, тем меньше страх заболеть COVID-19 ($r_s = -0,176$, $p < 0,001$) и тем меньше изменилось обычное поведение человека в связи с пандемией коронавирусной инфекции ($r_s = -0,125$, $p < 0,001$).

Наконец, если говорить о доверии к источникам информации о коронавирусе COVID -19, то наибольшим доверием пользуются научные статьи ($Mdn = 73$ %, $Mo = 80$ %) и мнение известных специалистов в данной области ($Mdn = 70$ %, $Mo = 50$ %), а наименьшим – мнение окружающих людей ($Mdn = 20$ %, $Mo = 0$ %) и центральное телевидение ($Mdn = 30$ %, $Mo = 0$ %). Женщины больше, чем мужчины, доверяют центральному телевидению ($p < 0,001$), официальным сообщениям ($p < 0,001$), научным статьям ($p < 0,047$) и мнению известных специалистов в данной области ($p < 0,001$).

Эти данные полностью согласуются с данными, полученными другими исследователями. Обладание точной адекватной информацией приводит к уменьшению стресса, тревоги, депрессии [Wang et al., 2020, Mustafa, 2020]. При этом использование социальных сетей влияет на повышение уровня тревожности, страха и беспокойства [Wang et al., 2020]. Рой с соавторами показали, что 40 % их респондентов испытывают страх и беспокойство по поводу информации из социальных сетей [Roy et al., 2020]. Состояние людей улучшается, если они получают информацию из достоверных, с их точки зрения, источников. К таковым относится информация, полученная из уст ученых и медиков [Yuan et al., 2020; McFadden et al., 2020].

Интересно, что толерантность к неопределенности имеет слабую, но значимую отрицательную связь с доверием ко всем источниками информации. По-видимому, чем выше толерантность к неопределенности, тем спокойнее человек относится к самой разной, в том числе противоречивой информации, не сильно доверяя ей, а, скорее, накапливая различные позиции, мнения, факты, пополняя собственную базу данных, чтобы в какой-то момент времени прийти к формированию и оформлению собственного мнения, решения.

Заключение

Таким образом, полученные результаты показывают преобладание негативных эмоций в переживаниях респондентов в ситуации коронавируса, что свидетельствует о необходимости поиска ресурсов, средств помощи людям в аналогичных ситуациях. Мы получили данные, свидетельствующие о значительной роли толерантности к неопределенности в переживании ситуации пандемии COVID-19. Ресурсный потенциал толерантности к неопределенности требует пристального внимания и дальнейших исследований, особенно в связи с такими личностными характеристиками, как нейротизм, открытость к опыту, экстраверсия. При всей очевидной значимости личностных характеристик для переживания ситуации неопределенности фокус исследовательского внимания должен быть направлен на анализ самой ситуации и реакции на нее. Интерес представляет также анализ факторов, влияющих на переживание человеком данной ситуации и выработку оптимальной стратегии поведения. Действия государственных и местных органов власти, а также функционирование медиасферы, безусловно, являются ведущими факторами в этой ситуации. Оптимизация их деятельности становится очевидной насущной задачей.

Список литературы

- Китаев-Смык Л. А. Психология стресса: психологическая антропология стресса. М: Академический проект, 2009.
- Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
- Луман Н. Понятие риска // Альманах THESIS. 1994. №5. С. 135–160.
- Сеннет Р. Коррозия характера. Новосибирск, 2004.
- Федосенко Е. В. Жизнь после карантина, психология смыслов и коронавируса COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2020. № XXV. С. 35–46.
- Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35.
- Balkhi F., Nasir A., Zehra A., Riaz R. Psychological and Behavioral Response to the Coronavirus (COVID-19) Pandemic // Cureus, 2020. Vol. 12, № 5. P. e7923. DOI 10.7759/cureus.7923.
- Banerjee D. The COVID-19 outbreak: Crucial role the psychiatrists can play // Asian Journal of Psychiatry. 2020. Vol. 50. P. 102014. DOI 10.1016/j.ajp.2020.102014
- Bardi A., Guerra V. M., Sharadeh G., Ramdeny D. Openness and ambiguity intolerance: Their differential relations to wellbeing in the context of an academic life transi-

tion // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 47. P. 219–223. DOI 10.1016/j.paid.2009.03.003.

Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable // *Journal of Personality*. 1962. Vol. 30. P. 29–50. DOI 10.1111/j.1467-6494.1962.tb02303.x.

Buhr K., Dugas M. J. Investigating the construct validity of intolerance of uncertainty and its unique relationship with worry // *Journal of Anxiety Disorders*. 2006. Vol. 20. P. 222–236. DOI 10.1016/j.janxdis.2004.12.004.

Caligiuri P., Tarique I. Dynamic cross-cultural competencies and global leadership effectiveness // *Journal of World Business*. 2012. Vol. 47, № 4. P. 612–622. DOI 10.1016/j.jwb.2012.01.014.

Carleton R. N., Mulvogue M. K., Thibodeau M. A., McCabe R. E., Antony M. M., Asmundson G. J. Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression // *Journal of Anxiety Disorders*. 2012. Vol. 26, № 3. P. 468–479. DOI 10.1016/j.janxdis.2012.01.011.

DeYoung C. G. The neuromodulator of exploration: A unifying theory of the role of dopamine in personality // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2013. Vol. 7. P. 762. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00762>.

Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991.

Greco V., Roger D. Coping with uncertainty: The construction and validation of a new measure // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 31. P. 519–534. DOI 10.1016/s0191-8869(00)00156-2.

Hirsh J. B., Mar R. A., Peterson J. B. Psychological entropy: A framework for understanding uncertainty-related anxiety // *Psychological Review*. 2012. Vol. 119, № 2. P. 304–320. DOI 10.1037/a0026767.

McLain D. L. Evidence of the properties of an ambiguity tolerance measure: The multiple stimulus types ambiguity tolerance scale-II (MSTAT-II) // *Psychological Reports*. 2009. Vol. 105, № 3. P. 975–988. DOI 10.2466/pr0.105.3.975-988.

McFadden S. M., Malik A. A., Aguolu O. G., Willebrand K. S., Omer S. B. Perceptions of the adult US population regarding the novel coronavirus outbreak // *PLoS ONE*. 2020. Vol. 15, № 4. P. e0231808. DOI 10.1371/journal.pone.0231808

Mustafa N. Psychological Stress and Associated Factors during the Coronavirus Disease (COVID-19). 2020. DOI 10.13140/RG.2.2.21652.24969

Naguy A., Moodliar-Rensburg S., Alamiria B. Coronaphobia and chronophobia – A psychiatric perspective // *Asian Journal of Psychiatry*. 2020. Vol. 51. P. 102050.

Roy D., Tripathy S., Kar K., Sharma N., Verma S. K., Kaushal V. Study of knowledge, attitude, anxiety & perceived mental healthcare need in Indian population during COVID-19 pandemic // *Asian Journal of Psychiatry*. 2020. Vol. 51. P. 1–7. DOI 10.1016/j.ajp.2020.102083

Tapanes M. A., Smith G. G., White J. A. Cultural diversity in online learning: A study of the perceived effects of dissonance in levels of individualism/collectivism and tolerance of ambiguity // *Internet and Higher Education*. 2009. Vol. 12. P. 26–34. DOI 10.1016/j.iheduc.2008.12.001.

Tolin D. F., Abramowitz J. S., Brigidi B. D., Foa E. B. Intolerance of uncertainty in obsessive-compulsive disorder // *Journal of Anxiety Disorders*. 2003. Vol. 17. P. 233–242. DOI 10.1016/S0887-6185(02)00182-2.

Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C, Ho R. Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China // *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17. P. 1729. DOI 10.3390/ijerph17051729.

Wolfradt U., Oubaid V., Straube E. R., Bischoff N., Mischo J. Thinking styles, schizotypal traits and anomalous experiences // *Personality and Individual Differences*. 1999. Vol. 27. P. 821–830. DOI 10.1016/S0191-8869(99)00031-8.

Yuan S., Liao Zh., Huang H., Jiang B., Zhang X., Wang Y., Zhao M. Comparison of the Indicators of Psychological Stress in the Population of Hubei Province and Non-Endemic Provinces in China During Two Weeks During the Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) // *Medical science monitor*. 2020. Vol. 26. P. e923767-1 – e923767-10. DOI 10.12659/MSM.923767

References

Balkhi, F., Nasir, A., Zehra, A., Riaz, R. (2020). Psychological and Behavioral Response to the Coronavirus (COVID-19) Pandemic. *Cureus*, 12 (5), e7923. DOI 10.7759/cureus.7923

Banerjee, D. (2020). The COVID-19 outbreak: Crucial role the psychiatrists can play. *Asian Journal of Psychiatry*, 50, 102014. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102014>

Bardi, A., Guerra, V. M., Sharadeh, G., & Ramdeny, D. (2009). Openness and ambiguity intolerance: Their differential relations to wellbeing in the context of an academic life transition. *Personality and Individual Differences*, 47, 219–223. DOI 10.1016/j.paid.2009.03.003.

Budner, S. (1962). Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journal of Personality*, 30, 29–50. DOI 10.1111/j.1467-6494.1962.tb02303.x.

Buhr, K., & Dugas, M. J. (2006). Investigating the construct validity of intolerance of uncertainty and its unique relationship with worry. *Journal of Anxiety Disorders*, 20, 222–236. DOI 10.1016/j.janxdis.2004.12.004.

Caligiuri, P., & Tarique, I. (2012). Dynamic cross-cultural competencies and global leadership effectiveness. *Journal of World Business*, 47 (4), 612–622. DOI 10.1016/j.jwb.2012.01.014.

Carleton, R. N., Mulvogue, M. K., Thibodeau, M. A., McCabe, R. E., Antony, M. M., & Asmundson, G. J. (2012). Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression. *Journal of Anxiety Disorders*, 26 (3), 468–479. DOI 10.1016/j.janxdis.2012.01.011.

DeYoung, C. G. (2013). The neuromodulator of exploration: A unifying theory of the role of dopamine in personality. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7, 762. DOI 10.3389/fnhum.2013.00762.

Fedosenko, E. V. (2020). Zhizn' posle karantina, psikhologiya smyslov i koronavirus COVID-19 [Life after the quarantine: psychology of sense and coronavirus COVID-19]. *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i akme*, XXV, 35–46.

Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Greco, V., & Roger, D. (2001). Coping with uncertainty: The construction and validation of a new measure. *Personality and Individual Differences*, 31, 519–534. DOI 10.1016/s0191-8869(00)00156-2.

Hirsh, J. B., Mar, R. A., & Peterson, J. B. (2012). Psychological entropy: A framework for understanding uncertainty-related anxiety. *Psychological Review*, 119 (2), 304–320. DOI 10.1037/a0026767

Kitaev-Smyk, L. A. (2009). *Psikhologiya stressa: psikhologicheskaya antropologiya stressa* [Psychology of stress]. M: Akademicheskii proekt.

Luman, N. (2004). *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. M.: Logos.

Luman, N. (1994). Poniatie riska [The concept of risk]. *Al'manakh THESIS*, 5, 35–160.

McFadden, S. M, Malik, A. A, Aguolu, O. G, Willebrand, K. S, Omer, S. B (2020). Perceptions of the adult US population regarding the novel coronavirus outbreak. *PLoS ONE*, 15 (4), e0231808. DOI 10.1371/journal.pone.0231808

McLain, D. L. (2009). Evidence of the properties of an ambiguity tolerance measure: The multiple stimulus types ambiguity tolerance scale–II (MSTAT–II). *Psychological Reports*, 105 (3), 975–988. DOI 10.2466/pr0.105.3.975-988.

Mustafa N. (2020). Psychological Stress and Associated Factors during the Coronavirus Disease (COVID-19). DOI 10.13140/RG.2.2.21652.24969

Naguy, A., Moodliar-Rensburg, S., Alamiria, B. (2020). Coronaphobia and chronophobia – A psychiatric perspective. *Asian Journal of Psychiatry*, 51, 102050.

Roy, D., Tripathy, S., Kar, K., Sharma, N., Verma, S. K., Kaushal, V. (2020). Study of knowledge, attitude, anxiety & perceived mental healthcare need in Indian population during COVID-19 pandemic. *Asian Journal of Psychiatry*, 51, 1–7. DOI 10.1016/j.ajp.2020.102083

Sennet, R. (2004). *Korroziya kharaktera* [The Corrosion of Character]. Novosibirsk.

Tapanes, M. A., Smith, G. G., & White, J. A. (2009). Cultural diversity in online learning: A study of the perceived effects of dissonance in levels of individualism/collectivism and tolerance of ambiguity. *Internet and Higher Education*, 12, 26–34. DOI 10.1016/j.iheduc.2008.12.001.

Tolin, D. F., Abramowitz, J. S., Brigidi, B. D., & Foa, E. B. (2003). Intolerance of uncertainty in obsessive-compulsive disorder. *Journal of Anxiety Disorders*, 17, 233–242. DOI 10.1016/S0887-6185(02)00182-2.

Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C, Ho R. (2020). Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 1729. DOI 10.3390/ijerph17051729.

Wolfradt, U., Oubaid, V., Straube, E. R., Bischoff, N., & Mischo, J. (1999). Thinking styles, schizotypal traits and anomalous experiences. *Personality and Individual Differences*, 27, 821–830. DOI 10.1016/S0191-8869(99)00031-8.

Yanitskii, O. N. (2003). Sotsiologiia riska: kliuchevye idei [Sociology of risk: key ideas]. *Mir Rossii*, 1, 3–35.

Yuan, S., Liao, Zh., Huang, H., Jiang, B., Zhang, X., Wang, Y., Zhao, M. (2020). Comparison of the Indicators of Psychological Stress in the Population of Hubei Province and Non-Endemic Provinces in China During Two Weeks During the Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). *Medical science monitor*, 26, e923767-1 – e923767-10. DOI 10.12659/MSM.923767

*Материал поступил в редколлегию
The article was submitted
18.07.2020*

Сведения об авторах

Первушина Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности, заместитель директора Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

olgap7@yandex.ru
Scopus Author ID 57190754195
AuthorID RSCI 406156

Фёдоров Александр Александрович – кандидат психологических наук, зав. кафедрой клинической психологии, доцент кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета, (Новосибирск, Россия)

fedleks@yandex.ru
ORCID 0000-0003-1272-7859
Scopus Author ID 48661946900
AuthorID RSCI 201674

Дорошева Елена Алексеевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры сравнительной психологии Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

elena.dorosheva@mail.ru
Scopus Author ID 6504158742
AuthorID RSCI 95192

Information about the Authors

Olga N. Pervushina – PhD, Head of the Section of Personality Psychology, Deputy Director of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

olgap7@yandex.ru

Scopus Author ID 57190754195

AuthorID RSCI 406156

Alexandr A. Fedorov – PhD, Head of the Section of Clinical Psychology at the Institute of Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

fedleks@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1272-7859

Scopus Author ID 48661946900

AuthorID RSCI 201674

Elena A. Dorosheva – PhD, Associate Professor of the Section of Comparative Psychology at the Institute of Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

elena.dorosheva@mail.ru

Scopus Author ID 6504158742

AuthorID RSCI 95192

УДК 159.9
DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-21-31

Исследование толерантности к неопределенности у студентов

И. В. Лазюк

*Новосибирский государственный медицинский университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Толерантность к неопределенности становится всё более популярным предметом для изучения в самых разных областях. Многочисленные исследования посвящены проблеме влияния толерантности к неопределенности на процесс обучения. Эта проблема уже не нова для зарубежной психологии, но сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Анализ современных отечественных и зарубежных исследований толерантности к неопределенности показал, что существуют противоречивые данные об уровне толерантности к неопределенности у обучающихся в вузе. В статье представлены результаты исследования толерантности к неопределенности у студентов с применением наиболее распространенных методик изучения данного конструкта.

Ключевые слова

толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, межличностная интолерантность к неопределенности, обучение в вузе

Для цитирования

Лазюк И. В. Исследование толерантности к неопределенности у студентов // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 21–31. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-21-31

Study of Tolerance to Uncertainty in Students

I. V. Lazyuk

*Novosibirsk State Medical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Tolerance to uncertainty is becoming an increasingly popular subject for study in a wide variety of fields. Numerous studies are devoted to the problem of the influence of uncertainty tolerance on the learning process. This problem is no longer new to foreign psychology, but it retains its relevance at the present time. An analysis of modern domestic and foreign studies of uncertainty tolerance showed that there are conflicting data on the level of uncertainty tolerance among students at the university. The article presents the results of a study of uncertainty tolerance among students using the most common methods for studying this construct.

Keywords

intolerance to uncertainty, interpersonal intolerance to uncertainty, university studies

For citation

Lazyuk, I. V. (2020). Study of Tolerance to Uncertainty in Students. *Reflexio*, 13 (1), 21–31. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-21-31

© И. В. Лазюк, 2020

Введение

Толерантность к неопределенности становится всё более популярным предметом для изучения в самых разных областях. Определение толерантности к неопределенности изменилось с момента его возникновения, также изменился подход к измерению и пониманию исследовательского конструкта [McLain, 2015].

Многочисленные исследования посвящены проблеме влияния толерантности к неопределенности на процесс обучения. Эта проблема уже не нова для зарубежной психологии, но сохраняет свою актуальность и в настоящее время. М. Тэтзел в 1980 г. провел исследование, результаты которого показали, что студенты гуманитарных специальностей обладают значительно большей толерантностью к неопределенности, чем студенты технических специальностей [Сиротюк, 2015].

Среди более современных исследований – исследование W. Owen и R. Sweeney [Owen, Sweeney, 2002], в котором они изучали влияние толерантности к неопределенности на уровень удовлетворенности обучением и на его эффективность.

В результате исследований V. M. DeRoma, K. M. Martin, M. L. Kessler обнаружили, что отношение студентов к неопределенности в обучающем процессе влияет на уровень комфорта в обучении и в конечном счете на их успеваемость [DeRoma et al, 2003].

С точки зрения Н. Л. Быковой и А. Н. Фоминой будущий специалист должен обладать способностью к эффективному и широкому использованию своих компетенций в ситуациях, выходящих за рамки формальных предписаний [Быкова, 2015]; компетенции формируются и тестируются только в непосредственной, новой, а значит, непредвиденной деятельности, следовательно, такую характеристику личности, как способность доброжелательно, продуктивно и последовательно реагировать на ситуацию неопределенности мы можем причислить к выделяемым К. Кееп мета-компетенциям – способностям к самостоятельной организации и трансформации структурных единиц деятельности, временной и пространственной организации деятельности, самоорганизации [Енькова, 2011]. Иными словами, способность гибко, доброжелательно подходить к любым проблемам текущего момента становится ключевой для психического здоровья личности и ее профессионального успеха. В связи с этим большую актуальность приобретает практика развития и поддержания у студентов толерантности к неопределенности.

Толерантность – это свойство человека, раскрывающее его способность активно принимать реальный мир во всем многообразии, без пассивной подстройки и перекраивания «на свой лад». Человек толерантный к неопределенности продуктивно действует в незнакомой обстановке, при недостатке информации берет на себя ответственность. В непривычной ситуации человек толерантный к неопределенности находит возможность развития и проявления своих способностей и навыков. Психологический смысл этого свойства состоит в том, что поведение толерантного человека многовариантно. Соответственно, интолерантный человек склонен воспринимать сложные и необычные ситуации как угрожающие, недостаток информации или ее двусмысленность доставляют такому человеку дискомфорт [Быкова, 2013].

Исследование Geller et al. (выборка составила 13 314 респондентов) также показало, что в основном студенты выражают высокий уровень стресса и низкий уровень толерантности к неопределенности [Geller, 1990].

Результаты исследования Weissenstein et al. показывают, что студенты имеют очень низкий уровень толерантности к неопределенности, особенно в отношении открытости новому опыту и возможности разрешать проблемы [Weissenstein et al, 2014].

Н. В. Король пишет, что ситуация неопределенности может сопровождаться некоторым любопытством, интересом, стимулировать умственную и поведенческую активность, быть стимулом к развитию. Толерантная личность рассматривает любую подобную ситуацию как возможность для саморазвития, приобретения нового опыта, интолерантная – как источник угрозы, тревоги и дискомфорта. В исследовании Н. В. Король у студентов получены преимущественно низкие показатели по фактору «толерантность к неопределенности», что позволяет говорить о том, что студенты проявляют себя в большей степени как интолерантные личности, которые тяжело воспринимают ситуации новизны, сложные ситуации, а также неопределенные ситуации, связанные как с выбором, так и с различного рода нестабильностью [Король, 2019].

Результаты диагностики уровня толерантности к неопределенности в исследовании О. А. Кондрашихиной и И. А. Тихомировой показали, что обследованным студентам свойственны средний и высокий уровень толерантности к неопределенности, при этом средний уровень толерантности является преобладающим. Основными источниками интолерантности к неопределенности являются неопределенные ситуации с отсутствием структурированности и ситуации, содержащие противоречивые элементы, что приводит к восприятию их как неразрешимых. Базовым компонентом для развития устойчивости к неопределенности в данной группе испытуемых выступает положительное отношение к сложным многокомпонентным проблемам [Кондрашихина, 2020].

Целью исследования являлось выявление уровня толерантности к неопределенности у студентов с применением наиболее распространенных методик диагностики данного конструкта.

Характеристика выборки

В исследовании приняли участие студенты г. Новосибирска, обучающиеся на 1, 2 и 3-м курсах. Всего в исследовании приняло участие 148 студентов. Из них 25 юношей и 123 девушки. Средний возраст испытуемых $20 \pm 2,2$ года.

Методики исследования

1. Шкала толерантности к неопределенности С. Баднера (версия Г. У. Солдатовой). Шкала толерантности – интолерантности к неопределенности С. Баднера впервые опубликована в 1962 году, адаптирована и валидизирована на русском языке в 2008 году Г. У. Солдатовой и Л. А. Шайгеровой. Версия Солдатовой предлагает опросник с трехшкальным ключом (новизна, сложность и неразрешимость).

2. Шкала толерантности к неопределенности С. Баднера (версия Т. В. Корниловой). Переработана и валидизирована в 2014 году Т. В. Корниловой и М. А. Чу-

маковой. Установлена двухфакторная структура опросника, продемонстрированы его удовлетворительная надежность и валидность.

3. Шкала толерантности к неопределенности Д. МакЛейна (в адаптации Е. Н. Осина). Разработана Д. МакЛейном в 1993 году под названием Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-I (сокр. MSTAT-I), впервые переведена и адаптирована на русский язык Е. Г. Луковицкой в 1998 году. Вторая адаптация методики была проведена Е. Н. Осиним в 2004 году. В исследовании Е. Н. Осина с помощью кластерного анализа в опроснике были выделены группы однородных пунктов, образующие пять субшкал: отношение к новизне, отношение к сложным задачам, отношение к неопределенным ситуациям, предпочтение неопределенности и толерантность / избегание неопределенности.

4. Новый опросник толерантности к неопределенности (Т. В. Корнилова). Разработана в 2009 году Т. В. Корниловой. Выделено три шкалы: толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности и межличностная интолерантность к неопределенности.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследования толерантности к неопределенности (Шкала толерантности к неопределенности С. Баднера, версия Г. У. Солдатовой)

Опросник С. Баднера в адаптации Г. У. Солдатовой позволяет определить общий показатель толерантности к неопределенности, полученный в результате проведенного эмпирического исследования и оценить внутреннюю структуру толерантности к неопределенности (рис. 1).

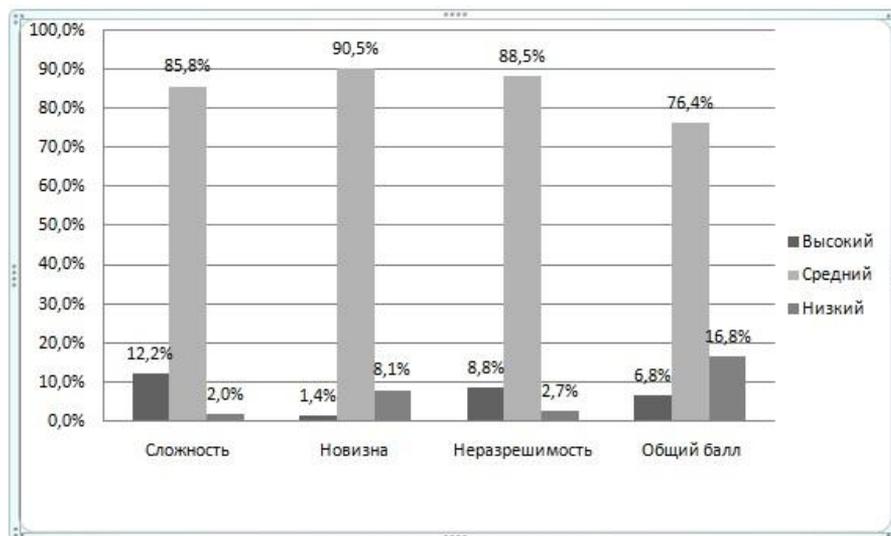

Рис. 1. Результаты исследования толерантности к неопределенности, опросник С. Баднера в адаптации Г. У. Солдатовой, % (n = 148)

Высокие показатели общего балла интолерантности к неопределенности (среднее значение $58,26 \pm 8,92$) выявлены в 6,8 % случаев (10 респондентов), средние показатели интолерантности к неопределенности выявлены в 76,4 % случаев (113 респондентов), низкие показатели интолерантности к неопределенности выявлены в 16,8 % опрошенных (25 человек). Высокие показатели свидетельствуют о том, что неопределенные ситуации субъект воспринимает как угрожающие.

Высокие показатели по шкале «Новизна» (среднее значение $14,41 \pm 3,56$) диагностированы у 1,4 % опрошенных (2 человека), средние показатели выявлены у 90,5 % студентов (134 человека), низкие показатели обнаружены у 8,1 % респондентов (12 человек).

Высокие показатели по шкале «Сложность» (среднее значение $30,82 \pm 6,87$) диагностированы у 12,2 % опрошенных (18 человек), средние показатели выявлены у 85,8 % студентов (127 человек), низкие показатели обнаружены у 2 % респондентов (3 человека).

Высокие показатели по шкале «Неразрешимость» (среднее значение $13,03 \pm 2,41$) диагностированы у 8,8 % опрошенных (13 человек), средние показатели выявлены у 88,5 % студентов (131 человек), низкие показатели обнаружены у 2,7 % респондентов (4 человека).

Стоит отметить, что результаты исследования показали, что наибольший вклад в формирование высоких показателей интолерантности в 90 % случаев оказывают высокие показатели шкалы «Сложность». Высокие баллы по шкале «Новизна» не оказывают влияния на высокие показатели общего балла.

В свою очередь, наибольший вклад в формирование низкого общего балла интолерантности к неопределенности (потенциально высокого общего балла толерантности) в 65 % случаев вносят низкие показатели шкалы «Новизна», т. е. чем более определенной и понятной является ситуация и условия, в которых находится субъект деятельности, тем сильнее проявляется индивидуальная склонность (предрасположенность) рассматривать (оценивать) неопределенные ситуации как желаемые.

Результаты исследования толерантности к неопределенности (Шкала толерантности к неопределенности С. Баднера, версия Т. В. Корниловой)

Низкий уровень интолерантности к неопределенности (ИТН) (среднее значение $27,2 \pm 5,96$) выявлен у 3,4 % студентов (5 человек), показатели ниже среднего диагностированы у 4,7 % студентов (7 человек), уровень немного ниже среднего имеют 8,1 % респондентов (12 человек), средние показатели ИТН присутствуют у 48,7 % опрошенных (72 человека), уровень немного выше среднего выявлен у 11,5 % студентов (17 человек), показатели интолерантности к неопределенности выше среднего представлены у 18,2 % респондентов (27 человек), высокий уровень ИТН имеют 5,4 % обучающихся (8 человек).

Низкий уровень толерантности к неопределенности (ТН) (среднее значение $28,59 \pm 4,08$) выявлен у 8,8 % студентов (13 человек), показатели ниже среднего диагностированы у 12,2 % студентов (18 человек), уровень немного ниже среднего имеют 27 % респондентов (40 человек), средние показатели ТН присутствуют у 46,6 % опрошенных (69 человек), уровень немного выше среднего выявлен у 4,7 % студентов (7 человек), показатели толерантности к неопределенности

выше среднего не представлены, высокий уровень ТН имеют 0,7 % обучающихся (1 человек).

Распределение полученных показателей представлено на рис. 2.

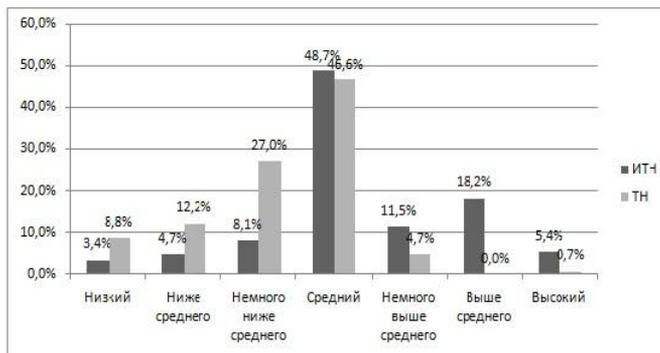

Рис. 2. Результаты исследования толерантности к неопределенности, опросник С. Баднера в адаптации Т. В. Корниловой, % ($n = 148$)

Результаты исследования толерантности к неопределенности (Шкала толерантности к неопределенности Д. МакЛейна в адаптации Е. Н. Осина)

Опросник Д. МакЛейна в адаптации Е. Н. Осина позволяет проанализировать следующие субшкалы: отношение к новизне, отношение к сложным задачам, отношение к неопределенным ситуациям, предпочтение неопределенности, толерантность / избегание неопределенности и общий балл. На рис. 3 представлено распределение показателей по шкалам.

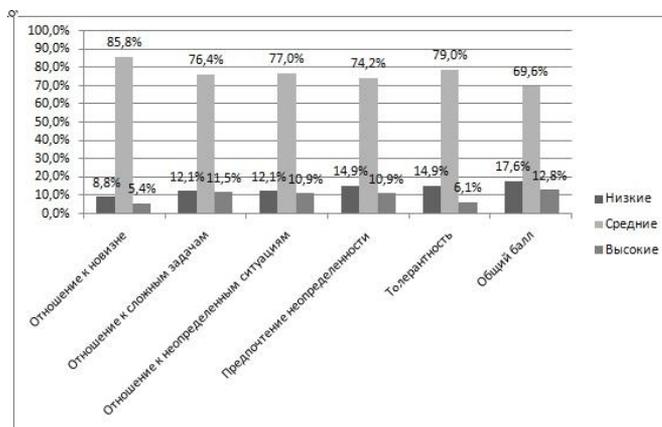

Рис. 3. Результаты исследования толерантности к неопределенности, опросник Д. МакЛейна в адаптации Е. Н. Осина, % ($n = 148$)

Низкие показатели по шкале «Отношение к новизне» (среднее значение $12,65 \pm 3,27$) обнаружены у 8,8 % респондентов (13 человек), средние показатели выявлены у 85,8 % опрошенных (127 человек), высокие показатели выявлены у 5,4 % студентов (8 человек).

Низкие показатели по шкале «Отношение к сложным задачам» (среднее значение $28,53 \pm 6,84$) обнаружены у 12,1 % респондентов (18 человек), средние показатели выявлены у 76,4 % опрошенных (113 человек), высокие показатели выявлены у 11,5 % студентов (17 человек).

Низкие показатели по шкале «Отношение к неопределенным ситуациям» (среднее значение $31,99 \pm 7,73$) обнаружены у 12,1 % респондентов (18 человек), средние показатели выявлены у 77 % опрошенных (114 человек), высокие показатели выявлены у 10,9 % студентов (16 человек).

Низкие показатели по шкале «Предпочтение неопределенности» (среднее значение $40,7 \pm 9,84$) обнаружены у 14,9 % респондентов (22 человека), средние показатели выявлены у 74,2 % опрошенных (114 человек), высокие показатели выявлены у 10,9 % студентов (16 человек).

Низкие показатели по шкале «Толерантность» (среднее значение $36,74 \pm 9,11$) обнаружены у 14,9 % респондентов (22 человека), средние показатели выявлены у 79 % опрошенных (117 человек), высокие показатели выявлены у 6,1 % студентов (9 человек).

Низкие показатели по шкале «Общий балл» (среднее значение $77,51 \pm 17,07$) обнаружены у 17,6 % респондентов (26 человек), средние показатели выявлены у 69,6 % опрошенных (117 человек), высокие показатели выявлены у 12,8 % студентов (19 человек).

Результаты исследования толерантности к неопределенности (Новый опросник толерантности к неопределенности Т. В. Корниловой)

Новый опросник толерантности к неопределенности Т. В. Корниловой позволяет выявить показатели толерантности к неопределенности, интолерантности к неопределенности и межличностной интолерантности к неопределенности. Распределение показателей представлено на рис. 4.

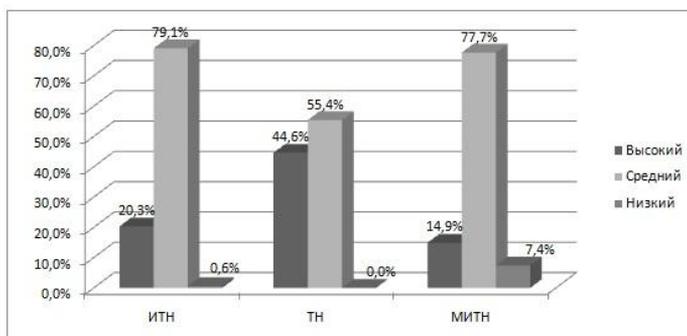

Рис. 4. Результаты исследования толерантности к неопределенности, опросник Т. В. Корниловой, % ($n = 148$)

Высокие показатели толерантности к неопределенности (среднее значение $59,68 \pm 7,71$) выявлены в 44,6 % случаев (66 респондентов), средние показатели толерантности к неопределенности выявлены в 55,4 % случаев (82 респондента), низкие показатели толерантности к неопределенности не выявлены.

Высокие показатели толерантности к неопределенности свидетельствуют о том, что человек активно стремится к изменениям, новизне и оригинальности, имеет выраженную готовность идти непроторенными путями и предпочитает более сложные задачи, имеет возможность самостоятельности и выхода за рамки принятых ограничений. Также человек готов к восприятию изменчивых и многомерных стимулов и способен изменять собственные познавательные стратегии.

Высокие показатели интолерантности к неопределенности выявлены (среднее значение $57,44 \pm 8,87$) в 20,3 % случаев (30 респондентов), средние показатели интолерантности к неопределенности выявлены в 79,1 % случаев (117 респондентов), низкие показатели интолерантности к неопределенности выявлены в 0,6 % случаев (1 респондент).

Высокие показатели интолерантности к неопределенности демонстрируют в личности стремление к ясности, упорядоченности во всем и неприятие неопределенности, предположение о главенствующей роли правил и принципов, дихотомическое разделение правильных и неправильных способов, мнений и ценностей, также могут наблюдаться трудности изменений прежних взглядов и стратегий и акцент на рациональном поиске информации.

Высокие показатели межличностной интолерантности к неопределенности (среднее значение $34,14 \pm 7,18$) выявлены в 14,9 % случаев (22 респондента), средние показатели межличностной интолерантности к неопределенности выявлены в 77,7 % случаев (115 респондентов), низкие показатели межличностной интолерантности к неопределенности выявлены в 7,4 % случаев (11 респондентов).

Высокие показатели межличностной интолерантности к неопределенности означают стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими, ситуации отвержения неопределенности. Человек не терпит недосказанностей и непроговоренности в отношениях с другими, стремится к прояснению позиций и четких стратегий поведения. В целом это соответствует критериям устойчивости, монологичности, статичности в отношениях с другими. Низкие показатели межличностной интолерантности к неопределенности демонстрируют ситуацию принятия неопределенности в межличностных отношениях.

Выводы

На основании результатов исследования установлено, что у студентов преобладают средние показатели уровня толерантности к неопределенности, о чем свидетельствуют гистограммы распределения этой характеристики, исследованной с помощью четырех разных методик (см. рис. 1–4). Для подтверждения результатов в таблице приведены средние значения толерантности к неопределенности в общей выборке, полученных в результате исследования с помощью использованных нами методик.

Средние значения параметров толерантности к неопределенности
в общей выборке ($n = 148$)

Опросник	Среднее значение	Зона значений
Опросник Баднера, ад. Солдатовой	58,3	Средняя
Опросник Баднера, ад. Корниловой	28,6	Средняя
Опросник Маклейна, ад. Осина	105,6	Средняя
Опросник Корниловой	59,7	Средняя

Также стоит отметить, что результаты исследования показали, что наибольший вклад в формирование высоких показателей интолерантности в 90 % случаев вносят высокие показатели шкалы «Сложность». Высокие баллы по шкале «Новизна» не оказывают влияния на высокие показатели общего балла.

В свою очередь, наибольший вклад в формирование низкого общего балла интолерантности к неопределенности (потенциально высокого общего балла толерантности) в 65 % случаев вносят низкие показатели шкалы «Новизна», т. е. чем более определенной и понятной является ситуация и условия, в которых находится субъект деятельности, тем сильнее проявляется индивидуальная склонность (предрасположенность) рассматривать (оценивать) неопределенные ситуации как желаемые.

Список литературы

Быкова Н. Л. Деперсонализация как основа стратегии социального поведения и обретения осмысленности жизни студентов-выпускников гуманитарного вуза // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи современной России: Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Самара: Изд-во СГСПУ, 2013. С. 39–44.

Быкова Н. Л., Фомина А. Н. Мета-компетенция толерантности к неопределенности как залог успешного профессионального обучения студентов // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф. Самара: Изд-во СГСПУ, 2015. С. 76–80.

Енькова Л. П. Временная компетентность у студентов вуза // Вектор науки ТГУ. 2011. № 2 (5). С. 85–88.

Кондрашихина О. А., Тихомирова И. А. Вербальная и невербальная креативность и толерантность к неопределенности студентов-психологов // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 1. С. 46–52.

Король Н. В. Изучение взаимосвязи временной перспективы личности студентов и толерантности к неопределенности // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Сб. материалов IV Междунар. науч. конф. Донецк: Изд-во ДГУ, 2019. С. 292–295.

Сиротюк М. В. Исследования толерантности-интолерантности к неопределенности в зарубежной и отечественной психологии // Развитие человека в современном мире. 2015. С. 228–235.

DeRoma V. M., Martin K. M., Kessler M. L. The relationship between tolerance for ambiguity and need for course structure // *Journal of Instructional Psychology*. 2003. Vol. 30., iss. 2. P. 104–109.

Geller G., Faden R. R., Levine D. M. Tolerance for ambiguity among medical students: implications for their selection, training and practice // *Soc. Sci. Med.* 1990. Vol. 31. P. 619–624.

McLain D. L., Kefallonitis E., Armani K. Ambiguity tolerance in organizations: definitional clarification and perspectives on future research // *Front. Psychol.* 2015. Vol. 6. P. 344.

Owen W., Sweeney R. Ambiguity Tolerance, Performance, Learning, and Satisfaction: A Research Direction. 2002. URL: <http://isedj.org/isecon/2002/242c/ISECON.2002.owen.pdf>.

Weissenstein A., Ligges S., Brouwer B., Marshall B., Friederichs H. Measuring the ambiguity tolerance of medical students: a cross-sectional study from the first to sixth academic years // *H. BMC FamPract.* 2014. Vol. 15: 6.

References

Bykova, N. L. (2013) Depersonalizacija kak osnova strategii social'nogo povedenija i obretenija osmyslennoti zhizni studentov-vypusnikov gumanitarnogo vuza [Depersonalization as the basis for the strategy of social behavior and the acquisition of meaning in the life of graduate students of a humanitarian university]. In: Professional'noe i lichnostnoe samoopredelenie molodezhi sovremennoj Rossii: materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf. Samara, SGSPU Press, p. 39–44. (in Russ.)

Bykova, N. L., Fomina, A. N. (2015) Meta-kompetencija tolerantnosti k neopredelennosti kak zalog uspeshnogo professional'nogo obuchenija studentov [Meta-competence of uncertainty tolerance as a guarantee of successful professional training of students] In: Vysshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy: sb. materialov X mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Samara, SGSPU Press, p. 76–80. (in Russ.)

DeRoma, V. M., Martin, K. M., Kessler, M. L. (2003) The relationship between tolerance for ambiguity and need for course structure *Journal of Instructional Psychology*, 30 (2), 104–109.

Enkova, L. P. (2011) Vremennaja kompetentnost' u studentov vuza [Temporary competence of university students]. *Vektor nauki TGU*, 2 (5), 85–88. (in Russ.)

Geller, G. Faden, R. R., Levine, D. M. (1990) Tolerance for ambiguity among medical students: implications for their selection, training and practice. *Soc. Sci. Med.*, 31, 619–624.

Kondrashihina, O. A., Tihomirova, I. A. (2020) Verbal'naja i neverbal'naja kreativnost' i tolerantnost' k neopredelennosti studentov-psihologov [Verbal and Non-Verbal Creativity and Uncertainty Tolerance in Psychology Students]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija "Psihologija"*, 1, 46–52. (in Russ.)

Korol, N. V. (2019) Izuchenie vzaimosvjazi vremennoj perspektivy lichnosti studentov i tolerantnosti k neopredelennosti [Study of the relationship between the temporal perspective of the personality of students and the tolerance of uncertainty] In: Doneckie chtenija 2019: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: sb. materialov IV mezhdunar. nauchn. konf. Donetsk, DSU Press, 292–295. (in Russ.)

McLain, D. L., Kefallonitis, E., Armani K. (2015) Ambiguity tolerance in organizations: definitional clarification and perspectives on future research *Front. Psychol.*, 6, 344.

Owen, W., Sweeney R. (2002) Ambiguity Tolerance, Performance, Learning, and Satisfaction: A Research Direction. URL: <http://isedj.org/isecon/2002/242c/ISECON.2002.owen.pdf>.

Sirotyuk, M. V. (2015) Issledovanija tolerantnosti-intolerantnosti k neopredelennosti v zarubezhnoj i otechestvennoj psihologii [Studies of tolerance-intolerance to uncertainty in foreign and domestic psychology]. In: *Razvitie cheloveka v sovremennom mire*. Novosibirsk, 228–235. (in Russ.)

Weissenstein, A., Ligges, S., Brouwer, B., Marschall, B., Friederichs H. (2014) Measuring the ambiguity tolerance of medical students: a cross-sectional study from the first to sixth academic years. *H. BMC FamPract.*, 15, 6.

Материал поступил в редколлегию

The article was submitted

08.07.2020

Сведения об авторе

Лазюк Ирина Викторовна – старший преподаватель, Новосибирский государственный медицинский университет (Новосибирск, Россия)

iren8002@rambler.ru

AuthorID RSCI 1073103

Information about the Author

Irina V. Lazyuk – Senior Lecture, Novosibirsk State Medical University (Novosibirsk, Russian Federation)

iren8002@rambler.ru

AuthorID RSCI 1073103

УДК 159.9.072.432

DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-32-48

Состояние семьи и эмоциональное выгорание родителей детей с расстройствами аутистического спектра

О. Н. Первушина, О. В. Киселёва, Т. А. Мурашова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Анализируется семейная система как важный фактор и ресурс развития в организации помощи ребенку с расстройствами аутистического спектра (РАС). Приводятся результаты эмпирического исследования родительского выгорания и переживания семейной ситуации во взаимосвязи с характером семейных коммуникаций у матерей и отцов детей с РАС. На выборке из 47 родителей в возрасте от 27 до 54 лет (20 отцов и 27 матерей; средний возраст отцов $39,5 \pm 6,1$, средний возраст матерей $37,7 \pm 6,2$), воспитывающих детей с РАС, был проведен сбор материала с использованием авторской анкеты, опросника «Родительское выгорание», методики «Типовое семейное состояние» и проективной методики «Семейная социограмма». Результаты проведенного исследования показали более высокий уровень эмоционального истощения в группе матерей. Симбиотические, тесные пересекающиеся отношения в исследуемых семьях, служащие некоторой поддержкой и опорой в сложившейся ситуации, сопровождаются снижением у родителей показателей нервно-психического напряжения, в то время как дистанцирование в семейных отношениях, напротив, сопровождается ростом нервно-психического напряжения. Также выявлено, что сохранение супружеских отношений сопровождается принятием себя в качестве родителя, адекватно исполняющего свои родительские функции.

Ключевые слова

расстройства аутистического спектра, родительское выгорание, переживание семейной ситуации, эмоциональное истощение, коммуникации в семье, симбиотические связи, дистанцирование

Источник финансирования

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00925)

Для цитирования

Первушина О. Н., Киселёва О. В., Мурашова Т. А. Состояние семьи и эмоциональное выгорание родителей детей с расстройствами аутистического спектра // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 32–48. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-32-48

Family Status and Emotional Burnout of Parents of Children with Autism Spectrum Disorders

O. N. Pervushina, O. V. Kiseleva, T. A. Murashova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article analyzes the family system as an important factor and resource of development in the organization of assistance to a child with ASD. The results of an empirical study of parental burnout and family situation experience in relation to the nature of family communication in mothers and fathers of children

© О. Н. Первушина, О. В. Киселёва, Т. А. Мурашова, 2020

with ASD are presented. In a sample of 47 parents aged from 27 to 54 years (20 fathers and 27 mothers; the average age of fathers is 39.5 + 6.1, the average age of mothers is 37.7 + 6.2), raising children with ASD, the material was collected using the author's questionnaire, the questionnaire "Parental burnout", the method "Typical family status" and the projective method "Family sociogram". The results of the study showed a higher level of emotional exhaustion in the group of mothers. Symbiotic, close intersecting relationships in the studied families, which serve as some support and support in the current situation, are accompanied by a decrease in the parents' indicators of neuropsychic stress, while distancing in family relations, on the contrary, is accompanied by an increase in neuropsychic stress. It is also revealed that the preservation of marital relations is accompanied by the acceptance of oneself as a parent who adequately fulfills their parental functions.

Keywords

autism spectrum disorders, parental burnout, experiencing a family situation, emotional exhaustion, communication in the family, symbiotic relationships, distancing

Funding

The research was supported by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR), the scientific project no. 18-013-00925

For citation

Pervushina, O. N., Kiseleva, O. V., Murashova, T. A. (2020). Family Status and Emotional Burnout of Parents of Children with Autism Spectrum Disorders. *Reflexio*, 13 (1), 32–48. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-32-48

Введение

Увеличение количества детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) настоятельно требует анализа факторов, которые могут оказывать благоприятное влияние на развитие таких детей, поиска методов помощи. В исследовании аутизма в настоящее время много внимания уделяется определению и роли генетических и экологических факторов. В организации помощи людям с РАС разрабатываются и проходят процедуры валидации различные технологии, методы и методики. Огромное число публикаций посвящено оценке эффективности применяемых подходов и методов.

Анализ существующих исследований и методов помощи людям с аутизмом показывает недостаточность внимания, уделяемого роли родителей и семьи в развитии детей с аутизмом. Некоторые исследователи полагают, что это, возможно, реакция на концепцию матери-холодильника и невольное нежелание навешивать на родителей дополнительную вину [Crowell, Keluskar, Gorecki, 2019].

Мы считаем, что при всей важности разрабатываемых и используемых методов абилитации детей с РАС важнейшим фактором и ресурсом развития является семья. Поэтому анализ семейной системы представляется необходимым при исследовании факторов развития и организации помощи ребенку с РАС.

Формирование и развитие ребенка, в том числе ребенка с аутизмом, неотделимо от семейного контекста, который являет собой основную социальную ситуацию развития. Семья, родители являются главным ресурсом развития ребенка с РАС. На сегодняшний день большинство исследователей отмечают, что терапия психических заболеваний без активного участия семьи является неэффективной [Эйдемиллер, Юстицкис, 2002; Эйдемиллер, 2012; Шевченко, 2016; Городнова, 2017; Северный, Иовчук, 2018].

В настоящее время установлено, что основные вмешательства при РАС направлены на развитие и улучшение качества социальных взаимодействий, что не-

возможно без доминирующего участия родителей и создания благоприятной, безопасной для ребенка семейной атмосферы. Улучшение базовых навыков имитации, совместного внимания, аффективный обмен – все это абсолютно необходимо для развития ребенка с РАС и невозможно без участия семьи [Attwood, Scarpa 2013; Rogers, 2014].

Начиная с очень раннего возраста, можно улучшить развитие детей с симптомами аутизма или с риском развития РАС. Установлено, что эффективные программы вмешательства для детей с симптомами аутизма невозможны без участия родителей. Родители должны понимать своего ребенка и уметь взаимодействовать с ним, а для этого необходимы чувствительность, пронизательность и отзывчивость, а также определенные поведенческие навыки, приобретенные в процессе специального обучения. Как правило, поведенческий аналитик, психолог, педагог или другой специалист, работающий с ребенком, намечает программу помогающего вмешательства, а родители ежедневно реализуют намеченное [Wallace, Rogers, 2010].

Л. С. Выготский полагал источником и основой развития любого ребенка формирование психической общности ребенка и близкого взрослого, так называемой системы «пра-мы» [Выготский, 2000]. Эта система возникает при наличии эмоциональной близости.

О. С. Никольская считает, что это положение верно и для ребенка с аутизмом и разрабатывает и использует эмоционально-смысловой подход. «Смысловой, потому что основная задача – накопление и осмысленное упорядочивание индивидуального аффективного опыта ребенка, такого, который сможет стать опорой для развития активных отношений с окружением. Эмоциональный, потому что при этом основное средство помощи ребенку – это совместное проживание и эмоциональное осмысление происходящего» [Никольская, 2016]. Мы абсолютно солидарны с этим утверждением и считаем, что эти задачи наиболее успешно могут решаться родителями, семьей.

Ресурсы семьи как важнейшего источника развития ребенка с РАС нередко оказываются не актуализированными или не до конца осознаваемыми в силу трудностей, с которыми сталкиваются родители ребенка с РАС, и негативными эмоциональными переживаниями и непродуктивными поведенческими стратегиями в ответ на эти трудности. Неопределенность в отношении динамики развития и перспектив ребенка провоцирует тревожное состояние родителей, являющееся одной из главных характеристик семей, воспитывающих детей с РАС [Микаэлян, 2006; Костина, 2008; Керре, 2010; Мамохина, 2017; Никольская, 2019]. Уровень напряженности переживаний в семье, в которой растет ребенок с аутизмом, выше по сравнению с семьями, имеющими детей с другими тяжелыми нарушениями развития [Керре, 2010].

Родители детей с РАС часто сообщают о своей низкой самооэффективности в качестве родителей, неуверенности в способности эффективно воспитывать своего ребенка. Эти проявления сопровождаются эмоциональным стрессом, включая чувство вины, депрессивные симптомы и чувство беспомощности [Karst, Vaughan, 2012].

В такой ситуации особую важность приобретают семейные отношения, грамотное распределение семейных и родительских ролей, эффективное взаимодействие между супругами, а также детско-родительские отношения. Семья способна быть ресурсом для эмоциональной поддержки и гармоничного функционирования ее членов. Семья может формировать необходимые условия для развития той самой системы «пра-мы», о которой говорил Выготский. При этом развитие и функционирование семьи может быть как конструктивным, так и деструктивным. Для конструктивной семьи характерны открытость коммуникаций внутри семьи, хороший контакт и взаимодействие с социальным окружением [Керре, 2010; Красильникова, 2012; Эйдемиллер, 2002]. Родители в таких семьях не просто совместно преодолевают трудности, но и живут полноценной счастливой жизнью, находят время и силы для творческой самореализации, радуются своему ребенку, гордятся им [Власова, Козлова, 2019; Подоппелова, 2008].

Деструктивный вариант развития семьи в случае появления ребенка с особенностями характеризуется повышенным напряжением отношений, ростом неудовлетворенности, отчуждением родителей друг от друга и от ребенка, отказом от ответственности за него, стремлением к изоляции [Эйдемиллер, Юстицкис, 2002; Керре, 2010; Красильникова, 2012]. Стигматизация семей, дополняющая хронический стресс и без того сложнейших условий воспитания «самого особого из всех особых» детей, окончательно деструктурирует жизнь семьи, приводит к утрате или искажению жизненных ценностей и смыслов [Александрова, Ваторпина, 2017].

Мы исходим из того, что семья может являться основным ресурсом, источником, из которого ее члены черпают силы для оптимального функционирования и преодоления стресса, в том числе связанного с наличием ребенка с РАС. Если в семье налажены гармоничные отношения, то родители настроены на совместное преодоление любых трудностей, с которыми они сталкиваются, а также на развитие тесных отношений со своими детьми.

В имеющихся исследованиях анализируются психологические проблемы, с которыми сталкиваются семьи, имеющие ребенка с РАС, описываются особенности их совладания со стрессом, стратегии и способы эмоциональной регуляции, копинг-стратегии и т. д., приводятся данные о выгорании матерей. Есть исследования, подчеркивающие особенности взаимодействия матерей и отцов с ребенком с аутизмом. Однако отсутствуют исследования родительского выгорания отдельно у матерей и отцов в связи с их восприятием и оценкой состояния семьи.

Целью нашего эмпирического исследования был сравнительный анализ степени родительского выгорания и переживания семейной ситуации у отцов и матерей детей с РАС, а также исследование взаимосвязи характера семейных коммуникаций и состояния родителей.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 47 родителей (20 отцов и 27 матерей) в возрасте от 27 до 54 лет, воспитывающие детей с РАС. Средний возраст отцов $39,5 \pm 6,1$, средний возраст матерей $37,7 \pm 6,2$. Это были 20 супружеских пар и 7 матерей без второго родителя, пришедших на семейную консультацию с ре-

бенком. Сбор психодиагностического материала проводился на базе Междисциплинарного центра прикладного анализа поведения Новосибирского государственного университета города Новосибирска.

На консультацию вместе с родителями пришли 20 мальчиков и 7 девочек с диагнозом РАС. Возраст детей от 3 до 15 лет (средний возраст $6,6 \pm 3,5$). Все дети имеют диагноз РАС. Для проведения исследования использовалась *авторская анкета* для сбора анамнестических сведений и социально-психологических характеристик семей (состав семьи, возраст постановки диагноза РАС у ребенка, особенности развития, наличие сопутствующих заболеваний, уровень дохода в семье, степень участия членов семьи в сопровождении ребенка с РАС, наличие интересов, увлечений, хобби у родителей, способы проведения семейного досуга, проблемные зоны во взаимодействии с ребенком с РАС, запрос на оказание психологического сопровождения). Также мы предлагали родителям опросник «Родительское выгорание» (в адаптации И. Н. Ефимовой), включающий следующие шкалы: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция родительских достижений [Ефимова, 2013]. Использовалась и методика «Типовое семейное состояние» (ТСС) (Э. Г. Эйдемиллер, И. В. Юстицкис), позволяющая выявить наиболее типичное переживание родителями собственной семейной ситуации: удовлетворительное / неудовлетворительное, нервно-психическое напряжение, семейную тревожность [Эйдемиллер, Юстицкис, 2002]. Для исследования положения родителей в системе межличностных отношений, а также характера коммуникаций в семье использовалась проективная методика «Семейная социограмма» [Там же].

Для статистической обработки полученных данных применялся лицензионный пакет программы IBM SPSS Statistics 22. Для определения степени соответствия эмпирического распределения нормальному был использован критерий Колмогорова – Смирнова, достоверность различий между группами устанавливалась с помощью непараметрического U-критерия Манна – Уитни, для исследования взаимосвязи между переменными вычислялся коэффициент корреляции Спирмена. В интерпретационной части текста мы приводим средние значения, так как распределение показателей по всем шкалам методик относится к нормальному.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате сравнения групп отцов и матерей по показателям шкал методики «Родительское выгорание» было получено достоверно значимое различие по шкале «Эмоциональное истощение» (среднее значение 13,84 и 22,07 соответственно, $p < 0,01$ (табл. 1).

Выявленные различия в уровне эмоционального выгорания отцов и матерей указывают на то, что они по-разному переживают сложившуюся ситуацию. Основная часть заботы о ребенке приходится на долю матери. Мать проводит с ребенком больше времени, у нее часто нет возможности заняться другими видами деятельности. В такой ситуации особенно важным представляется стабилизация эмоционального состояния матерей, чтобы время, посвященное ребенку, было временем, проводимым с ребенком, а не временем, принесенным в жертву ребенку. Некоторые исследователи называют мать, воспитывающую ребенка с аутизм-

мом, самым беззащитным человеком в семье и считают высоковероятным развитие у нее хронического стресса и депрессии [Desiningrum, Suminar, Surjaningrum, 2019]. В ряде работ показано, что мать ребенка с аутизмом теряет интерес к насыщенной жизни, она больше не видит профессиональных перспектив, у нее происходит эмоциональное выгорание и падает самооценка, наблюдается также потеря интереса к себе как женщине [Куканов, 2016; Никольская, 2019]. Полученные в нашем исследовании данные в соотношении с нормативными показателями позволяют говорить о низком уровне эмоционального истощения в группе отцов и о среднем уровне эмоционального истощения в группе матерей. Это можно объяснить тем, что в нашем исследовании приняли участие родители с достаточно высоким уровнем социальной активности, без ярко выраженной психопатологической симптоматики у ребенка с РАС, мотивированные на его развитие и понимающие важность включения всей семьи в комплексную работу с различными профильными специалистами.

При сравнении показателей по методике «Типовое семейное состояние» в выделенных группах отцов и матерей различий не выявлено (табл. 2).

Согласно данным, представленным в табл. 2, средние показатели по всем шкалам в обеих группах находятся в пределах нормативных значений. Тенденция к повышению значений отмечается по шкале «Нервно-психическое напряжение» как в группе отцов, так и в группе матерей (средние значения 14,7 и 15,7 соответственно, $p > 0,05$). Родители детей с РАС нередко находятся в ситуации хронического напряжения в связи с принятием диагноза ребенка, сложностью взаимодействия с ним, состоянием неопределенности в отношении динамики расстройств, а также стигматизацией в обществе. Снижение чувства компетентности в выполнении своей родительской роли, ощущение собственной родительской несостоятельности, а также блокирование потребности в самореализации могут усиливать нервно-психическое напряжение и снижать эффективность поведенческих вмешательств и восприимчивость к ребенку РАС [Микаэлян, 2006; Костина, 2008; Керре, 2010; Никольская, 2016].

Продолжая исследовать роль семейных факторов в регуляции эмоционального состояния родителей детей с РАС, мы обратились к анализу характера коммуникаций в семье, чтобы подробнее и глубже понять состояние и переживания матерей и отцов в этих семейных системах. Для этой цели мы использовали данные, полученные с помощью методики «Семейная социограмма». Выбрав в качестве группирующих переменных показатели данной методики, мы получили достоверно значимые различия по ряду характеристик.

Было выявлено, что у родителей, которые отображают в своей социограмме отношения в семье как тесные, пересекающиеся, симбиотические, отмечается снижение нервно-психического напряжения ($p < 0,05$).

Этот результат чрезвычайно интересен, поскольку указывает на колоссальную потребность родителей детей с РАС в единении с партнером для образования общности, способной противостоять тяготам жизни, и потребность вместе решать самые сложные ситуации, предлагаемые жизнью. Хотя вариант симбиотического взаимодействия нередко интерпретируется как патогенный, свидетельствующий

Таблица 1

Показатели шкал опросника «Родительское выгорание» в группах отцов и матерей

Шкала	Ср. зн. $\pm$ ст. откл.		Критерий U Манна – Уитни	p
	отцы (n = 20)	матери (n = 27)		
Эмоциональное истощение	13,8 $\pm$ 7,8	22,2 $\pm$ 9,7	151	< 0,01
Деперсонализация	5 $\pm$ 2,5	5 $\pm$ 3,3	276	> 0,05
Редукция родительских достижений	30,9 $\pm$ 6,6	33,4 $\pm$ 5,8	224	> 0,05

Таблица 2

Показатели шкал опросника «Типовое семейное состояние» (ТСС) в группах отцов и матерей

Шкала	Ср. зн. $\pm$ ст. откл.		Критерий U Манна – Уитни	p
	отцы (n = 20)	матери (n = 27)		
Общая неудовлетворенность	8,9 $\pm$ 7,3	12,1 $\pm$ 5,5	160,5	> 0,05
Нервно-психическое напряжение	14,7 $\pm$ 6,8	15,7 $\pm$ 6,4	218	> 0,05
Семейная тревожность	9,8 $\pm$ 7,9	11,2 $\pm$ 6,6	206,5	> 0,05

о недифференцированности «Я» у членов семьи, и, по сути, таковым является, в данной ситуации он позволяет членам семьи улучшить психологическое состояние через ощущение опоры и поддержки в семье. Но проблемная сторона симбиотических отношений заключается в том, что слияние в семье, принимающее форму сверхблизости, сопровождается зависимостью эмоционального состояния одного члена семьи от эмоционального состояния другого. Члены семьи, пребывающие в слиянии, «заражаются» эмоциями друг друга, что мешает им приспосабливаться к переменам и оказывать друг другу необходимую поддержку в трудных ситуациях [Хамитова, 2017]. Применительно к нашему исследованию можно сказать, что не симбиотическое слияние, а отношения совместности между родителями позволяют быть отдельной личностью, брать на себя ответственность за происходящее и ясно мыслить в гуще эмоциональных ситуаций.

Отображение своих отношений с детьми как симбиотических у родителей детей с РАС можно прокомментировать с опорой на результаты других исследований. Так, Т. Н. Высотина на выборке детей с атипичным аутизмом показала, что материнское отношение к детям с РАС может характеризоваться преуменьшением тяжести состояния ребенка вплоть до анозогнозии с тенденцией к выстраиванию симбиотических отношений, а также стремлением завязать уровень способностей детей [Высотина, 2013; Богачева, Иванов, 2019]. В поведении таких матерей преобладают менее адаптивные способы психологических защит, среди которых ведущими являются реактивные образования, отрицание, компенсация и регрессия, что свидетельствует о неконструктивных способах реагирования на стрессовые ситуации. Подобные механизмы психологической защиты позволяют на некоторое время справиться с возникающим напряжением, однако в дальнейшем при усугублении расстройств у ребенка, нарушении поведения в процессе социализации матери вновь начинают испытывать напряжение, тревогу и беспокойство.

Согласуются с полученными выше результатами и различия по показателям нервно-психического напряжения в группах родителей с разделением на основании критерия «дистанцирование» методики «Семейная социограмма» ($p < 0,05$) (табл. 4).

На основании полученных данных мы можем сказать, что субъективное ощущение разобщенности в своих семьях, отсутствие сплоченности и взаимной поддержки сопровождается повышением у родителей нервно-психического напряжения ($p < 0,05$). Родители, имеющие ребенка с нервно-психическими расстройствами, часто испытывают чувство стыда, вину перед социальным окружением, неудовлетворенность своей семейной жизнью, фрустрирующие состояния нервно-психического напряжения, тревоги – всё это приводит к тому, что структура и отношения в таких семьях весьма неустойчивы [Эйдемиллер, Юстицкис, 2002]. Это может сопровождаться эмоциональным отвержением по отношению к ребенку с особенностями развития, дистанцированием, нарастанием конфликтов как внутри семьи, так и с социальным окружением, стремлением к изоляции. И только сплоченность, открытость коммуникаций внутри семьи, мобилизация всех членов и хороший контакт и взаимодействие с социальным окружением помогают семье сохранить психологическое благополучие [Эйдемиллер, Юстицкис, 2002; Керре, 2010; Красильникова, 2012].

Таблица 3

Сравнение групп родителей по показателям методики «Типовое семейное состояние» с разделением по критерию «симбиотические связи» методики «Семейная социограмма»

Методика «Типовое семейное состояние»	Шкала	Симбиотические связи	N	Среднее зна- чение ± ст. откл.		Критерий U Манна – Уитни	p
				Нет	Есть		
	Общая неудовлетворенность	Нет	36	11,43 ± 6,34	106	> 0,05	
		Есть	11	7,89 ± 6,41			
	Нервно-психическое напряжение	Нет	36	16,43 ± 5,72	84	< 0,05	
		Есть	11	10,78 ± 7,71			
Семейная тревожность	Нет	36	11,20 ± 6,95	113,5	> 0,05		
	Есть	11	8,33 ± 7,98				

Таблица 4

Сравнение групп родителей по показателям методики «Типовое семейное состояние» с разделением по критерию «дистанцирование» методики «Семейная социограмма»

Методика «Типовое семейное состояние»	Шкала	Дистанциро- вание	N	Среднее зна- чение ± ст. откл.		Критерий U Манна – Уитни	p
				Нет	Есть		
	Общая неудовлетворенность	Нет	39	10,16 ± 6,34	66	> 0,05	
		Есть	8	14,17 ± 3,82			
	Нервно-психическое напряжение	Нет	39	14,45 ± 6,53	50,5	< 0,05	
		Есть	8	20,5 ± 3,08			
Семейная тревожность	Нет	39	10,5 ± 7,19	101,5	> 0,05		
	Есть	8	11,33 ± 7,74				

Таблица 5

Сравнение групп родителей по методике «Семейная социограмма» с разделением по критерию: сохранение супружеской подсистемы

Шкала	Сохранение супружеской подсистемы	N	Среднее значение ± ст. откл.	Критерий U Манна – Уитни	p	
Опросник «Родительское выгорание»	Эмоциональное истощение	Нет	33	18,69 ± 8,05	126,5	> 0,05
		Есть	14	14,67 ± 10,7		
	Деперсонализация	Нет	33	4,84 ± 2,77	184	> 0,05
		Есть	14	4,58 ± 2,58		
	Редукция родительских достижений	Нет	33	31,16 ± 6,07	103	< 0,05
		Есть	14	36,33 ± 6,27		

Анализ отображения семейных подсистем (супружеской, родительской, сиблинговой) в социограмме с позиции структурного подхода в семейной психотерапии [Минухин, Фишман, 1998] позволил увидеть различие в уровнях родительского выгорания у родителей с восприятием супружеской подсистемы как сохраненной или нарушенной ($p < 0,05$) (табл. 5).

Полученные результаты говорят о том, что показатели по шкале «Редукция родительских достижений» выше в группе родителей, у которых супружеская подсистема нарушена (шкала инвертированная) ($p < 0,05$). При отсутствии нарушений в супружеской подсистеме родители в значимо большей степени принимают себя в качестве родителей, адекватно исполняющих свои родительские функции. В качестве пояснения можно сказать, что основная функция супружеской подсистемы заключается в обеспечении взаимного удовлетворения потребностей супругов без ущерба для эмоциональной атмосферы, необходимой для роста и развития двух меняющихся индивидов [Браун, Кристенсен, 2001]. Таким образом, сохранение гармоничных супружеских отношений способствует удовлетворению потребностей супругов в самоактуализации и развитии и служит надежной опорой в выстраивании партнерского взаимодействия в выполнении родительских функций.

Заключение

Проведенное нами исследование указывает на важную роль состояния семьи для эмоционального статуса родителей и их готовности к взаимодействию с ребенком с аутизмом. Неудовлетворенность состоянием семьи может приводить к эмоциональному выгоранию родителей (как правило, матерей) и мешать выработке конструктивной стратегии взаимодействия с ребенком. Семья может быть главным ресурсом развития ребенка, но для этого у родителей должны быть силы, желание и возможность участвовать в функционировании и развитии семейной системы и ребенка. Члены семейной системы могут давать силы, энергию друг другу, они способны, создав единую общность, обеспечить ее счастливое функционирование и развитие, заложив тем самым необходимый фундамент и для развития своего ребенка.

Стратегия помощи ребенку с РАС невозможна без работы с семьей. Только единая гармоничная семья с оптимальным функционированием на уровне всех подсистем (супружеской, родительской, сиблинговой) будет способствовать пробуждению и реализации ребенком имеющегося потенциала развития и нахождению им своего пути и места в социуме. Основными направлениями работы, в соответствии с полученными результатами, должны быть повышение взаимопонимания и сплоченности между родителями на основе принятия собственного особенного ребенка и выработки стратегии развития; уменьшение атмосферы напряжения и тревоги и развитие установки на эффективное функционирование семьи (каждая семья – особенная); распределение родительских ролей, в соответствии с которым увеличивается роль отца во взаимодействии с ребенком и находятся возможности для восстановления сил матери.

Список литературы

Александрова Л. Ю., Ваторопина С. В. Комплексное сопровождение семей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Вестник Новгородского государственного университета. 2017. № 1 (99). С. 4–7.

Браун Дж., Кристенсен Д. Теория и практика семейной психотерапии. СПб., Питер, 2001. 352 с.

Богачева О. И., Иванов М. В. Особенности материнского отношения к болезни детей с расстройствами аутистического спектра // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2019. № 3 (19). С. 21–28.

Власова Д. Е., Козлова Н. В. Факторы, способствующие сохранению социально-психологического здоровья родителей, воспитывающих детей с особенностями развития // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2019. Т. 19, № 1. С. 20–27.

Выготский Л. С. Психология. М.: Эксмо-пресс, 2000. 1008 с.

Высотина Т. Н. Особенности родительского отношения к детям с атипичным аутизмом: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2013. 162 с.

Городнова М. Ю. Психотерапия семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. Т. 17, № 2. С. 67–74.

Ефимова И. Л. Возможности исследования родительского «выгорания» // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2013. № 4. С. 31–40.

Керре Н. О. Особенности социального окружения детей с аутизмом // Аутизм и нарушения развития. 2010. Т. 31, № 4. С. 13–20.

Костина И. А. Консультирование родителей детей с аутизмом // Детский аутизм: исследования и практика. 2008. № 4. С. 333–344.

Красильникова Е. Д. Психологические особенности семей, воспитывающих детей с различными вариантами нарушения психического здоровья // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2012. Т. 12, № 2. С. 29–36.

Куканов А. А. Характеристика эмоционально-личностной сферы матерей, имеющих детей с РДА // Российский реабилитационный центр «ДЕТСТВО» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «РРЦ» Детство» Минздрава РФ). М., 2016. С. 268–273

Мамохина У. А. Особенности речи при расстройствах аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2017. Т. 15, № 3. С. 24–33. DOI 10.17759/autdd.2017150304

Микаэлян Л. Психологическая работа с родителями «особых» детей: ресурсная модель // Консультативная психология и психотерапия. 2006. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/mpj/2006/n2/1559.shtml> (дата обращения 29.07.2019).

Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной терапии / Пер. с англ. А. Д. Иорданского. М.: Независимая фирма "Класс", 1998. 304 с.

Никольская О. С. Аутизм лечится общением // Аутизм и нарушения развития. 2016. Т. 14, № 4 (53). С. 35–38. DOI 10.17759/autdd.2016140406 (дата обращения 29.07.2019).

Никольская О. С. Методические рекомендации по организации работы с семьями, воспитывающими детей с расстройствами аутистического спектра // Регио-

нальный ресурсный центр образовательных технологий по работе с детьми, имеющими особенности развития, по Ханты-Мансийскому автономному округу. Ханты-Мансийск, 2019. С. 2–64.

Подоплелова О. Н. Психологическая помощь родителям детей с тяжелыми психическими или органическими расстройствами // Аутизм и нарушения развития. 2008. № 4. С. 60–63.

Северный А. А., Иовчук Н. М. Организация междисциплинарного взаимодействия в психокоррекционной помощи детям и подросткам // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2018. Т. 18, № 4. С. 35–40.

Хамитова И. Ю. Применение структурной терапии в работе с супружеской парой // Системная психотерапия супружеских пар / Сост. А. Я. Варга. М.: Когито-Центр, 2017. С. 25–67.

Шевченко Ю. С. Комплексная многоуровневая терапия детей с синдромами раннего детского аутизма: концепция и практика (лекция) // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2016. Т. 16, № 4. С. 71–80.

Эйдемиллер Э. Г., Медведев С. Э. Аналитико-системная семейная психотерапия при шизофрении. СПб.: Речь, 2012. 207 с.

Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. Психология и психотерапия семьи. 3-е изд. СПб., 2002.

Attwood, T., Scarpa, A. (2013). Modifications of cognitive-behavioral therapy for children and adolescents with high-functioning ASD and their common difficulties. In: Scarpa A, White S, Attwood T, editors. *CBT for children and adolescents with high-functioning autism spectrum disorder. NOOK for PC*, pp. 44–62.

Desiningrum, Dinie Ratri, Suminar, Dewi Retno & Surjaningrum, Endang Retno (2019). Psychological well-being among mothers of children with autism spectrum disorder: The role of family function. *Humanitas: Indonesian Psychological Journal*, 16 (2), 106. DOI: [10.26555/humanitas.v16i2.10981](https://doi.org/10.26555/humanitas.v16i2.10981)

Crowell, J. A., Keluskar, J. & Gorecki, A. (2019). Parenting behavior and the development of children with autism spectrum disorder. *Comprehensive Psychiatry*. 90. pp. 21–29. DOI: [10.1016/j.comppsy.2018.11.007](https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2018.11.007)

Karst, J.A., Vaughan Van Hecke (2012). Parent and family impact of autism spectrum disorders: a review and proposed model for intervention evaluation. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 15 (3), 77–247. DOI: [10.1007/s10567-012-0119-6](https://doi.org/10.1007/s10567-012-0119-6)

Rogers S, et al. (2014). Autism treatment in the first year of life: a pilot study of infant start, a parent-implemented intervention for symptomatic infants. *J Autism Dev Disord*, 44 (12), 95–2981. DOI [10.1007/s10803-014-2202-y](https://doi.org/10.1007/s10803-014-2202-y)

Wallace K, Rogers S. (2010). Intervening in infancy: implications for autism spectrum disorders. *J. Child Psychol Psychiatry*, 51, 1300–1320. DOI [10.1111/j.1469-7610.2010.02377.x](https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2010.02377.x)

References

Aleksandrova, L. Ju., Vatoropina, S. V. (2017). Kompleksnoe soprovozhdenie semej, vospityvajushhih detej s rassstrojstvami autisticheskogo spektra [Comprehensive support for families raising children with autism spectrum disorders]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (99), 4–7. (in Russ.)

Brown, J., Christensen, D. (2001). *Theory and practice of family psychotherapy* [Theory and practice of family psychotherapy]. St. Petersburg, Peter. (in Russ.)

Bogacheva, O. I., Ivanov, M. V. (2019). Osobennosti materinskogo otnosheniya k bolezni detey s rasstroystvami autisticheskogo spektra [Features of maternal attitudes towards the disease of children with autism spectrum disorders]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detey i podrostkov*, 19 (3), 21–28. (in Russ.)

Vlasova, D. E., Kozlova, N. V. (2019). Faktory, sposobstvuyushhie sohraneniю social'no-psihologicheskogo zdorov'ya roditel'ey, vospityvajushhih detey s osobennost'jami razvitiya [Factors contributing to the preservation of the socio-psychological health of parents raising children with special needs]. *Voprosy psihicheskogo zdorov'ya detey i podrostkov*, 19 (1), 20–27. (in Russ.)

Vygotskiy, L. S. (2000). *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow, Eksmo-press. (in Russ.)

Vysotina, T. N. (2013). *Osobennosti roditel'skogo otnosheniya k detyam s atipichnym autizmom* [Features of parental attitudes towards children with atypical autism]. Dis. ... kand.psihol. nauk. St. Petersburg. (in Russ.)

Gorodnova, M. Yu. (2017). Psihoterapiya sem'i rebenka s ogranichennymi vozmozhnost'jami zdorov'ja [Family psychotherapy of a child with disabilities]. *Voprosy psihicheskogo zdorov'ya detey i podrostkov*, 17 (2), 67–74. (in Russ.)

Efimova, I. L. (2013). Possibilities for researching parental burnout [Possibilities of researching parental “burnout”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki – Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*, 4, 31–40. (in Russ.)

Kerre, N. O. (2010). Osobennosti social'nogo okruzeniya detey s autizmom [Features of the social environment of children with autism]. *Autizm i narusheniya razvitiya*, 4 (31). URL: http://psyjournals.ru/files/74779/autizm_2010_4_kerre.pdf (in Russ.)

Kostina, I. A. (2008). Konsul'tirovaniye roditel'ey detey s autizmom [Counseling parents of children with autism]. *Det'skiy autizm: issledovaniya i praktika*, 4, 333–344. (in Russ.)

Krasilnikova, E. D. (2012). Psikhologicheskiye osobennosti semey, vospityvayushchikh detey s razlichnymi variantami narusheniya psikhicheskogo zdorov'ya [Psychological characteristics of families raising children with various types of mental health disorders]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detey i podrostkov*, 12 (2), 29–36. (in Russ.)

Kukanov, A. A. (2016). Kharakteristika emotsional'no-lichnostnoy sfery materey, imeyushchikh detey s RDA [Characteristics of the emotional and personal sphere of mothers with children with RDA]. *Rossiyskiy reabilitatsionnyy tsentr «DETSTVO» Ministerstva zdravookhraneniya Rossiyskoy Federatsii (FGBU «RRTS» Detstvo» Minzdrava RF)*. 268–273. (in Russ.)

Mamokhina, U. A. (2017). Osobennosti rechi pri rasstroystvakh autisticheskogo spektra [Speech features in autism spectrum disorders]. *Autizm i narusheniya razvitiya*, 15 (3), 24–33. DOI 10.17759/autdd.2017150304 (in Russ.)

Mikaelyan, L. (2006). Psikhologicheskaya rabota s roditel'ymi “osobykh” detey: resursnaya model' [Psychological work with parents of “special” children: a resource

model]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2. URL: <http://psyjournals.ru/mpj/2006/n2/1559.shtml> (in Russ.)

Minukhin S., Fishman Ch. (1998). *Tekhniki semeynoy terapii* [Techniques of family therapy]. Moscow, Nezavisimaya firma "Klass". (in Russ.)

Nikolskaya, O. S. (2016). Autizm lechitsya obscheniyem [Autism is treated by communication]. *Autizm i narusheniya razvitiya*, 14 (53), 35–38. DOI 10.17759/autdd.2016140406 (in Russ.)

Nikolskaya, O. S. (2019). Metodicheskiye rekomendatsii po organizatsii raboty s sem'yami vospityvayushchimi detey s rasstroystvami autisticheskogo spectra [Guidelines for organizing work with families raising children with autism spectrum disorders]. *Regional'nyy resursnyy tsentr obrazovatel'nykh tekhnologiy po rabote s det'mi, imeyushchimi osobennosti razvitiya po Khanty-Mansiyskomu avtonomnomu okrugu*. 2–64. (in Russ.)

Podoplelova, O. N. (2008). Psikhologicheskaya pomoshch' roditelyam detey s tyazhelymi psikhicheskimi ili organicheskimi rasstroystvami [Psychological assistance to parents of children with severe mental or organic disorders]. *Autizm i narusheniya razvitiya*, 4, 60–63. (in Russ.)

Severnyy, A. A., Iovchuk, N. M. (2018). Organizatsiya mezhdistitsiplinarnogo vzaimodeystviya v psikhokorreksionnoy pomoshchi detyam i podrostkam [Organization of interdisciplinary interaction in psychocorrectional care for children and adolescents]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detey i podrostkov*, 18 (4), 35–40. (in Russ.)

Khamitova, I. Yu. (2017). Primeneniye strukturnoy terapii v rabote s supruzheskoy paroy [The use of structural therapy in work with a married couple]. *Sistemnaya psikhoterapiya supruzheskikh par*. Avtor-sost. A. Ya. Varga. Moscow, Kogito-Tsentr, 25–67. (in Russ.)

Shevchenko, Yu. S. (2016). Kompleksnaya mnogourovnevaya terapiya detey s sindromami rannego detskogo autizma: kontseptsiya i praktika (lektsiya) [Complex multilevel therapy of children with early childhood autism syndromes: concept and practice (lecture)]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detey i podrostkov*, 16 (4), 71–80. (in Russ.)

Eydemiller, E. G. (2012). *Analitiko-sistemnaya semeynaya psikhoterapiya pri shizofrenii* [Analytic-systemic family psychotherapy for schizophrenia]. E. G. Eydemiller, S. E. Medvedev. St. Petersburg, Rech'. (in Russ.)

Eydemiller, E. G., Yustitskis, V. (2002). *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i* [Psychology and psychotherapy of the family]. St. Petersburg. (in Russ.)

Attwood, T., Scarpa, A. (2013). Modifications of cognitive-behavioral therapy for children and adolescents with high-functioning ASD and their common difficulties. In: Scarpa A, White S, Attwood T, editors. *CBT for children and adolescents with high-functioning autism spectrum disorder. NOOK for PC*, 44–62.

Desiningrum, Dinie Ratri, Suminar, Dewi Retno & Surjaningrum, Endang Retno (2019). Psychological well-being among mothers of children with autism spectrum disorder: The role of family function. *Humanitas: Indonesian Psychological Journal*, 16 (2), 106. DOI 10.26555/humanitas.v16i2.10981

Crowell, J. A., Keluskar, J. & Gorecki, A. (2019). Parenting behavior and the development of children with autism spectrum disorder. *Comprehensive Psychiatry*, 90, 1–29. DOI 10.1016/j.comppsy.2018.11.007

Karst, J. A., Vaughan Van Hecke (2012). Parent and family impact of autism spectrum disorders: a review and proposed model for intervention evaluation. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 15 (3), 77–247. DOI 10.1007/s10567-012-0119-6

Rogers S, et al. (2014). Autism treatment in the first year of life: a pilot study of infant start, a parent-implemented intervention for symptomatic infants. *J Autism Dev Disord*, 44 (12), 95–2981. DOI 10.1007/s10803-014-2202-y

Wallace K, Rogers S. (2010). Intervening in infancy: implications for autism spectrum disorders. *J. Child Psychol Psychiatry*, 51, 1300–1320. DOI 10.1111/j.1469-7610.2010.02377.x

*Материал поступил в редколлегию
The article was submitted
17.05.2020*

Сведения об авторах

Первушина Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности, заместитель директора Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

olgap7@yandex.ru
Scopus Author ID 57190754195
AuthorID RSCI 406156

Киселёва Оксана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

kiseleva_ov@inbox.ru
AuthorID RSCI 1024911

Мурашова Татьяна Анатольевна – сотрудник междисциплинарного центра прикладного анализа поведения Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

tanya3833@gmail.com
AuthorID RSCI 1024911

Information about the Authors

Olga N. Pervushina – PhD, Head of the Section of Personality Psychology, Deputy Director of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

olgap7@yandex.ru

Scopus Author ID 57190754195

AuthorID RSCI 406156

Oksana V. Kiseleva – PhD, Associate Professor of the Section of Personality Psychology of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

kiseleva_ov@inbox.ru

AuthorID RSCI 1024911

Tatiana A. Murashova – employee of the Center for Behavior Analysis of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

tanya3833@gmail.com

AuthorID RSCI 1024911

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-49-59

Русскоязычная версия шкалы конструктивистских эпистемологических убеждений: психометрический анализ

А. А. Фёдоров

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлены результаты проверки внутренней структуры, надежности и конструктивной (конвергентной и дискриминантной) валидности русскоязычной версии шкалы конструктивистских эпистемологических убеждений (Constructivist Epistemological Assumptions Scale, CEAS), разработанной М. Берзонски в 1994 г. Выборка исследования составила 207 человек. Конфирматорный факторный анализ показал, что данная шкала не может рассматриваться как одномерный инструмент. Исследовательский факторный анализ позволил выявить содержательное ядро шкалы, связанное с релятивистским аспектом конструктивизма. Внутренняя согласованность и ретестовая надежность CEAS являются приемлемыми, а корреляционные связи подтверждают ее конвергентную и дискриминантную валидность. Делается вывод о том, что CEAS является более перспективным инструментом оценки эпистемологических убеждений, нежели шкала отношения к реальности Р. Унгер с соавторами (AARS).

Ключевые слова

шкала конструктивистских эпистемологических убеждений, конструктивизм, релятивизм, валидность, надежность

Источник финансирования

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00715

Для цитирования

Фёдоров А. А. Русскоязычная версия шкалы конструктивистских эпистемологических убеждений: психометрический анализ // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 49–59. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-49-59

The Russian-language Version of the Constructivist Epistemological Assumptions Scale: The Psychometric Analysis

A. A. Fedorov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The internal structure, reliability and construct (convergent and discriminant) validity of the Russian-language version of the Constructivist Epistemological Assumptions Scale (CEAS) developed by

© А. А. Фёдоров, 2020

M. Berzonsky (1994) are examined. The sample was 207 subjects. The confirmatory factor analysis revealed that this scale cannot be viewed as a unidimensional instrument. The exploratory factor analysis allowed to reveal a conceptual core of the scale associated with the relativistic aspect of constructivism. Internal consistency and test-retest reliability of CEAS are acceptable. The obtained correlations confirm convergent and discriminant validity of the scale. It is concluded that CEAS is a more promising tool for assessing epistemological beliefs than the Attitudes about Reality Scale (AARS) by R. Unger et al.

Keywords

constructivist epistemological assumptions scale, constructivism, relativism, validity, reliability

Funding

The research was supported by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR), the scientific project no. 18-013-00715

For citation

Fedorov, A. A. (2020). The Russian-language Version of the Constructivist Epistemological Assumptions Scale: The Psychometric Analysis. *Reflexio*, 13 (1), 49–59. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-49-59

Шкала конструктивистских эпистемологических убеждений (*Constructivist Epistemological Assumptions Scale, CEAS*)¹ была разработана М. Берзонски в 1994 г. [Berzonsky, 1994]. Это методика самоотчета призвана оценить то, насколько для человека характерен конструктивистский взгляд на реальность, согласно которому не существует ничего данного, а доступный нам мир (в том числе научные факты) конструируется посредством языковых, социальных и прочих схем. М. Берзонски специально отмечает, что согласно проведенному им факторному анализу конструктивизм и релятивизм относятся к одному измерению, поэтому в итоговой версии шкалы собственно конструктивистские утверждения сочетаются с утверждениями, относящимися к фактору «Релятивизм vs Абсолютизм», которые были взяты из работы Р. Козна [Coan, 1979]. Стоит указать, что связь между конструктивизмом и релятивизмом, которую М. Берзонски обнаружил в результате статистического анализа эмпирических данных, достаточно часто отмечается и в теоретических исследованиях [Головки, 2009; Фёдоров, 2020]. Также итоговая версия *CEAS* включает два утверждения, сформулированных на основе пунктов, входящих в шкалу отношения к реальности (AARS) Р. Унгер, Р. Драпера и М. Пендеграсса [Unger et al., 1986].

Некоторые авторы утверждают, что эпистемологические убеждения связаны с особенностями как исследовательской, так и практической работы психологов. Так, в одном из исследований, где использовалась *CEAS*, было показано, что чем выше степень принятия конструктивистской эпистемологии, тем ниже вероятность того, что психотерапевт будет использовать в своей работе инструктивный подход, и выше вероятность того, что он будет стремиться к установлению более тесных отношений с клиентом и большей спонтанности в терапевтических сессиях [Lee et al., 2013]. Можно также предположить, что конструктивистская эпистемология будет более характерна для психологов, рассматривающих свою дисциплину как постнеклассическую науку.

---

¹ В некоторых источниках данная шкала называется *Constructivist Assumptions Scale (CAS)*.

Данное исследование направлено на оценку внутренней структуры, конструктивной валидности, а также надежности русскоязычной версии шкалы конструктивистских эпистемологических убеждений.

Выборка

В исследовании приняли участие 207 человек в возрасте от 17 до 48 лет ($M = 23,4$), 86 мужчин и 121 женщина. Из них 80 человек (30 мужчин, 50 женщин) прошли процедуру ретеста через 4 недели после основного тестирования

Подвыборки по использованным методикам: шкала конструктивистских эпистемологических убеждений (CEAS) – 207 чел., опросник органицизма – механицизма (Organicism-Mechanism Paradigm Inventory, OMPI) – 88 чел., шкала социальной желательности Кроуна – Марлоу – 88 чел.

Данная выборка удовлетворяет средним по строгости эмпирическим правилам для проведения конфирматорного факторного анализа, опирающимся либо на абсолютное число людей в выборке ($N > 200$), либо на соотношение числа людей к количеству переменных ($N : p > 5$) [MacCallum et al., 1999].

Инструменты

1. *Шкала конструктивистских эпистемологических убеждений (CEAS).* Данная шкала состоит из 12 пунктов, оцениваемых по 5-балльной шкале Ликерта от (1) полностью не согласен до (5) полностью согласен. Для данного исследования был осуществлен перевод данной шкалы на русский язык, при этом для контроля его качества использовался метод обратного перевода. Текст методики и ключ приведены в приложении к статье.

2. *Опросник органицизма – механицизма (Organicism-Mechanism Paradigm Inventory, OMPI),* разработанный Дж. А. Джонсоном с соавторами [Johnson et al., 1988], использовался для оценки конструктивной валидности CEAS. Он содержит 26 пунктов, сформулированных по типу форсированного выбора, и предназначен для диагностики предпочтений индивида в отношении одной из двух мировоззренческих позиций – органицизма или механицизма. Чем выше балл, тем больше степень принятия органицизма.

3. *Методика Марлоу – Крауна для исследования мотивации одобрения* в адаптации Ю. Л. Ханина [Ханин, 1976] использовалась в рамках проверки дискриминантной валидности для оценки смещения ответов, вызванного социальной желательностью. Эта методика представляет собой сокращенную версию оригинальной шкалы социальной желательности Марлоу – Крауна и содержит 20 пунктов, с каждым из которых респондент должен согласиться или не согласиться.

Результаты и обсуждение

Факторная структура CEAS

Для анализа факторной структуры шкалы отношения к реальности проводился конфирматорный факторный анализ в свободном статистическом пакете *JASP 0.11.1*. Проверялась модель, согласно которой CEAS является одномерным инструментом, т. е. все пункты связаны с одной латентной переменной. Для оценки пригодности модели использовались следующие показатели: 1) $\chi^2 p > 0,05$;

2) RMSEA < 0,05 (при 90 % CI от 0,000 до 0,049); 3) CFI > 0,95; 4) IFI > 0,95; 5) TLI > 0,95. Результаты проверки модели представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели соответствия одномерной модели CEAS по итогам CFA
($N = 207$)

Модель	χ^2, p	RMSEA (90 % CI)	CFI	IFI	TLI
Одномерная модель CEAS	208,075 $p < 0,001$	0,117 (0,134 0,101)	0,656	0,665	0,580

Как видно из приведенных данных, модель продемонстрировала неприемлемый уровень соответствия эмпирическим данным, иными словами, рассматривать CEAS как одномерную шкалу нельзя. Вероятно, это связано с особенностями создания данной шкалы: она содержит как пункты, связанные с релятивизмом / конструктивизмом, так и пункты, отражающие ценностную нагруженность научного знания.

Для прояснения факторной структуры CEAS был проведен исследовательский факторный анализ с облическим вращением. Параллельный анализ Хэмфри – Илгена позволяет получить трехфакторное решение, при этом 5 и 11 пункты шкалы не входят ни в один из факторов (при учете нагрузок выше 0,4). Факторные нагрузки приведены в табл. 2.

Таблица 2

Факторные нагрузки для трехфакторного решения
($N = 207$)

Пункт	Фактор		
	1	2	3
1		0,470	
2			0,439
3		0,712	
4	0,720		
5			
6	0,783		
7		0,604	
8	0,595		
9			0,588
10	0,657		
11			
12			0,406

Отметим, что процент объясняемой дисперсии для трехфакторного решения довольно мал (37,2 %). Опираясь на критерий Кайзера, т. е. отбрасывая все компоненты с собственными значениями меньше 1, можно получить однофакторное решение, объясняющее 20,2 % общей дисперсии. График «каменистой сыпи» приведен на рисунке ниже. Факторные нагрузки для однофакторного решения приведены в табл. 3.

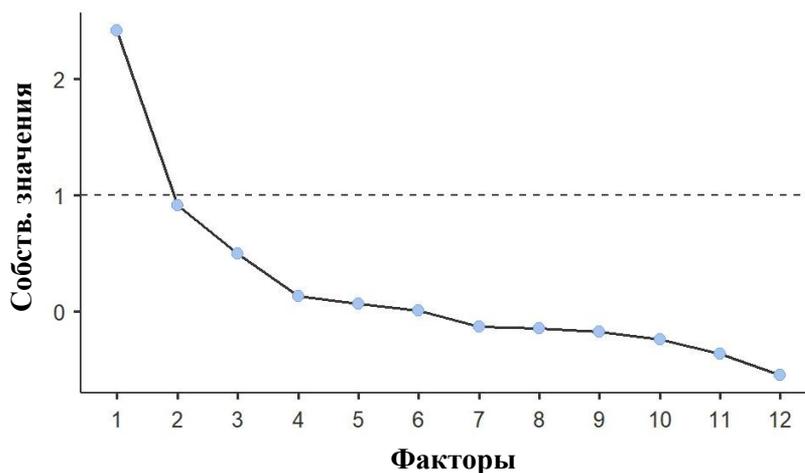

График собственных значений выделенных факторов

Таблица 3
Факторные нагрузки для однофакторного решения
($N = 207$)

Пункт	Фактор 1
1	
2	
3	
4	0,646
5	0,403
6	0,642
7	
8	0,733
9	
10	0,683
11	
12	0,449

Если анализировать содержание пунктов, входящих в выделенный фактор, то все они связаны с релятивистским аспектом конструктивизма. Этот фактор включает 6 из 12 пунктов, входящих в CEAS. В него не вошли пункты 2, 7, 9, отражающие влияние социальных ценностей на научное знание, а также пункты 1, 3 и 11, в которых постулируется самоочевидность и незыблемость эмпирических фактов.

Тем не менее пункты, которые не вошли в выделенный фактор, также связаны с общим показателем CEAS, о чем свидетельствуют значения показателей надежности по внутренней согласованности для всей шкалы. Коэффициент α Кронбаха составил 0,68, а коэффициент ω Макдональда – 0,74. М. Берзонски приводит значения α Кронбаха, варьирующиеся от 0,55 до 0,61 [Berzonsky, 1994].

Ретестовая надежность оценивалась при помощи коэффициента корреляции Пирсона между данными двух опросов ($N = 80$), проведенных с интервалом в 4 недели. Она составила 0,76, $p < 0,01$. Этот коэффициент свидетельствует о достаточной устойчивости во времени шкалы конструктивистских эпистемологических убеждений. В оригинальном исследовании М. Берзонски интервал ретеста составил 2 месяца, а полученный показатель 0,68 ($N = 78$) [Berzonsky, 1994].

Оценка конструктивной валидности CEAS

В данном исследовании оценивались два вида конструктивной валидности CEAS – конвергентная и дискриминантная валидность. Конвергентная валидность оценивалась на основе анализа связей CEAS с показателем методики ОМПИ. Авторы ОМПИ указывают, что теоретическим основанием их подхода является теория корневой метафоры С. Пеппера [Pepper, 1942]. С точки зрения Пеппера, существуют четыре способа видения мира и организации опыта. Согласно *формизму* реальность представляет собой множество предопределенных универсальных форм и типов. *Механицизм* понимает мир как механизм, который можно изучать, изолируя отдельные его части от целого. *Контекстуализм* отрицает существование абсолютного знания и отстаивает идею, согласно которой существует множество точек зрения на один феномен, зависящих от контекста. И, наконец, *органицизм* является корневой метафорой, представляющей мир в качестве живого организма, который постоянно развивается, повышая степень своей интеграции и дифференциации. Сам Пеппер полагал, что органицизм и контекстуализм являются очень похожими способами видения мира, которым противостоит механицизм. М. Берзонски, также указывая на несущественность (для своих задач) различий между органицизмом и контекстуализмом, пишет, что они «согласуются с конструктивистской перспективой» [Berzonsky, 1994. P. 273]. В его исследовании были получены положительные корреляционные связи между показателем CEAS и этими корневыми метафорами, для диагностики которых использовался опросник *Social Paradigm Belief Inventory* [Kramer et al., 1992], что М. Берзонски рассматривает как свидетельство в пользу конвергентной валидности своей шкалы. Значения коэффициентов составили 0,3 для органицизма и 0,35 для контекстуализма. Также значимая положительная связь между CEAS и органицизмом ($r = 0,48$) была получена в исследовании Л. Ботеллы и Дж. Галиффы [Botella, Gallifa, 1995]. Они применяли опросник ОМПИ, который использовался и в настоящем исследовании. Учитывая

вышесказанное, свидетельством в пользу конвергентной валидности шкалы конструктивистских эпистемологических убеждений будет являться значимая положительная связь между ее показателем и баллом по ОМПИ. Что касается дискриминантной валидности, то в ее пользу должна говорить незначимая корреляционная связь между CEAS и социальной желательностью. Результаты приведены в табл. 4.

Таблица 4
Корреляции между CEAS, ОМПИ
и шкалой социальной желательности ($N = 88$)

Шкала	CEAS
	<i>r</i>
ОМПИ	-0,211, $p < 0,05$
СЖ	0,143, $p = 0,18$

Полученные результаты свидетельствуют в пользу конвергентной и дискриминантной валидности CEAS. Можно отметить, что связь между CEAS и ОМПИ, будучи значимой, является довольно слабой.

Заключение

Проведенный анализ внутренней структуры шкалы конструктивистских эпистемологических убеждений показывает, что в существующем виде она не является одномерной методикой. Помимо доминирующего ядра утверждений, связанных с релятивистским аспектом конструктивизма, в ней содержатся утверждения, относящиеся к ценностной нагруженности научного знания и антиконструктивистской позиции, постулирующей незыблемость и самоочевидность эмпирических фактов. Тем не менее, показатели внутренней согласованности свидетельствуют о том, три этих аспекта связаны между собой. С нашей точки зрения, дальнейшая работа над совершенствованием CEAS может идти в двух направлениях. Во-первых, можно пытаться двигаться в направлении создания действительно одномерного инструмента, убирая пункты, которые не относятся к релятивистскому аспекту конструктивизма. С другой стороны, можно пытаться создать двухуровневую шкалу, в которой общий латентный фактор второго порядка (конструктивизм) связан с тремя факторами первого порядка.

В целом даже в существующем виде CEAS обладает рядом преимуществ по сравнению с AARS, психометрическую проверку которой мы проводили ранее [Фёдоров, 2019]. Во-первых, ее содержание более однородно и свободно от социально-политических идеологем. Во-вторых, CEAS обладает более высокой внутренней согласованностью. В-третьих, полученные корреляционные связи свидетельствуют в пользу ее конструктивной валидности, в том числе конвергентной, в то время как данных, которые бы подтверждали конвергентную валидность AARS, нам получить не удалось. В-четвертых, CEAS содержит меньше пунктов, что позволяет сократить время проведения исследования. Таким образом, CEAS представляется нам более перспективным инструментом оценки эпистемологических

убеждений. Последние, однако, следует рассматривать не более как диспозиции, которые являются вероятностью поведения.

Список литературы

Головкин Н. В. Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. V. Конструктивизм // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2009. Т. 7, № 3. С. 3–10.

Фёдоров А. А. Внутренняя структура и конструктивная валидность русскоязычной версии шкалы отношения к реальности // Reflexio. 2019. Т. 12, № 1. С. 65–79.

Фёдоров А. А. Постнеклассическая психология и псевдонаука: реалистическая перспектива // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 93–103.

Ханин Ю. Л. Шкала Марлоу-Крауна для исследования мотивации одобрения. Методическое письмо. Л.: НИИ физической культуры, 1976.

Berzonsky M. D. Individual differences in self-construction: The role of constructivist epistemological assumptions // Journal of Constructivist Psychology. 1994. Vol. 7. № 4. P. 263–281.

Botella L., Gallifa J. A constructivist approach to the development of personal epistemic assumptions and worldviews // Journal of Constructivist Psychology. 1995. Vol. 8. № 1. P. 1–18.

Coan R. W. Psychologists: Personal and theoretical pathways. New York, NY, US: Irvington Publishers, 1979. viii, 195 c.

Johnson J. A., Germer C. K., Efran J. S., Overton W. F. Personality as the basis for theoretical predilections // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. Vol. 55. № 5. P. 824–835.

Kramer D. A., Kahlbaugh P. E., Goldston R. B. A Measure of Paradigm Beliefs About the Social World // Journal of Gerontology. 1992. Vol. 47. № 3. P. 180–189.

Lee J. A., Neimeyer G. J., Rice K. G. The Relationship Between Therapist Epistemology, Therapy Style, Working Alliance, and Interventions Use // American Journal of Psychotherapy. 2013. Vol. 67. № 4. P. 323–345.

MacCallum R. C., Widaman K. F., Zhang S., Hong S. Sample size in factor analysis // Psychological Methods. 1999. Vol. 4. № 1. P. 84–99.

Pepper S. C. World Hypotheses: A Study in Evidence. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1942. 374 c.

Unger R. K., Draper R. D., Pendergrass M. L. Personal epistemology and personal experience // Journal of Social Issues. 1986. Vol. 42. № 2. P. 67–79.

References

Berzonsky, M. D. (1994). Individual differences in self-construction: The role of constructivist epistemological assumptions. *Journal of Constructivist Psychology*, 7 (4), 263–281. DOI 10.1080/10720539408405234

Botella, L., & Gallifa, J. (1995). A constructivist approach to the development of personal epistemic assumptions and worldviews. *Journal of Constructivist Psychology*, 8 (1), 1–18. DOI 10.1080/10720539508405238

Coan, R. W. (1979). *Psychologists: Personal and theoretical pathways* (cc. viii, 195). Irvington Publishers.

Fedorov, A. A. (2019). Vnutrennyaya struktura i konstruktynaya validnost' russko-yazychnoi versii shkaly otnosheniya k real'nosti [The internal structure and construct validity of the Russian-language version of the attitudes about reality scale]. *Reflexio*, 12 (1), 65–79.

Fedorov, A. A. (2020). Postneklassicheskaya psikhologiya i psevdonauka: Realisticheskaya perspektiva [Post-nonclassical Psychology and Pseudoscience: a Realistic Perspective]. *Voprosy filosofii*, 7, 93–103. DOI 10.21146/0042-8744-2020-7-93-103

Golovko, N. V. (2009). Naturalizatsiya epistemologii i osnovnye argumenty protiv nauchnogo realizma. V. Konstruktivizm [naturalisation of epistemology and the basic arguments against scientific realism. V. Constructivism]. *Vestnik NGU. Seriya: Filosofiya*, 7 (3), 3–10.

Johnson, J. A., Germer, C. K., Efran, J. S., & Overton, W. F. (1988). Personality as the basis for theoretical predilections. *Journal of Personality and Social Psychology*, 55 (5), 824–835. DOI 10.1037/0022-3514.55.5.824

Khanin, Iu. L. (1976). *Shkala Marlou-Krauna dlia issledovaniia motivatsii odobreniia. Metodicheskoe pis'mo* [Marlowe – Crowne Social Desirability Scale. A Methodical Letter]. Leningrad: NII fizicheskoi kul'tury.

Kramer, D. A., Kahlbaugh, P. E., & Goldston, R. B. (1992). A Measure of Paradigm Beliefs About the Social World. *Journal of Gerontology*, 47 (3), 180–189. DOI 10.1093/geronj/47.3.P180

Lee, J. A., Neimeyer, G. J., & Rice, K. G. (2013). The Relationship Between Therapist Epistemology, Therapy Style, Working Alliance, and Interventions Use. *American Journal of Psychotherapy*, 67 (4), 323–345. DOI 10.1176/appi.psychotherapy.2013.67.4.323

MacCallum, R. C., Widaman, K. F., Zhang, S., & Hong, S. (1999). Sample size in factor analysis. *Psychological Methods*, 4 (1), 84–99. DOI 10.1037/1082-989X.4.1.84

Pepper, S. C. (1942). *World Hypotheses: A Study in Evidence*. University of California Press.

Unger, R. K., Draper, R. D., & Pendergrass, M. L. (1986). Personal epistemology and personal experience. *Journal of Social Issues*, 42 (2), 67–79. DOI 10.1111/j.1540-4560.1986.tb00225.x

Шкала конструктивистских эпистемологических убеждений
(М. Берзонски, 1994)

	Полностью несогласен		Ни то, ни другое		Полностью согласен	
	1	2	3	4	5	
1. Факты говорят сами за себя	1	2	3	4	5	
2. На наше понимание естественного, физического мира влияют наши социальные ценности	1	2	3	4	5	
3. Научные факты – это абсолютная истина: они <i>не меняются</i> с течением времени	1	2	3	4	5	
4. В действительности ничто не является плохим или хорошим; всё зависит от того, под каким углом мы на это смотрим	1	2	3	4	5	
5. Наши ожидания влияют на то, что мы видим своими глазами	1	2	3	4	5	
6. Истина относительна. То, что истинно в один момент времени, может не быть истиной в другой	1	2	3	4	5	
7. Научные исследования объективны; на них не влияют социальные ценности	1	2	3	4	5	
8. Мы никогда не видим мир таким, каков он есть на самом деле. То, что мы воспринимаем, зависит от того, во что мы верим, и того, что хотим увидеть	1	2	3	4	5	
9. На наше понимание человеческого поведения влияют наши социальные ценности	1	2	3	4	5	
10. Ничто не является важным само по себе. Важно то, что мы считаем важным	1	2	3	4	5	
11. Собственные глаза – лучший свидетель	1	2	3	4	5	
12. Чем больше люди знают, тем больше они понимают, что ни в чем нельзя быть уверенным полностью	1	2	3	4	5	

Ключ

Перед суммированием баллов необходимо обратить 4 пункта: # 1, 3, 7, 11.

Чем выше балл, набранный по этой шкале, тем больше для человека характерны конструктивистские эпистемологические убеждения.

*Материал поступил в редколлегию
The article was submitted
09.04.2020*

УДК 159.9
DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-60-74

Адаптация методики толерантности к неопределенности МАТ-50: анализ надежности

Е. М. Гоптарь, М. В. Злобина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Актуальность проблемы неопределенности на сегодняшний день бесспорна. В данной связи возрастает роль исследования и диагностики такого психологического конструкта, как толерантность к неопределенности. В статье представлен обзор современных методик диагностики толерантности и интолерантности к неопределенности, а также результаты первого этапа адаптации методики оценки толерантности к неопределенности Measurement of Ambiguity Tolerance (MAT-50) [Norton, 1975] на российской выборке ($n = 756$). Были получены данные о надежности опросника по внутренней согласованности (0,87). В дальнейшем планируется проверка факторной структуры и валидности опросника.

Ключевые слова

неопределенность, неоднозначность, толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, диагностика толерантности к неопределенности, ТН, ИТН, МАТ-50

Для цитирования

Гоптарь Е. М., Злобина М. В. Адаптация методики толерантности к неопределенности МАТ-50: анализ надежности // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 60–74. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-60-74

Adaptation of Measurement of Ambiguity Tolerance (MAT-50): Analysis of Reliability

E. M. Goptar, M. V. Zlobina

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The importance of the problem of ambiguity and uncertainty nowadays is indisputable. In this regard, the role of research and diagnostics of such psychological construct as tolerance to ambiguity increases. The article presents an overview of modern methods of diagnosing tolerance and intolerance to ambiguity, as well as the results of the first stage of adaptation of the Measurement of Ambiguity Tolerance (MAT-50) (Norton, 1975) in Russian sample ($n = 756$). Data were obtained on the reliability of the questionnaire internal consistency (0.87). It is planned further to establish the factor structure and validity of the questionnaire.

Keywords

uncertainty, ambiguity, tolerance to ambiguity, intolerance to ambiguity, uncertainty tolerance, uncertainty intolerance, Measurement of Ambiguity Tolerance (MAT-50)

© Е. М. Гоптарь, М. В. Злобина, 2020

For citation

Goptar, E. M., Zlobina, M. V. (2020). Adaptation of Measurement of Ambiguity Tolerance (MAT-50): Analysis of Reliability. *Reflexio*, 13 (1), 60–74. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-60-74

Введение

Современные условия ставят человека в ситуацию обязательного выбора при недостаточности информации, ее неоднозначности и сложности. В данных условиях залогом адаптивного и успешного функционирования является такой психологический конструкт, как толерантность к неопределенности (далее ТН). Толерантность к неопределенности выступает залогом адекватного восприятия действительности без ощущения обстоятельств как стрессовых и фрустрирующих, одной из причин успешной адаптации к быстро меняющимся условиям и сохранением нервно-психического равновесия. Интолерантность к неопределенности, напротив, может приводить к возникновению тревожных и депрессивных состояний [Соколова, 2015; Злобина, Первушина, 2017]. В связи с глобальностью данного психологического феномена необходимо наличие качественного измерительного инструмента. В настоящий момент существует большое количество отечественных и зарубежных методик, направленных на оценку толерантности к неопределенности. Тем не менее далеко не все из них отвечают требованиям к психометрическим показателям, а результаты, полученные с помощью данных методик, нередко противоречивы (см., например, [Кондрашихина, 2015]).

История становления конструкта и его определение

Появление термина «толерантность к неопределенности» связано с работами Э. Френкель-Брансвик [Frenkel-Brunswick, 1949, 1951]. Она обнаружила феномен толерантности к неопределенности при исследовании восприятия и впоследствии изучала взаимосвязь толерантности к неопределенности с особенностями личности. В результате экспериментов Френкель-Брансвик приходит к выводу о том, что отрицание эмоциональной амбивалентности и интолерантность к неопределенности когнитивного характера представляют собой различные проявления единой личностной характеристики. Было выявлено множество поведенческих характеристик, которые являются частью ТН: невосприимчивость к очевидным изменениям в стимуле, ранний выбор и удержание решения в плане восприятия неопределенного стимула, неспособность признать положительные и отрицательные черты в едином человеке, выбор довольно ригидных представлений, «черно-белое» восприятие действительности, поиск определенности, ригидность в дихотомических категориях, восприятие только тех стимулов, которые близки к знакомым и раннее «закрытие» от стимулов.

ТН была определена как одна многогранная предсказуемая переменная среди всех поведенческих характеристик человека. Френкель-Брансвик утверждала, что ТН обобщает различные аспекты эмоциональной и когнитивной функций индивида, характеризует его когнитивный стиль, верования и систему отношений, межличностные и внутриличностные отношения, а также стиль решения проблем.

В 1956 г. С. Бохнер [Bochner, 1965] обобщил имеющиеся взгляды на толерантность и интолерантность к неопределенности и пришел к выводу, что конструкт имеет два значения: базовый процесс, влияющий на все когнитивные, эмоциональные процессы, убеждения, системы социальных установок, межличностное и социальное поведение, и характеристика «перцептивного аппарата» личности. Исследователь выделил первичные и вторичные характеристики толерантности к неопределенности. К первичным были отнесены когнитивные свойства, выделенные ранее Френкель-Брансвик. Ко вторичным – личностные особенности: авторитаризм, закрытость новому, догматизм, низкая креативность, тревожность, склонность к экстрапунитивным реакциям, ригидность, агрессивность, наличие этнических предрассудков.

Позднее, в 1962 году, американский психолог С. Баднер [Budner, 1962] вновь поднимает тему толерантности к неопределенности в контексте теории личностных черт и дает ей следующее определение: толерантность к неопределенности – тенденция воспринимать неопределенные стимулы как желаемые. Интолерантность к неопределенности, напротив, характеризуется тенденцией воспринимать неопределенные стимулы как нежелательные.

МакДональд [McDonald, 1970] указывает, что лица, имеющие высокую толерантность к неоднозначности, ищут неоднозначность, им нравится неоднозначность, и они преуспевают в выполнении неоднозначных задач.

Согласно идеям Нортон [Norton, 1975], интолерантность к неопределенности понимается как «тенденция воспринимать или интерпретировать информацию, характеризующуюся расплывчатостью (*vague*), неполнотой, фрагментарностью, множественностью, вероятностным характером (*probable*), неструктурированностью, неопределенностью, противоречивостью, непоследовательностью, противоречивыми или нечеткими значениями в качестве реальных или потенциальных источников психологического дискомфорта или угрозы» [Ibid.].

Д. МакЛейн [McLain, 1993] рассматривает толерантность к неопределенности как диапазон реакции (от отрицания до привлечения) на стимулы, которые воспринимаются как незнакомые, сложные, неясные или многозначные. «Общей чертой всех неоднозначных стимулов является недостаток информации. Неоднозначные стимулы могут быть восприняты как новые и незнакомые, непредсказуемые, или могут быть слишком сложны для понимания. Двусмысленные стимулы также могут восприниматься как имеющие множественные и несовместимые интерпретации» [Ibid.].

Наряду со взглядами на толерантность к неопределенности как на устойчивую личностную черту, существует и другая линия, представители которой рассматривают толерантность к неопределенности как динамическую характеристику.

В своей известной статье А. Фернхем и Т. Рибчестер [Furnham, Ribchester, 1995] критикуют определение толерантности к неопределенности как неизменного конструкта. Они выделяют основные проблемы исследований в области изучения толерантности к неопределенности: размытость конструкта, его понимание толерантности через методики и видение ее автора, что делает проблематичным сравнение результатов различных исследований, накопление единого массива данных о феномене. Авторы отмечают, что толерантность к двусмысленности от-

носится к тому, как индивид (или группа) воспринимает и обрабатывает информацию о неоднозначных ситуациях или стимулах, когда сталкивается с множеством незнакомых, сложных или неконгруэнтных стимулов. Человек с низкой толерантностью к неоднозначности испытывает стресс и избегает неоднозначных стимулов. Однако на другом краю шкалы человек с высокой толерантностью к неоднозначности воспринимает такие ситуации или стимулы как привлекательные, сложные и интересные, а также не отрицает и не искажает их сложность [Furnham, Ribchester, 1995].

К. Durrheim и D. Foster [Durrheim, Foster, 1997] предполагали, что ТН – специфический контекстуальный конструкт, не являющийся личностной чертой. Неопределенность выходит за рамки индивидуума и становится характеристикой окружающей действительности. На это через пару лет укажут [Clampitt, Williams, 2000]: «толерантность к неопределенности – это нечто большее, чем просто когнитивная и/или эмоциональная ориентация». Авторы перечисляют следующие фундаментальные положения, которые необходимы учитывать для изучения ТН: неопределенность – свойство действительности; толерантность к неопределенности является сложным конструктом, измерить который можно различными способами; уровень ТН зависит от большого количества факторов; обычно, но не всегда, люди стремятся к снижению неопределенности; люди снижают уровень неопределенности с помощью эвристики или метода приближения, что не всегда является успешным решением.

В начале 2000-х фокус исследований постепенно смещается с вопроса «Что по своей сути представляет данный конструкт?» на изучение взаимосвязи толерантности и интолерантности к неопределенности и других психологических переменных.

Толерантность к неопределенности в работах отечественных психологов

В отечественной психологии конструкт толерантности к неопределенности впервые появился в 1998 году в работе Е. Г. Луковицкой. Автор рассматривает ТН как социально-психологическую установку, которая включает в себя три составляющие: «поскольку она содержит в себе оценивание неопределенности, и эмоциональное реагирование, и определенное поведенческое реагирование» [Луковицкая, 1998].

В работе М. С. Миримановой и А. С. Обуховой [2001] ТН рассматривается как двухаспектный конструкт: внешняя толерантность (к другим) – «убеждение, что люди могут иметь свою позицию, способны видеть вещи с иных (разных) точек зрения, с учетом разных факторов», и внутренняя толерантность – «способность к принятию решений и размышления над проблемой, даже если не известны все факты и возможные последствия». При этом под толерантностью авторы понимают «фактор, стабилизирующий систему (личность) изнутри, а также и внешне, фактор, направляющий межличностные отношения в обществе в мирное русло и связывающий индивидов с традициями, нормами, культурой и т. д.».

Т. В. Корнилова исследует толерантность к неопределенности в ситуациях выбора. Особое значение автор уделяет интеллектуально-личностному потенциалу

как основе регуляции выбора в контексте неопределенности. Неопределенность не ограничивается параметрами субъекта, она относится и к объективному миру. Психологическая неопределенность понимается автором как отсутствие установки на использование каких-либо процессов, актуализируемых, порождаемых в деятельности, которые будут использоваться в моменте принятия решения, а также как незаданность динамической иерархии задействованных структур – динамических регулятивных систем [Корнилова, 2013]. Толерантность и интолерантность к неопределенности автор рассматривает как проявления латентной переменной «принятие неопределенности». Принятие неопределенности выступает интегрирующей латентной переменной в принятии решений человеком. Согласно развиваемой автором теории, процессы принятия неопределенности выступают в качестве медиаторов взаимодействия интеллектуальных и личностных составляющих единого интеллектуально-личностного потенциала человека [Корнилова, 2010].

Диагностика толерантности и интолерантности к неопределенности

В связи с актуальностью проблемы неопределенности и увеличением исследовательского интереса к данной проблеме возрастает роль диагностики толерантности к неопределенности.

Шкала толерантности к неопределенности С. Баднера (Budner, 1962 г.)

Одной из первых методик, направленных на диагностику толерантности к неопределенности, стала шкала Баднера (Tolerance of Ambiguity Scale, Budner, 1962 г.). На основе данного автором определения была разработана методика, которая стала предшественницей многих последующих опросников. Методика направлена на выявление четырех паттернов реагирования на неопределенность: феноменологическое отрицание, феноменологическое подчинение, поведенческое отрицание, поведенческое подчинение.

В структуре опросника выделяются следующие факторы: новизна и сложность стимула, противоречивость (стимулы, порождающие противоречивые интерпретации). Стоит отметить, что в ряде других работ факторная структура опросника была пересмотрена. В работе Furnham [1994] была представлена четырехфакторная структура опросника, включающая следующие факторы: предсказуемость, разнообразие и оригинальность, ясность, постоянство. Спустя два года в [Benjamin et al., 1996] был проведен анализ факторной структуры методики с помощью confirmatorного факторного анализа (в исследовании приняли участие 436 респондента), в результате которого было установлено, что структура опросника не соответствует ни оригинальной модели, ни четырехфакторной модели Фернхама.

Опросник содержит 16 вопросов, поэтому ценится за свою экономичность. Оригинальный опросник был проверен на 17 различных, в основном студенческих выборках. Хотя показатели ретестовой надежности были высоки $r = 0,85$, показатели надежности по внутренней согласованности были низкими – r в диапазоне от 0,39 до 0,62 (со средним значением $\alpha = 0,49$). Сам Баднер утверждал, что такие низкие показатели могут быть обусловлены комплексностью конструкта.

К недостатку данного опросника можно отнести исследования, которые имеют противоречивые данные о структуре методики. Несмотря на это, опросник демон-

стрирует высокий показатель конструктивной валидности, которая была достигнута при его разработке и апробации в результате сопоставления результатов теста с биографическими данными респондентов, показателями социальной оценки, выбором карьеры, отношением к религии [Budner, 1962].

Пересмотренная шкала толерантности к неопределенности (Revised Scale for Ambiguity Tolerance (AT-20), McDonald, 1970)

В 1966 г. С. Райделл и Э. Розен [Rydell, Rosen, 1966] представили опросник из 16 утверждений, ретестовая надежность которого составила 0,71 через месяц и 0,57 через два месяца. В работе авторов есть ссылка на статью, где подтверждена высокая валидность данной методики, однако нам не удалось найти данную статью в открытом доступе. Спустя четыре года МакДональд [MacDonald, 1970] модифицировал этот опросник, добавив четыре вопроса: два из Калифорнийского личностного опросника (CPI) и два из шкалы соответствия (Barron's conformity scale) для повышения надежности инструмента. Итоговый опросник содержал 20 утверждений.

МакДональд разработал шкалу АТ-20 с высокими показателями надежности: оценка надежности по внутренней согласованности была повышена с 0,64 до 0,86. Показатель ретестовой надежности составил 0,63, что выше, чем показатели ретеста через два месяца оригинальной шкалы.

Данные конструктивной валидности были подтверждены гипотезой о том, что ТН связана с частотой посещения церкви ($r = 0,24$; $p < 0,01$). Также были найдены значимые корреляции со шкалой догматизма Rokeach ($r = 0,42$; $p < 0,01$) и шкалой ригидности Gough-Sanford ($r = 0,41$; $p < 0,01$).

Опросник АТ-20 обладает видимыми преимуществами: высокими показателями ретестовой надежности и надежности по внутренней согласованности; содержит подтверждение валидности через другие конструкты. Однако он использует дихотомическую шкалу ответов, что значительно сокращает возможность более точного разграничения респондентов по степени выраженности исследуемой характеристики.

Методика толерантности к неопределенности (Measurement of Ambiguity Tolerance (MAT-50), Norton, 1975)

Методика содержит 61 утверждение (используется 7-балльная шкала Ликерта), которые группируются на 8 категорий: философское отношение, межличностная коммуникация, представление об обществе, рабочая сфера, решение проблем, социальная сфера, сфера привычек, сфера искусства.

Опросник был протестирован 7 раз перед тем, как показатель надежности по внутренней согласованности не достиг значения 0,88. Последняя версия опросника была составлена с помощью 1 496 испытуемых. Ретестовая надежность периода 10–12 недель составила 0,86. Опросник демонстрирует высокие показатели надежности, а также имеет данные о конструктивной валидности. Показатель надежности по внутренней согласованности равен 0,88.

Автор методики предоставил в статье информацию о конструктивной, критериальной и содержательной валидности. Критериями содержательной валидности выступали: корреляции со шкалами догматизма (Short Dogmatism Scale) и ригид-

ности (Rigidity of Attitudes Regarding Personal Habits (PAPH), (Troidahl & Powell), Rigidity (RI), (Rehfish), а также данные о структуре опросника. Каждый вопрос был отнесен к какой-либо категории неопределенности: многозначность, незавершенность, вероятность, неструктурированность, недостаток информации, неоднозначность как состояние разума, противоречивость, неясность. В качестве содержательной валидности приводился следующий эксперимент: десять испытуемых попросили представить, что они абсолютно нетолерантны к неопределенности, еще десять – обратное, и заполнить опросник. Разница между теми, кто воспринимал себя толерантным и интолерантным была значительная (249 и 55 суммарных баллов по опроснику).

Опросник включает в себя вопросы, которые позволяют охватить множество проявлений толерантности к неопределенности, что, несомненно, является его преимуществом. Количество баллов, которые можно набрать, включает диапазон от 1 до 427, что позволяет точнее ранжировать респондентов по степени выраженности признака, в отличие от других методик, которые содержат меньше вопросов и, следовательно, обладают меньшей способностью к дифференцированию испытуемых. Кроме того, количество респондентов, участвовавших в разработке шкалы, значительно превышает минимально допустимое количество. МАТ-50 имеет высокие показатели ретстовой надежности и надежности по внутренней согласованности, данные о конструктивной, критериальной и содержательной валидностях.

Шкала толерантности к неопределенным стимулам разного типа-I (Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance-I (MSTAT-I) McLain, 1993)

Опросник содержит 22 утверждения и был разработан на выборке 148 студентов. Коэффициент внутренней согласованности составляет 0,86. Были обнаружены умеренные положительные корреляции опросника со шкалами Балнера ($r = 0,37$; $p < 0,05$) и МакДональда ($r = 0,58$; $p < 0,05$), что отражает конкурентную валидность. В качестве информации о конструктивной валидности указывалось на положительные корреляции со шкалами открытости к изменениям ($r = -0,38$; $p < 0,05$) и поиска новых ощущений ($r = 0,58$; $p < 0,05$), а также была выявлена умеренная отрицательная корреляция со шкалой догматизма ($r = -0,34$; $p < 0,05$).

Несмотря на достоинства, высокую надежность по внутренней согласованности и данные о конструктивной и конкурентной валидности, стоит заметить, что выборка разработки опросника ниже необходимого количества.

Шкала толерантности к неопределенным стимулам разного типа – II (Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance-II (MSTAT-II) McLain, 2009)

В 2009 г. МакЛейн усовершенствовал свою методику. В результате факторного анализа опросника было выделено три фактора, из которых один являлся преобладающим. Его определили как «толерантность к неопределенности». MSTAT-II, в отличие от оригинальной методики, содержит 13 утверждений. Сокращение количества утверждений оправдывалось использованием меньших когнитивных ресурсов при заполнении опросника респондентом. Удаление пунктов проводилось на основании обратной связи от респондентов и исследователей, использовавших опросник. Утверждения оставляли, если они вносили вклад в общую дисперсию, коррелировали с общей шкалой. MSTAT-II был апробирован на 528 студентах.

Показатели внутренней согласованности составили 0,83, что ниже, чем у первой версии опросника. Конструктивная валидность отражена через положительные корреляции шкалы с поиском ощущений ($r = 0,33$; $p < 0,01$), склонностью к риску ($r = 0,13$; $p < 0,01$), восприимчивостью неопределенности ($r = 0,19$; $p < 0,01$). Опросник имел негативную корреляцию с соматическими проявлениями ($r = -0,23$; $p < 0,01$). Что касается конкурентной валидности, МакЛейн обнаружил, что MSTAT-II имеет положительную значительную корреляцию с опросником AT-20 McDonald ($r = 0,41$; $p < 0,01$) и незначительную положительную корреляцию со шкалой толерантности к неопределенности Баднера ($r = -0,09$; $p > 0,05$). Автор методики предположил, что это может быть связано с низкой надежностью второго и плохими формулировками утверждений. Следует отметить, что MSTAT-I не имел значимых корреляций с опросником 1962 г.

Русскоязычные адаптации и оригинальные методики

Для русского языка были адаптированы несколько англоязычных опросников, в том числе опросник Баднера (адаптация Т. В. Корниловой.), MSTAT-I (адаптация Е. Г. Луковицкой и позднее Е. Н. Осина), MSTAT-II (адаптация Д. А. Лентьева). О. А. Кондрашихина [2015] сообщает об использовании опросника Нортон, однако нам не удалось найти данных об адаптации данной методики. На русском языке в 2010 году Т. В. Корниловой был разработан «Новый опросник толерантности к неопределенности».

MSTAT-I в адаптации Е. Г. Луковицкой (1993) и Е. Н. Осина (2010)

Е. Г. Луковицкая апробировала методику на небольшой студенческой выборке ($n = 130$), обнаружив значимую корреляцию с русскоязычной версией опросника Баднера ($r = 0,38$; $p < 0,05$), а также с рядом шкал опросника 16-PF Р. Кеттела: *E* (доминантность), *H* (смелость), *M* (мечтательность), *Q1* (радикализм).

При исследовании факторной структуры шкалы Осиным было установлено, что методика состоит из шести относительно однородных групп пунктов, которые могут быть обобщены по двум способам реагирования на неопределенность: предпочтение и избегание и по трем типам стимулам: новизна, неопределенные ситуации, сложные задачи. Были исключены пункты 3, 20, 21, имевшие слабые нагрузки на общий фактор.

Показатель надежности по внутренней согласованности на различных выборках составил от 0,80 до 0,91. Конструктивная валидность была дополнена данными через получение значимых корреляций со множеством опросников.

Преимущества отечественной адаптации заключаются в усовершенствовании опросника и сохранении тех пунктов, которые непосредственно вносят вклад в общий фактор, сохранения такого же высокого показателя надежности по внутренней согласованности, что и у оригинала. Также предоставлены данные о конструктивной валидности. Тем не менее полученные данные были апробированы на малом количестве респондентов.

Новый опросник толерантности к неопределённости (НТН) Т. В. Корниловой (2010)

Шкала состоит из 33 пунктов и была разработана на 623 испытуемых.

Т. В. Корнилова формирует единый опросник на основе схемы, предложенной Фернхемом [1994], однако включает три шкалы вместо заявленных в оригинале четырех: шкалу Баднера, шкалу О'Коннора и шкалу Райделл и Розен.

Была получена трехфакторная структура опросника: ТН как общее свойство личности; ИТН – стремление к ясности, упорядоченности, неприятие неопределенности; МИТН – межличностная интолерантность к неопределенности в виде стремления к контролю и определенности в межличностных отношениях.

Надежность по внутренней согласованности для факторов составила: ТН = 0,7, ИТН = 0,69, МИТН = 0,7. Общий показатель надежности не был представлен. В работе [Злобина, 2019] при проверке факторной структуры и анализе надежности шкал «Нового опросника толерантности к неопределенности» коэффициент α Кронбаха составил 0,64 (против 0,70, по данным Т. В. Корниловой) – для шкалы ТН, 0,73 – для шкалы ИТН и 0,70 – для МИТН (удовлетворительная внутренняя согласованность).

Для подтверждения конкурентной валидности приводятся корреляции с другими опросниками, имеющие удовлетворительные показатели надежности: Модифицированным опросником Вигано Ла Росы в апробации Н. Шалаева – ТН-23 и опросником ЛФР – Личностные факторы решений.

Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера (Корнилова, Чумакова, 2014)

В исследовании приняли участие 1 082 человек, а итоговый вариант опросника вошли 16 утверждений. В результате исследования не была подтверждена ни оригинальная структура [Bunder, 1962], ни структура, предложенная в [Furnham, 1994]. Итоговый вариант факторной структуры поддержал наличие двух факторов «ТН» и «ИТН», однако с другим количеством пунктов шкалы: были удалены 2, 9, 15.

Оценка внутренней согласованности для шкал ТН и ИТН составила 0,66 и 0,61 соответственно. Общая оценка надежности не представлена. Для оценки конвергентной валидности был использован опросник MSTAT-I в адаптации Е. Г. Луковицкой: фактор «ТН» имеет положительную корреляцию ($r = 0,17$; $p < 0,01$), «ИТН» – отрицательную ($r = -0,37$; $p < 0,01$).

Из всех рассмотренных нами ранее методик наибольшей надежностью обладает шкала толерантности к неопределенности Нортонa MAT-50. Необходимо подчеркнуть и то, что данный опросник – единственный, в основе которого лежит столь подробное описание типов неопределенности. Другой важной особенностью, на наш взгляд, является наличие в данной методике шкал, позволяющих оценить толерантность и интолерантность к неопределенности в различных сферах. Адаптация данной методики на русскоязычной выборке обеспечит в дальнейшем более полную оценку такого многогранного феномена, как толерантность к неопределенности.

Цель данной работы – проверка надежности шкал опросника толерантности к неопределенности Нортонa MAT-50 как первого этапа адаптации опросника на русскоязычной выборке.

Таблица 1

Сравнение показателей надежности по внутренней согласованности

Название методики	Количество респондентов	Общий показатель надежности по внутренней согласованности
Шкала толерантности –интолерантности к неопределенности Баднера	947	0,49
Шкала толерантности –интолерантности к неопределенности Баднера (в адаптации Т. В. Корниловой)	1 082	ТН – 0,66; ИТН – 0,61
АТ-20	789	0,86
МАТ-50	1 469	0,88
MSTAT-I	148	0,86
MSTAT-II	528	0,83
MSTAT-I в адаптации Е. Г. Луковицкой	130	0,86
MSTAT-I в адаптации Е. Н. Осина	805	0,88
НТН	623	ТН – 0,7; ИТН – 0,69; МИТН – 0,7

Выборка

Методика была адаптирована на выборке 756 человек (99 муж., 651 жен.) в возрасте от 12 до 70 лет ($M = 21,416$; $SD = 8,623$).

Выборка состояла из четырех групп респондентов (школьники, студенты, работающие, пенсионеры).

1. Школьники – 102 человек в возрасте от 12 до 18 лет ($M = 15,52$; $SD = 8,77$), 13 муж., 89 жен.

2. Студенты – 339 человек в возрасте от 19 до 25 лет ($M = 19,28$; $SD = 2,04$), 37 муж., 302 жен.

3. Работающие – 157 человек от 15 до 65 лет ($M = 27,97$; $SD = 9,85$), 29 муж., 128 жен.

4. Пенсионеры – 11 человек в возрасте от 55 до 70 лет ($M = 63,27$; $SD = 5,02$), 3 муж. и 8 жен.

5. Лица, не указавшие сферу деятельности, возраст которых не позволяет отнести их к той или иной категории – 143 человек в возрасте от 15 до 57 лет ($M = 20,39$; $SD = 7,25$), 15 муж., 128 жен.

6. 4 человека, не указавшие свой возраст, все женщины.

Методики

Методика толерантности к неопределенности Нортон (*Measurement of Ambiguity Tolerance (MAT-50), Norton, 1975*).

Перевод методики был осуществлен четырьмя психологами, владеющими английским языком.

Методика содержит 61 утверждение, которые группируются в 8 категорий, отражающих толерантность к неопределенности в различных сферах: философское отношение, межличностная коммуникация, представление об обществе, рабочая сфера, решение проблем, социальная сфера, сфера привычек, сфера искусства. Испытуемому предлагается выразить свое согласие или несогласие с каждым из утверждений в соответствии с семибальной шкалой Лайкерта.

Результаты и обсуждение

Для обработки результатов использовалась программа SPSS for Windows v. 22. Данные по шкалам, полученные в результате вычисления α Кронбаха, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Коэффициент α Кронбаха
для субшкал опросника МАТ-50

Название субшкалы	Коэффициент α Кронбаха
Философское отношение	0,453
Межличностная коммуникация	0,469
Представление об обществе	0,754
Рабочая сфера	0,464
Решение проблем	0,744
Социальная сфера	0,647
Сфера привычек	0,751
Сфера искусства	0,327
Общий показатель	0,87

Мы можем наблюдать низкие показатели среди большинства субшкал опросника. При этом общий показатель альфа составил 0,87, что соответствует хорошей внутренней согласованности. Подобный результат (низкие показатели внутренней согласованности для субшкал опросника и хороший показатель внутренней согласованности для всей шкалы) может свидетельствовать о том, что в основе методики лежит однофакторная структура.

Вопрос о том, является ли толерантность к неопределенности одномерным или многомерным конструктом, по-разному решается исследователями. Ряд исследований подтверждает одномерную структуру опросников, направленных на изучение толерантности и интолерантности к неопределенности [Furnham, 1994; Furnham, Ribchester, 1995], однако современные исследования показывают, что толерантность к двусмысленности лучше описывается как многомерный конструкт (например, [Lauriola et al., 2016]). Многие исследования свидетельствуют в пользу многомерности конструкта, однако количество факторов, получаемых при анализе размерности конструктов, значительно варьируется [Freeston et al.,

1994; Buhr, Dugas, 2002; Carleton et al., 2007; Berenbaum et al., 2008]. Проверка факторной структуры опросника составит следующий этап исследования.

Одним из ограничений нашего исследования является неравномерное распределение испытуемых по полу и преобладание в выборке женщин. В дальнейшем мы планируем расширить и уравновесить выборку за счет включения испытуемых мужского пола.

Список литературы

Злобина М. В., Первушина О. Н. Интолерантность к неопределенности и депрессия // *Reflexio*. 2017. Т. 10, № 2. С. 126–141.

Злобина М. В. Внутренняя структура Нового опросника толерантности к неопределенности // *Reflexio*. 2019. Т. 12, № 2. С. 126–141.

Кондрашихина О. А. Диагностика толерантности к неопределенности: корреляция результатов психодиагностических измерений // *Перспективы Науки и Образований*. 2015. Т. 5, № 17. С. 83–87.

Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // *Экспериментальная психология*. 2014. № 1. С. 92–110.

Корнилова Т. В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // *Психологический журнал*. 2013. Т. 34, № 3. С. 89–100.

Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности к неопределенности // *Психологический журнал*. 2010. Т. 31, № 1. С. 74–86.

Луковицкая Е. Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.

Осин Е. Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна // *Психологическая диагностика*. 2010. № 2. С. 65–86.

Соколова Е. Т. Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8, № 40. С. 5.

Berenbaum H., Bredemeier K. et al. Intolerance of uncertainty: Exploring its dimensionality and associations with need for cognitive closure, psychopathology, and personality // *Journal of Anxiety Disorders*. 2008. Vol. 22, No. 1. P. 117–125

Benjamin A. J., Riggio R. E., Mayes B. T. Reliability and Factor Structure of Budner's Tolerance for Ambiguity Scale // *Journ. of Social Behavior and Personality*. 1996. V. 11. N 3 P. 625–632.

Bochner S. Defining intolerance of ambiguity // *Psychological Record*. 1965. V. 15. P. 393-400.

Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable // *Journal of Personality*. 1962. V. 30. P. 29-50.

Buhr, K., & Dugas, M. J. The intolerance of uncertainty scale: Psychometric properties of the English version // *Behavior Research and Therapy*. 2002. Vol. 40. P. 931–945.

Carleton R. N., Sharpe D., Asmundson G. J. G. Anxiety sensitivity and intolerance of uncertainty: Requisites of the fundamental fears? // *Behaviour Research and Therapy*. 2007. Vol. 45. P. 2307–2316.

Clampitt P. G. & Williams M. L. Managing organizational uncertainty: Conceptualization and measurement // Paper presented at the international, communication association conference. San Diego: CA, 2000.

Durrheim, K., & Foster, D. Tolerance of ambiguity as a content specific construct // *Personality and Individual Differences*. 1997. V. 22. P. 741–750.

Freeston M. H., Rhéaume J., Letarte H., Dugas M. J., Ladouceure R. Why do people worry? // *Personality and individual differences*. 1994. Vol. 17 (6). P. 791–802

Frenkel-Brunswick, E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // *Journal of Personality*. 1949. V. 18. P. 108–143.

Frenkel-Brunswick, E. Personality theory and perception. In R. R. Blake & G. V. Ramsey (Eds.) // *Perception: an approach to personality*. New York: Ronald. 1951. P. 356–419.

Furnham A., Ribchester T. Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications // *Current Psychology*. 1995. V. 14. N 3. P. 179–199.

Furnham, A. A content, correlational and factor-analytic study of 4 tolerance of ambiguity questionnaires // *Personality and Individual Differences*. 1994. V. 16. P. 403–410.

Lauriola M., Foschi R. et al. Attitude Toward Ambiguity: Empirically Robust Factors in Self-Report Personality Scales // *Assessment*. 2016. Vol. 23, No 3. P. 353–373.

MacDonald A. P. J. R. Reviersd Scale for ambiguity tolerance: reliability and validity // *Psychological Reports*. 1970. V. 26. P. 791–798.

McLain, D. L. The MSTAT- I : A new measure of an individual's tolerance for ambiguity // *Educational and Psychological Measurement*. 1993. V. 53. N 1. P. 183–189.

Norton, R. W. Measurement of ambiguity tolerance // *Journal of Personality Assessment*. 1975. V. 39. P. 607–619.

Rydell S., Rosen E. Measurement and some correlates of need cognition // *Psychological Reports*. 1966. V. 19 P. 139–165.

References

Berenbaum H., Bredemeier K. et al. (2008). Intolerance of uncertainty: Exploring its dimensionality and associations with need for cognitive closure, psychopathology, and personality // *Journal of Anxiety Disorders*, 22 (1), 117–125.

Benjamin A. J., Riggio R. E., Mayes B. T. (1996). Reliability and Factor Structure of Budner's Tolerance for Ambiguity Scale. *Journal of Social Behavior and Personality*, 11 (3), 625–632.

Bochner S. (1965). Defining intolerance of ambiguity *Psychological Record*, 15, 393–400.

Budner S. (1962). Intolerance of ambiguity as a personality variable *Journal of Personality*, 30, 29–50.

Buhr, K., & Dugas, M. J. (2002). The intolerance of uncertainty scale: Psychometric properties of the English version. *Behavior Research and Therapy*, 40, 931–945.

Carleton R. N., Sharpe D., Asmundson G. J. G. (2007). Anxiety sensitivity and intolerance of uncertainty: Requisites of the fundamental fears? *Behaviour Research and Therapy*, 45, P. 2307–2316.

Clampitt P. G. & Williams M. L. (2000). Managing organizational uncertainty: Conceptualization and measurement. Paper presented at the international, communication association conference. San Diego: CA, 2000.

Durrheim, K., & Foster, D. (1997). Tolerance of ambiguity as a content specific construct // *Personality and Individual Differences*, 22, 741–750.

Freeston M. H., Rhéaume J., Letarte H., Dugas M. J., Ladouceur R. (1994). Why do people worry? *Personality and individual differences*, 17 (6), 791–802

Frenkel-Brunswick, E. (1949). Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable. *Journal of Personality*, 18, 108–143.

Frenkel-Brunswick, E. (1951). Personality theory and perception. In R. R. Blake & G. V. Ramsey (Eds.). *Perception: an approach to personality*. New York: Ronald. P. 356–419.

Furnham A., Ribchester T. (1995). Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications. *Current Psychology*, 14 (3) 179–199.

Furnham, A. (1994). A content, correlational and factor-analytic study of 4 tolerance of ambiguity questionnaires. *Personality and Individual Differences*, 16, 403–410.

Kondrashikhina.O.A (2015). Diagnostika tolerantnosti k neopredelennosti: korreliatsiia rezul'tatov psikhodiagnosticheskikh izmerenii [Diagnostics of tolerance to uncertainty: correlation of results of psychodiagnostic measurements.]. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniia*, 5 (17), 83–87. (in Russ.)

Kornilova T. V., Chumakova M. A. (2014). Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti v modifikatsii oprosnika C. Badnera [Scales of tolerance and intolerance to uncertainty in the modification of S. Badner's questionnaire.]. *Ekspperimental'naia psikhologiya*, 1, 92–110. (in Russ.)

Kornilova T. V. (2013). Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoi reguliatsii reshenii i vyborov. *Psikhologicheskii zhurnal* [The psychology of uncertainty: the unity of the intellectual and personal regulation of decisions and choices], 34 (3), 89–100. (in Russ.)

Kornilova.T.V. Novyi oprosnik tolerantnosti k neopredelennosti [New questionnaire of uncertainty tolerance.]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 31 (1) 74–86. (in Russ.)

Lauriola M., R. et al. (2016). Attitude Toward Ambiguity: Empirically Robust Factors in Self-Report Personality Scales. *Assessment*. 23 (3) 353–373.

Lukovitskaia E. G. (1998). Sotsial'no-psikhologicheskoe znachenie tolerantnosti k neopredelennosti: dis. kand. psikhol. nauk. SPb [Socio-psychological significance of tolerance to uncertainty]. (in Russ.)

MacDonald A. P, J. R. (1970). Reversd Scale for ambiguity tolerance: reliability and validity. *Psychological Reports*, 26, 791–798.

McLain, D. L. (1993) The MSTAT: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity. *Educational and Psychological Measurement*, 53 (1), 183–189.

Norton, R. W. (1975). Measurement of ambiguity tolerance. *Journal of Personality Assessment*, 39, 607–619.

Osin E. N. (2010). Faktornaia struktura russkoiazыchnoi versii shkaly obshchei tolerantnosti k neopredelennosti D. Makleina [Factor structure of the Russian version of the D. McLain scale of general tolerance to uncertainty]. *Psikhologicheskaiа diagnostika*, 2, 65–86. (in Russ.)

Rydell S., Rosen E. (1966). Measurement and some correlates of need cognition. *Psychological Reports*, 19, 139–165.

Sokolova E. T. (2015). Shok ot stolknoveniya s sotsiokul'turnoy neopredelennost'yu: klinicheskiy vzglyad [Shock as the result of collision with sociocultural uncertainty and ambiguity: clinical approach]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 8 (40), 5. (in Russ.)

Zlobina M. V., Pervushina O. N. (2017) Intolerantnost' k neopredelennosti i depressiia [Intolerance of uncertainty and depression]. *Reflexio*, 10 (2), 126–141. (in Russ.)

Zlobina M. V. (2019) Vnutrenniaia struktura Novogo oprosnika tolerantnosti k neopredelennosti [The internal structure of the Tolerance – intolerance of ambiguity new questionnaire]. *Reflexio*, 12 (2), 126–141. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию
The article was submitted
13.06.2020

Сведения об авторах

Гоптарь Екатерина Михайловна – студент Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)
e.goptar@g.nsu.ru

Злобина Марина Владимировна – ассистент кафедры психологии личности Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия
m.zlobina@g.nsu.ru
AuthorID RSCI 959328

Information about the Authors

Ekaterina M. Goptar – student of the V. Zelman Institute for Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
e.goptar@g.nsu.ru

Marina V. Zlobina – assistant lecturer of the Section of Personality Psychology at the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
m.zlobina@g.nsu.ru
AuthorID RSCI 959328

УДК 159.9

О детерминизме в связи с математической психологией*

Н. И. Шишкин

В нашем Психологическом Обществе мы слышали очень много сообщений, касающихся разнообразных методов исследования психической жизни. Лишь один метод при этом остался совсем в стороне, и про него никто не обмолвился ни единым словом. Я говорю о математической психологии, основание которой было положено уже *семьдесят* лет тому назад.

Многие думают, что наиболее естественный, а некоторые полагают, что даже единственный способ построения математической психологии заключается в постепенном сведении вопросов психологических к вопросам биологическим; а эти последние, как и вопросы физические вообще, должны с этой точки зрения составлять лишь частный случай механики – науки математической. Но, с одной стороны, такая постановка вопроса уже содержит в себе предвзятое предположение, будто психические явления составляют частный случай явлений биологических, что еще нуждается в доказательстве; с другой стороны, такая постановка не верна, если мы сравним ее с теми способами, какими прикладывается математика к различным отделам физики. В самом деле, механическая сторона многих физических явлений далеко не выяснена удовлетворительно, а между тем применение математики привело и для них к чрезвычайно плодотворным результатам.

Экспериментальная психология сближается с математической иным путем, хотя и не ставит себе прямо такую задачу. Она доставляет весьма богатый числовой материал, из которого сами собою напрашиваются числовые законы и так называемые *эмпирические* формулы. В этом случае мы не только не встречаем никакой предвзятой мысли, но формулы своим составом позволяют выбирать любой из способов исследования: психологический или психофизиологический, смотря по тому, находим ли мы зависимость между такими элементами, которые выражают психические состояния, или обращаем внимание на зависимость между одним из них и теми постоянными величинами, которые даются каждым опытом и наблюдением и которые, несомненно, имеют физиологическое значение. Но эмпирические формулы в таких сложных явлениях, каковы душевные, требуют слишком многого, чтобы признать за ними всеобщность, потому что на них отражается не только индивидуальное разнообразие наблюдателей, но одним и тем же лицом

---

* Сообщение в Психологическом Обществе 23 февраля 1891 года. Печатается в значительно дополненном виде.

Шишкин Н. И. О детерминизме в связи с математической психологией // Вопросы философии и психологии. М., 1891. Год II, кн. 8. С. 110–128. Текст приведен в соответствии с современной орфографией и пунктуацией.

вносятся такие колебания, которые зависят от настроения данной минуты. Если мы возьмем, например, простейший и наиболее разработанный из числовых законов экспериментальной психологии, каковым надо считать закон Вебера, то увидим, что много трудов исключительно потрачено на одну его проверку, причем получаются самые противоположные результаты: то закон этот подтверждается, то опровергается, то высказывается требование его существенных изменений. Мне кажется, что было бы гораздо плодотворнее, если бы исследователи экспериментальной психологии принимали свои числовые законы, даже и не совсем проверенные, за гипотезы и, подвергая их различным математическим преобразованиям, добывали такие простые соотношения, реальность и всеобщность которых проверить было бы несравненно легче. Но если экспериментальная психология изберет этот путь, этим самым она в значительной своей части обратится в теоретическую математическую психологию, т. е. из индуктивной науки станет дедуктивной.

Из этого видно, что математическая психология требует для своего построения очень немногих простых, но по возможности всеобщих эмпирических истин или гипотез, которые затем уже должны расширяться при помощи математического анализа и, предваряя опыт, могут руководить экспериментальными исследованиями. Элементарное и притом всеобщее психическое явление, которое могло бы быть основанием математической психологии, было предложено Гербартом. Оно заключается в том так или иначе всеми признаваемом факте, что ощущения, представления и их более сложные комплексы – образы, – сталкиваясь в сознании между собою, как бы вступают в борьбу, которую, пожалуй, можно назвать борьбой за существование. Результатом этой борьбы бывает ослабление одних представлений, усиление других, исчезновение третьих и новое проявление таких, которые казались до этой поры исчезнувшими. Герbart выразил с помощью очень простых гипотез такое взаимодействие представлений уравнениями. Мы не будем теперь разбирать математической стороны его изысканий. Для нас достаточно привести мнение знаменитого математика Якоби, который по этому поводу выразился так: «Я прочел психологию Гербарта и могу заявить, что если основоположения, из которых выходит Герbart, справедливы, то каждая страница его труда имеет такое же достоинство, как и страница из натурфилософии Ньютона».

Однако, несмотря на такое высокое мнение, мы не можем не сознаться в неуспехе гербартовской психологии – в таком неуспехе, что становится понятным мнение Рибо, будто в настоящее время она представляет лишь исторический интерес. В самом деле, Дробиш, издавая свою «Математическую психологию» в 1850 году, жалуется, что в течение 25 лет со времени появления трудов Гербарта эта наука не сделала вперед ни шагу, а мы можем в свою очередь сказать, что со времени Дробиша и до наших дней опять не замечается в ней никакого развития. Скажем более: гербартианцы теперь прямо утверждают, что простые логические размышления, основанные на воззрениях Гербарта, дают ничуть не менее того, что и выведенные им математические формулы. Отчего же, спрашивается, получился такой результат? Нельзя не признать странным, что математическая психология, трактуя об ощущениях и представлениях, как о величинах, составляя между ними отношения и уравнения, для их измерения не дает никакого масштаба. Мало этого, ее защитники уверяют, что этого масштаба и быть не может. Если это так дейст-

вительно, то, конечно, как бы ни были остроумно составлены формулы и уравнения, они будут бесплодны. Их не только нельзя проверить на опыте, но и понять многие из них будет совершенно невозможно.

Но верно ли, что простейшие из психических явлений, каковы ощущения и представления, не имеют никакой меры?

Фехнер, основатель психофизики, был первым указавшим на возможность измерения психических фактов по крайней мере в сфере ощущений. Подобно тому, как измерение столь отвлеченного явления, как время, стало возможным, когда найдена была связь его с реальными движениями, например, с движением небесного свода, с переливанием жидкости или сыпучего тела, с колебанием маятника и т. д., так и для измерения ощущений надо найти зависимость их от каких-либо внешних, доступных прямому наблюдению и опыту явлений. Такими явлениями представляются раздражения, которыми ощущения вызваны. Если мы знаем связь зрения и света, слуха и звука и т. д., то мы можем напряжением света и звука измерять напряжение зрения и слуха. Таково мнение Фехнера, и он думает, что коль скоро указанная связь может быть выражена математически, весь вопрос будет лишь состоять в выборе условной единицы, которая могла бы вполне обеспечить готовый масштаб. Но, выходя из верных и точных наблюдений, Фехнер построил свою формулу, выражающую связь ощущений с раздражением, способом, заключающим в себе противоречие по существу, и этим самым привел своих последователей ко многим недоразумениям. Я уже говорил об этом в моей статье о «Психофизических явлениях с механической точки зрения»; теперь рассмотрю этот вопрос подробнее.

Изменяя несколько терминологию Фехнера, мы скажем, что вся его теория главным образом основывается на признании существования абсолютного и относительного порога.

Абсолютным порогом называется та величина раздражения, при которой ощущение впервые начинает замечаться. Для нас весьма важно показать, что каждый ряд ощущений имеет определенный порог, численное значение которого если и колеблется между известными пределами, то никак не более того, как колеблется всякая цифра, добываемая из опыта. Этого рода колебания происходят от тех случайных причин, которые, как например, утомление, привычка, воображение, при многочисленных опытах одного или нескольких лиц взаимно покрывают друг друга. Иногда высказываемое сомнение в существовании порога происходит не от этих колебаний, но оно есть следствие того общего факта, что цифра порога уменьшается с улучшением наших способов наблюдения, а это вызывает предположение, не может ли величина порога беспредельно уменьшаться и сделаться менее всякой данной величины. Однако ближайшее рассмотрение относящихся сюда явлений показывает, что это беспредельное уменьшение величины порога не доказуется из опыта и наблюдения. Если кто-нибудь простым глазом не может различать длины менее как в одну десятую часть линии, а потом в микроскоп, увеличивающий в 100 раз, увидит одну тысячную ее часть, то это вовсе не значит, что величина абсолютного порога стала для наблюдателя меньше; всё дело объясняется тем, что ощущение тысячной части линии помощью микроскопа стало совершенно тождественным с ощущением десятой ее части, видимой простым гла-

зом. Этот пример слишком прост и ясен, но можно указать явления настолько сложные, что в них уже гораздо труднее разобраться. Так, ощущения длины, составляющие столь важный сопровождающий признак для всех других внешних ощущений, приводят к весьма разнообразным численным значениям абсолютного порога. Какая тому причина? Ее следует искать в том факте, что ощущение длины включает в себе большое количество разнообразных других ощущений, иногда простых, а иногда очень сложных. Ощущение вертикальной длины совсем другое, нежели ощущение горизонтальной; цветная линия иначе воспринимается, нежели черная; линии, составляющие сторону квадрата или диаметр круга, дают также два совершенно различных ощущения. Кроме того, громадное значение для такого рода ощущений имеет тот фон, на котором они являются. Белое пятно на белом фоне еще замечается при угле зрения в 10°, между тем как черное пятно на белом фоне едва видно при угле в 20°. Понятно после этого, что если для каких-либо практических целей мы хотим сделать видимыми далекие сигналы и заменяем для этого одни знаки другими, мы вовсе не уменьшаем беспредельно порога ощущений, а заменяем одно ощущение с большим порогом другим, у которого порог меньше.

Едва ли надо распространяться, что и в других сферах чувств мы встречаемся с подобным разнообразием числовых значений абсолютного порога, которое тем не менее несколько не доказывает действительной его изменчивости. Мы не видим звезд при солнечном свете, замечаем из них только самые яркие при полной луне, а безоблачное небо темной южной ночи усыпано ими во всех своих частях. Подобным образом чувство тяжести воспринимается нами различно не только соответственно различию частей нашего тела, на которые эта тяжесть действует, но и вследствие различий формы тяжелого тела. То же самое ясно из опытов над чувством осязания, температуры, звука. И все-таки все исследования в этих областях показывают, что с отстранением случайных внутренних настроений наблюдателя, с возможным уменьшением влияния постоянно сопутствующих посторонних ощущений численное значение абсолютного порога стремится к одной определенной цифре.

Существование абсолютного порога можно считать установленным не только для ощущений количественных, но и для качественных, каковы, например, ощущения высоты тона. Доказано, что самый низкий тон, нами замечаемый, соответствует 30–32 колебаниям в секунду. Правда, Савар в ряде опытов старался показать существование особого тона при 14–16 колебаниях в секунду, но его опыты были встречены возражениями со стороны Депретца (Despretz), указавшего, что в данном случае получается лишь шум, происходящий от последовательно воспринимаемых ударов. Мы не можем привести подобной же определенной цифры в области цветового спектра, однако несомненно, что она существует, так как длина спектра при разных световых источниках и у различных наблюдателей колеблется в определенных пределах, и можно сказать, что самая вероятная цифра для цветового абсолютного порога, соответствующего крайнему красному концу спектра, есть 458 миллиардов колебаний в одну секунду.

Если раздражение постоянно увеличивается, то мы замечаем перемену в вызываемом им ощущении только тогда, когда приращение раздражения к прежнему

раздражению имеет одно и то же определенное отношение. Если перед нами 200 зажженных свечей, и мы прибавим еще одну, то не заметим от этого никакой разницы; напротив, прибавление двух свечей уже будет нами замечено. Если имеем свет от 500 свечей, то тогда мы заметим разницу в освещении, когда к ним будут прибавлены 5 свечей. Одним словом, только сотая часть уже существующего напряжения света, прибавленная к нему, дает заметить это прибавление. Число, показывающее это отношение, назовем *относительным порогом*.

Относительный порог для всякого ряда ощущений стремится к определенному числовому значению, если только мы примем во внимание обстоятельства, подобные тем, какие были указаны нами при рассмотрении абсолютного порога. Случайные влияния здесь так же, как и там, устраняются многочисленностью и разнообразием наблюдений. Усовершенствование способов наблюдения не ведет к изменчивости относительного порога, – оно или связывает факты, допускаемые умом, с фактами ощущаемыми, или заменяет ощущения с большим порогом другими, которые имеют порог меньший. Как пример первого случая можно привести очень простой прибор, употребляемый для измерения расширений металлических стержней от теплоты. Незаметные для глаза расширения стержня с помощью рычага передаются стрелке, движения которой уже видимы на глаз. Мы здесь очевидно не имеем права сказать, что относительный порог наших ощущений стал меньше. Удлинение стержня есть факт, допускаемый лишь умом, а для ощущения реальным фактом остается лишь движение стрелки, которое сохраняет неизменно свой относительный порог в нашем восприятии. Как на пример второго случая мы можем указать на следующий факт: желая сравнить ощущения, производимые двумя источниками света, мы сопоставляем между собою две поверхности, освещаемые ими, или две тени, которые получаются от какого-либо непрозрачного тела, задерживающего их лучи.

Но, кроме того, в определении числового значения относительного порога более, чем где-нибудь, важен еще один фактор, который всегда сопутствует ощущению и видоизменяет его качество. Этот фактор – внимание. Там, где внимание отсутствует или временно, как это бывает при утомлении, или постоянно, как у людей рассеянных и душевнобольных, там замечается увеличение относительного порога. Напротив, изошрение внимания, привычка сосредоточивать его на известных ощущениях значительно уменьшает этот порог.

Человек, привыкший к глазомеру, почувствует разницу в величине двух отдаленных предметов там, где обыкновенный наблюдатель сочтет их равными; чтобы обладать таким же искусством, неопытный наблюдатель должен упражняться, т. е. постоянно отвлекать свое внимание от других ощущений к одним и тем же; но это не значит, чтобы он получил таким образом способность изменять значение относительного порога, которое представляет в нашей природе величину постоянную, – он только приобретает навык быстро увеличивать внимание, которое является в нем величиною переменною.

Я должен указать еще на некоторые причины неправильности, получаемой для относительного порога, когда он определяется при раздражениях, близких к абсолютному порогу, или, наоборот, тогда, когда ощущения приближаются к своему высшему пределу, которого они только могут достигнуть. В первом случае изме-

рения самих раздражений делаются уже неточными по их малости, а во втором – раздражения становятся настолько напряженными, что оказывают видоизменяющее действие на наш орган восприятия и этим косвенно влияют на его отправления. Однако мы имеем полное право предположить и здесь неизменность относительного порога, раз он оказывается установленным для большого количества средних раздражений.

Существование относительного порога не только в количественных, но также и в качественных ощущениях может в некоторых случаях быть констатировано без особого труда. Сюда, например, принадлежат ощущения звука. При постоянном увеличении числа колебаний звукового инструмента мы все-таки различаем лишь некоторые тоны, находящиеся друг к другу в определенных отношениях. Вероятно, то же самое существует и в различии цветов; мне неизвестны определенные опыты в этом направлении, но тот факт, что при переходе от крайнего красного цвета до крайнего фиолетового мы не можем проследить непрерывного превращения одного цвета в другой, показывает, что и здесь следует предположить присутствие постоянного относительного порога.

Признав существование абсолютного и относительного порога, Фехнер на основании свойств, ими выражаемых, строит математическую формулу, но при этом заменяет *конечные* приращения раздражения и ощущения *бесконечно малыми величинами*, вследствие чего и получает известный закон, что ощущение возрастает, как логарифм раздражения. Эту замену конечных величин бесконечно малыми можно ли считать удачной? Мне кажется, что через нее Фехнер собственными руками разрушает важнейшие основания своей теории. И в самом деле, по формуле Фехнера, во-первых, выходит, что каждому раздражению соответствует свое особое ощущение, а это несомненно противоречит факту существования относительного порога; во-вторых, из нее оказывается, что при величине раздражения, равной абсолютному порогу, ощущение равно нулю, что опять-таки противоречит факту существования этого порога, и наконец, как верх всяких недоразумений, из этой формулы выходит, что при раздражениях ниже абсолютного порога ощущения становятся отрицательными, а при раздражении, равном нулю, ощущение делается отрицательно бесконечностью.

Однако существование абсолютного и относительного порога доказывает прежде всего, что ощущение есть величина, изменяющаяся *прерывно*. Скачками оно впервые проявляется и скачками возрастает. Эту прерывность, конечно, не следует понимать так, будто при ней ощущение то возникает, то исчезает, образуя пустые промежутки в сознании, – она обозначает только, что от одного скачка до другого, т. е. от одной ощущенной степени интенсивности или количественного различия до ближайшей к ней ощущение должно оставаться одним и тем же. Лишь отсутствие привычки обращаться с прерывными величинами заставило Фехнера, как и многих других, ввести искусственную непрерывность туда, где ее нет, и тем ограничить значение выведенной им формулы. Между тем в окружающей нас природе очень много величин, которые представляют между собою совокупность неделимых единиц, и измерение таких величин совершается по очень простому способу. Для них не выбирают какой-нибудь условной единицы, а просто считают те неделимые единицы, которые даны. Таким образом считают звезды на небе, жителей в городах,

органические клеточки в ткани, молекулы в клеточке и атомы в молекуле. Ясно, что и наши ощущения выражают совокупность неделимых элементарных ощущений, и счет им или, что одно и то же, счет тем скачкам, которыми одно из них переходит в другое, и составляет единственный способ их измерения. Подобно тому, как мы сравниваем население двух городов, деля число жителей одного из них на число жителей другого, так мы должны сравнивать и ощущения, производимые, положим, двумя линиями, или двумя тонами, разделяя одно число скачков на другое.

Нам остается только указать, каким образом следует вести счет скачков, – иными словами, заменить формулу Фехнера другой формулой, которая принимала бы в расчет существование абсолютного и относительного порога. Эту формулу легко построить, зная элементарную математику, потому что задача о счете скачков тождественна с определением числа членов геометрической прогрессии, первый член которой – абсолютный порог, последний – данное раздражение, а знаменатель прогрессии – относительный порог; при этом надо помнить, что число членов может быть только целое¹.

Но мы видели, что для правильной оценки ощущения необходимо иметь в виду и еще один фактор – внимание. Если мы смотрим, например, на изменение прямой линии с полным вниманием, то должны заметить все те элементы, которые составляют счет ощущения; но если мы мало внимательны, то сознаем только некоторые из этих изменений. Поэтому точная мера ощущения должна выражаться целым от произведения полного его счета на некоторую правильную дробь. Если ощущение линии при полном внимании выражается числом 10, то при внимании $= \frac{2}{3}$ ощущение будет равно 6.

Переходя от ощущений к представлениям, не трудно заметить, что представление есть лишь второй фазис существования ощущения, который наступает тогда, когда раздражение прекращается; поэтому представление есть, так сказать, след ощущения и должно состоять из тех же элементов, как и последнее. Мы вправе ожидать, что и оно изменяется скачками, подобно ощущению. И в самом деле, хотя в уме нашем и существует название для всех возможных величин длины, но мы не имеем непосредственного сознания разницы между представлениями, например, 1 сажени и 1 сажени с вершком. Вследствие этого мы часто пренебрегаем десятками и сотнями верст при представлении многих земных расстояний, – тысячами и миллионами, когда хотим себе представить расстояния между небесными телами. Все отдельные случаи подобного рода выражаются в так называемом округлении чисел, которое состоит в отбрасывании десятичных долей, единиц, сотен, миллионов – по мере увеличения самого числа.

¹ Если абсолютный порог – a , относительный – b , раздражение – r , то ощущение s будет измеряться:

$$s = E \frac{\log \frac{r}{a}}{\log \frac{b+1}{b}},$$

где E есть символ, показывающий, что s – непременно целое число.

Устанавливая точную меру тем величинам, которые под именем ощущений и представлений входили в уравнения математической психологии, мы придадим сразу этим темным символам реальное значение и этим открываем возможность ее сближения с экспериментальной психологией. Формулы Гербарта, Дробиша и Витштейна представляют богатый запас для экспериментов в психологических институтах и лабораториях. Я, конечно, не могу представить с своей стороны подобных опытов, но считаю возможным упомянуть об одном сближении, которое удалось мне сделать.

Две эмпирические формулы – Эббингауза и Вольфа – показывают, что отношение числа фактов, удерживаемых памятью, к числу фактов забытых – обратно пропорционально логарифму времени. И вот этот же самый закон вытекает из математической психологии, если только ее величинам придать то значение, о котором я говорил.

По теории Гербарта представление может быть ослаблено действием других представлений; большую роль у последователей его играет при этом процессе так называемое *общее чувство*, составленное из весьма малых, в отдельности незаметных ощущений, которые постоянно приносятся по всем нервам в поле сознания. Именно это общее чувство вызывает забвение воспринятых фактов, несмотря на полное внимание к ним, как это делается при опытах Эббингауза и Вольфа. Из теоретических формул Дробиша, введя туда наши условия, можно вывести, что вышеупомянутое отношение числа фактов, удержанных памятью, к числу фактов забытых будет обратно пропорционально постоянно нарастающему общему чувству. Между тем постоянно нарастающее общее чувство, как показывают психофизические опыты, есть мерило субъективного чувства времени. Но, с другой стороны, опыты Гласса, изложенные в журнале Вундта, показывают, что субъективное чувство времени есть логарифм объективного, – закон, по мнению Гласса, допускающий отступления не более тех, какие допускаются при экспериментальной проверке закона Мариотта. Следовательно, в этом случае формулы математической психологии в общем подтверждают и предугадывают выводы опыта.

Обратим теперь наше внимание на следующий вопрос. Если математическая психология возможна и если ее формулы и уравнения истинны, не выходит ли отсюда, что психические явления обладают такой же несомненною определенностью, какая, например, наблюдается в явлениях астрономических? Не выйдет ли тогда, что во всяком частном случае при полноте данных мы должны иметь возможность предсказать с совершенной точностью и ход мысли, и ход фантазии, а пожалуй, и ряд поступков, как предсказываем наступление затмения, путь кометы и т. д.?

При детерминистических выводах физиологической или какой-либо другой психологии мыслимо все-таки сомнение в возможности точного исполнения предсказания, но математический вывод непреложен. Многие известные математики, о которых я упоминал в своем недавнем сообщении, чувствуя, с одной стороны, возможность математической психологии, а с другой – не желая уничтожить веру в свободу человеческой воли, хотели заранее предупредить решение в пользу индетерминизма. Они искали в самой математике чего-нибудь, что хотя бы в некоторых отдельных случаях допускало неопределенность решения, несмотря

на полноту данных; а так как при этом они, подобно психофизиологам, скрытно допускали надежду на сведение психических явлений к механическим, то и понятно, что они старались усмотреть то, что Буссинеск назвал *бифуркацией* в вопросах механических.

Мне представляется, однако, что нет никакой необходимости искать так далеко доказательств той истины, что математическая психология, несмотря на свою строгость и точность, не в состоянии отрицать свободу в психической деятельности. Доказательство тому лежит в самом характере величин, входящих в математическую психологию, на который мы сейчас указали, – в их изменчивости *скачками*. Дело в том, что с такого рода прерывными величинами находятся в связи другие величины, указанные впервые, насколько мне известно, членом нашего общества Н. В. Бугаевым и названные им *междупредельными* или *произвольными*. Постараюсь дать о них понятие как можно популярнее.

Если две величины изменяются непрерывно и притом в зависимости одна от другой, то каждому значению одной из них будет соответствовать одно определенное значение другой. В таком соотношении, например, находятся время и высота падающего тела. Поэтому мы всегда можем предсказать в любое время, на какой высоте будет падающее тело. Но представим себе, что из двух величин, связанных между собою, одна изменяется непрерывно, а другая скачками, так что, когда первая получает все возможные значения от 0 до 10 , другая постоянно будет 0 , а в то время, когда первая изменяется от 10 до 20 , вторая будет 1 и т. д. Тогда в их взаимном определении будет наблюдаться существенная разница. Очевидно, что при всяком определенном значении первой величины будет получаться определенное значение второй. Если первая, например, равна 15 , мы не колеблясь скажем, что вторая будет равна 1 ; но, рассуждая наоборот, мы уже не будем иметь определенности, потому что каждому значению второй величины будет соответствовать целый ряд значений между известными пределами. Величине 1 будет соответствовать любая величина от 10 до 20 . При зависимости величин такого рода не может быть и речи о точном предсказании одних величин по другим. Может случиться, наконец, что обе зависимые друг от друга величины изменяются скачками, и притом периоды скачков, если можно так выразиться, будут неодинаковы. Вопрос тогда будет очень сложен. Иногда то первая, то вторая величина должна получать произвольное значение; иногда пределы, между которыми эта произвольность имеет место, должны расширяться, или суживаться, или на время исчезать совсем, так что между величинами может тогда установиться совершенно определенное соотношение.

Все, что мы сказали, можно выразить ближе к общеупотребительным терминам в математике, так: функции величин, изменяющихся указанными нами скачками, суть функции междупредельные. Применим это замечание к формулам математической психологии. Мы видели, что ощущения и представления суть величины прерывные, изменяющиеся скачками; поэтому в их соотношениях с величинами непрерывными, каковы внешние раздражения, а также и в их взаимных соотношениях, мы вправе ожидать упомянутой произвольности. Действительно, рассматривая сначала связь ощущений с раздражениями, мы замечаем, что первые изменяются прерывно, а вторые – непрерывно. И вот на основании вышеприве-

денных соображений легко видеть, что когда приходится определять ощущения по раздражениям, мы всегда получим несомненное решение; напротив, решение будет всегда междупредельное, если придется определять раздражение по ощущению. Но определение раздражения по ощущению есть то, что и в обыденной жизни, и в науке мы называем наблюдением и опытом. Систематическое распределение наблюдений и опытов приводит к построению обыкновенного мира; следовательно, построение объективного мира по наблюдению и опыту всегда произвольно в известных пределах.

Если бы наши практические весы достигли идеального совершенства и мы могли без погрешности показать, что вес химически сложного тела равен весу тел, его составляющих, то этим самым был бы констатирован лишь факт равенства ощущений, из которого однако, в силу высказанных замечаний, еще не следует полное равенство раздражений. А если это верно, то вместо закона, что материя всегда сохраняется, опыт и наблюдение дают в сущности другой закон, что материя или сохраняется, или увеличивается и уменьшается лишь в незаметных пределах. И это не потому, что наши способы и орудия взвешивания несовершенны, но прежде всего потому, что наши ощущения возрастают скачками. Точно так же тщетны будут всегда усилия дополнить теоретическую геометрию геометрией эмпирической, чтобы доказать, например, что сумма углов треугольника равна двум прямым. И если признание закона сохранения материи и этой теоремы вполне достаточно для практических целей, то, напротив, сомнение в их безусловной достоверности открывает творческой мысли широкое поле для построения разнообразных, но тем не менее равноценных гипотез. Мы не знаем, какой переворот в физических идеях произошел бы от нарушения закона сохранения материи в приписываемом ему абсолютном значении; на подобные гипотезы физики не наталкивались; но тот, кто знаком с высшей геометрией, знает, что сомнение в упомянутой теореме о равенстве суммы углов треугольника двум прямым ведет к сомнению в бесконечности пространства.

Перейдем теперь от познавательной способности к общей психической деятельности, обнимающей развитие наших представлений. Представления, взаимно действуя друг на друга, приходят наконец в то состояние, которое Герbart характеризует названием равновесия. Ясно, что если одни из ассоциированных таким образом представлений изменяются, то и другие будут изменяться в зависимости от первых. Получится явление, которое вообще называется *воспроизведением* и которое служит основой для мышления и творчества. Какой внутренний характер должен отличать это явление?

В математической психологии Дробиша путь, который принимает воспроизведение представлений, весьма удобно изображается определенной кривой линией, что и должно быть при той непрерывности и однозначности, которыми отличаются элементы, входящие в формулу, выражающую этот путь. Но раз мы принуждены заменить эти элементы другими – прерывными и междупредельными, то мы, в силу общего правила о взаимной зависимости таковых величин, увидим, что воспроизведение может осуществиться по одному из многих путей, равно удовлетворяющих вопросу. Пути эти будут изображаться любой кривой, начертанной в определенном куске площади. Пределы, ограничивающие этот кусок и обуславливающие собою

некоторую свободу в мышлении и творчестве, могут быть более или менее широкими, смотря по тому, будут ли представления, начавшие воспроизводиться первыми, быстрее или медленнее изменяться сравнительно с другими, от них зависимыми. Возьмем, например, отношение между образами и их названиями. Если перед нами какая-нибудь местность, то словесное описание ее будет более или менее предопределено заранее; но если нам дано лишь словесное описание этой местности, то воспроизведение ее в образах фантазии допускает бесконечный произвол.

Мы могли бы теперь идти еще дальше и распространить высказанные нами соображения на психические явления высшего порядка – на чувства, страсти, аффекты, на эстетические и этические движения души и т. д. Герbart и его школа смотрят на эти высшие явления психической жизни не как на самостоятельные, но выводят их из видоизменения и осложнения представлений, так что с этой точки зрения каждый сложный психический акт должен разложиться на представления, подобно тому, как химически сложное тело разлагается на простые элементы. Если такую гипотезу принять за верную, то очевидно, что те же соотношения, произвольные и непроизвольные, которые существуют между отдельными представлениями, неизбежно распространяются и на высшие психические акты. Но если последние имеют самостоятельную природу, то опыту предстоит задача определить, не совершается ли и их изменимость такими же скачками, какие замечаются в изменимости ощущений и представлений? Мне кажется, что внутренний опыт отчасти подтверждает это предположение; однако в области экспериментальной психологии мы не находим еще достаточно данных, на которых могли бы обосновать такие заключения, а потому и должны отложить их до более счастливого времени.

Сказанного, мне кажется, достаточно, чтобы видеть, что математическая психология не только возможна, но что она способна дать много нового, чего нельзя усмотреть ни с помощью метафизического, ни с помощью экспериментального исследования психических явлений. Но вместе с этим она по существу своей задачи тесно связана с обеими этими методами. От экспериментальной психологии она должна брать свои основания и в ней искать проверки. С метафизическим пониманием духовной жизни она естественно сближается тем обстоятельством, что она может быть только индетерминистической наукой. Она едва ли обойдется без понятия о некоторой особенной силе, производящей такие явления, которые никоим образом не могут быть предсказаны вперед. Силу эту вместе с Буссинеском можно назвать ультрафизической, потому что по коренным своим признакам она не допускает объяснения из причин механических; вместе с Л. М. Лопатиным ей можно приписать характер творческий, потому что она по собственному почину созидает следствия как в области познания, так и в области мысли, фантазии и воли, которые не были предопределены в своем данном содержании предшествующим опытом; но, конечно, всестороннее рассмотрение природы этой силы уже выходит из сферы математических исследований.

УДК 316.3

DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-86-91

«Открытое общество» против «полной правды»

Р. В. Шамолин

*Новосибирский открытый университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Сознание людей, считающих себя цивилизованными, до сих пор ориентировано на некоторые ценности, которые по умолчанию считаются универсальными и эволюционно необходимыми. Это ценности открытого общества, выраженные некогда философом неопозитивистом Карлом Поппером. Наша статья содержит краткий экскурс в историю их утверждения, но приводит к мысли о том, что на текущий момент мы становимся свидетелями их самоотрицания. История не закончилась и перед нами вопрос, что делать: давить на тревожную кнопку или открывать шампанское?

Ключевые слова

открытое общество, полная правда, ценности, конец истории

Для цитирования

Шамолин Р. В. «Открытое общество» против «полной правды» // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 86–91. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-86-91

“Open Society” versus “Complete Truth”

R. V. Shamolin

*Novosibirsk Open University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The consciousness of people who consider themselves civilized is still focused on some values, which are considered universal and evolutionarily necessary by default. These are the values of the “Open Society”, once expressed by the neo-positivist philosopher Karl Popper. Our article contains a short excursion into the history of their establishment, but it leads to the idea that we are witnessing their self-denial at the current moment. The history has not ended and we are faced with the question – what to do: press the panic button or open the champagne?

Keywords

open society, complete truth, values, end of history

For citation

Shamolin, R. V. (2020). “Open Society” versus “Complete Truth”. *Reflexio*, 13 (1), 86–91. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-86-91

© Р. В. Шамолин, 2020

Двадцать лет назад всем было очевидно, что ценности либерализма и свободного рынка, отрефлексированные в брендовый проект открытого общества, безусловно торжествуют на историческом горизонте. Более того, этому проекту не видно было сколько-нибудь существенных альтернатив, что сравнимо с тем, как сорок лет назад жители Советского Союза совершенно не представляли, как может быть что-то еще иное, чем неизбежное и победное утверждение развитого социализма, переходящего где-то вдали в миллениум коммунизма.

Само понятие открытого общества родилось на свет в 1945 году, когда австрийско-британский философ Карл Поппер написал свой бестселлер «Открытое общество и его враги». Врагами «открытости» им объявляются любые тоталитарные системы – как в философии (Платон, Гегель, Маркс), так и в политике (германский и итальянский фашизм, советский коммунизм). Всякая система, претендующая на знание «полной правды» и принуждающая, словом или действием, каждую человеческую личность этой «правде» служить, по определению должна считаться антигуманной. Власть закона, охраняющая права человека (и свободный рынок), – на этом Карл Поппер предлагает строить новый мир, мир без «полной правды», без поработощающих разум и волю «метарассказов». Причем, отмечает автор, власть закона, правовая система склонных к открытости обществ развивается «...в связи с развитием промышленности, свободного рынка и всех предлагаемых им альтернатив». Права человека исходят здесь не из отвлеченных, трансцендентных начал, а из практик регуляции производственных отношений и товарообмена.

Собственно, здесь не было высказано нечто принципиально новое: в свое время Иммануил Кант оставил нам трактат о «всемирно-гражданском» плане истории. В основе лежат те же две вещи – право и рынок. Моральный «категорический императив» обеспечивает права всем и каждому: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла сделаться всеобщим законом». С другой стороны, то, что И. Кант именует «духом торговли, несовместимым с войной», обеспечивает народам открытые границы, а людям – процветающую и долгую жизнь. Сам Карл Поппер неоднократно указывал на свою интеллектуальную близость и к другим кантовским постулатам.

Однако главная притягательность проекта открытого общества заключена все же не в праве и не в свободном рынке. Она связана с тем, что человека больше не обременяли пафосом «полной правды», идеями бессмертия или великой нации и не требовали служения священному долгу. Человека предоставляли его собственной свободе, его собственному выбору того мира, в котором он хотел бы жить. После полувека тотальных войн за интересы государств, партий, корпораций – что могло быть желаннее? Эйфория *self-identity* и *self-made*. Такую эйфорию может хорошо вспомнить и бывший советский человек, когда в конце 80-х годов прошлого века за ним прекратило пристальную слежку око Большого Брата. Тогда впервые за столько десятилетий он вышел из пределов запланированной судьбы; он остро почувствовал и пьянящую невесомость, и перспективы еще неведомых возможностей.

Метод мышления и восприятия, соответствующий проекту открытого общества, был представлен автором как «критический рационализм». Да, сам проект

обещает небывалое освобождение человеческой природы, но метод, на котором он работает, требует также и небывалой осознанности. Ведущее положение его гласит: всякое знание испытывай на фальсификацию, не доверяй никакой предопределенности и никакой истине, претендующей на безупречность: всё, с чем встречаешься, ставь на проверку своей интеллектуальной интуиции, своему опыту и критической способности своих суждений. Но не доверяй безоговорочно и средствам проверки. Интуиция: сегодня она очень убедительна, а уже завтра мы вдруг можем понять, что ошиблись. Опирайтесь на интуицию, конечно же, стоит, но делать это К. Поппер рекомендует «в пробном порядке», проведя ее через ошибки и испытания нашего воображения, через проверки, через опыт явных ее провалов. Иначе – и тому есть множество примеров – она легко делается источником самого безапелляционного фанатизма.

Однако и наш опыт, в ходе которого вещи, казалось бы, познаются нами с максимальной достоверностью, не есть высший и последний критерий. Получаемый из жизненных практик, из экспериментов и прямых свидетельств, опыт тем не менее не содержит в себе неких «чистых данных», не отражает явления так, как они есть «сами по себе». В нем всегда присутствует искажающий элемент – сам субъект опыта, человек, восприятие которого далеко не *tabula rasa*, а составляется из множества предпочтений, догадок, ожиданий, гипотез. По К. Попперу, с опытом связаны «принятые нами традиционные научные и ненаучные знания и предрасудки». В итоге такого фактора, как чистый, свободный от предвзятостей опыт, в человеческой природе не существует. Тот, кто слишком привык полагаться на авторитет опыта, на деле полагается на авторитет собственных установок.

Что касается критических способностей нашего сознания, по умолчанию являющихся неким естественным противоядием всякой «полной правде» и «священному долгу», то и на них Карл Поппер тоже не советует делать последнюю ставку. Признав, что истина в конечной форме недоступна познанию, и убедившись в изменчивом характере всего, что люди когда-то принимали за прочное основание для своей картины мира, человек может весьма легко перейти к обесмысливанию мира. Возникает соблазн «неопровержимого» релятивистского монизма, представления о тотальной относительности всех идей и ценностей в стиле гегелевской формулы: что действительно, то и разумно. С познания снимается потребность в верификации, а с человека – потребность в разграничении высокого и низкого, допустимого и неприемлемого. Практикуя критическое мышление по такому крайнему формату, мы приходим в итоге к тому, от чего критичность должна была нас предохранить: обесмысленный мир становится единственной и неоспоримой «полной правдой» человеческого существования.

Как видно, все эти искушения весьма серьезны и столкновение с ними ведет к изоляции сознания, к законсервированной картине мира – к закрытию того, что предполагается держать максимально открытым. И практически каждый человек может отдать себе отчет в том, что так или иначе на эти искушения поддается. Но Карл Поппер, продвигая проект открытого общества, делает ставку на то, что для человеческой природы всё же свойственна неистребимая воля к обучению и переобучению, к исследованию и преодолению известных границ познанного. Это, по мнению автора, обнадеживает в отношении перспектив проекта. Базовое основа-

ние для открытого общества состоит в наличии самого процесса по раскрытию потенций человека. И в первую очередь важно поддерживать процесс, а не отдельно взятые, пусть даже и великие достижения, принимая их за некий триумфальный эволюционный итог.

«Конечно, следует искать абсолютно справедливые или абсолютно верные предложения-проекты, но никогда не следует убеждать себя, что нам действительно удалось обнаружить их. Очевидно, что критерий абсолютной справедливости невозможен еще в большей степени, чем критерий абсолютной истины» [Поппер, 1992. С. 318].

* * *

В пространстве послевоенной интеллектуальной рефлексии работа Карла Поппера сделалась своего рода указателем в сторону максимально положительного сценария человеческой истории. Не менее, а возможно, и более важную роль сыграли и другие указатели, показавшие возможность сценария по максимуму негативному, зловещему формату. Это знаменитые антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» (издана в 1949 г.) и Рея Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» (издана в 1953 г.) Перспектива нарисовалась вполне отчетливая: или люди выходят из режима служения «полной правде» и начинают обучаться сосуществовать со всеми своими оппозициями, или их ожидает встреча с Большим Братом, этим собирательным образом человеческих амбиций доходить в своей «правде» до конца.

И европейская цивилизация, только что на себе ощутив круги ада Второй мировой войны и ужаснувшись после открывшейся завесы над нацистскими концлагерями и сталинскими ГУЛАГами, проект открытого общества приняла с благодарностью. Так же, как и Америка, где гражданские свободы, права, критическое мышление и всеобщая воля к предпринимательству изначально, со времен «отцов-основателей», легли в основу мировоззрения, в основу общественных и индивидуальных практик жизни. Оставался лишь один значительный субъект на мировой исторической арене – Советский Союз, в котором еще доминировал культ «последней правды» и где государственно-идеологический левиафан абсолютно торжествовал и над личностью, и над экономикой. Но постепенно и в этом оплоте «закрытого мира» давал трещины его железный занавес. И под влиянием магнетической «гибкой силы» из лагеря открытого общества, и по всем фронтам проигрывая этому лагерю экономическую конкуренцию, и под воздействием эффектов хрущевской «оттепели» и горбачевской «перестройки» Советский Союз превратился в исторический оксюморон и ушел в прошлое. Страны Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Индия, Китай тоже начинают поворачиваться в направлении «мира без границ». Проект открытого общества великолепно справлялся со своими врагами.

Философско-рефлексивным апофеозом победного шествия открытого общества, бестселлером и своего рода библией стало вышедшее в свет в 1989 году эссе американского профессора Френсиса Фукуямы «Конец истории», а затем изданная в 1992 году его же монография «Последний человек, или Конец истории». Генеральный message обоих текстов: *история закончилась*, а основания этому в том, что ценности права и рынка, выраженные в политическом синониме открытого

общества, в идее *либеральной демократии*, вытеснили со сцены всех своих эксцентричных оппонентов настолько далеко, что серьезного исторического и культурного противостояния более не случится. Характерно, что еще за десятилетия до появления «Конца истории» его предуведомляют и другие популярные интеллектуальные дискурсы, в особенности те, где единый концепт либерально-рыночного человечества вызывает нескрываемое отвращение. В высшей степени этим отличается французская философская мысль, разогретая антибуржуазной «Парижской весной» 1968 года. Леворадикальный Ги Дебор говорит о торжестве «общества спектакля» и конформном, деклассированном индивиде, который всецело вовлечен в механизмы товарного производства и потребления. Культуролог Ролан Барт в своих «Мифологиях» пишет о тотальном господстве стандартов мышления путем бесчисленного числа повторений внедряемых в головы людей властью рыночных и политических корпораций. Теоретик постмодернизма Жан Бодрийяр характеризует либерально-рыночный мир как вездесущее «общество потребления», которое успешно ставит себе на вооружение даже такие, казалось бы, по определению независимые свойства человеческого ума, как фантазия и воображение, и которое обрело статус настоль незыблемого «гиперреализма», что альтернатива уже вряд ли возможна.

Таким образом, даже критики открытого общества видят в нем прискорбный, но неизбежный финал истории человеческого мира. На некоторых сознание этой неизбежности действует так угнетающе, что они предпочитают просто свести счеты с жизнью, как застрелившийся в 1994 году Ги Дебор. Что касается самого Френсиса Фукуямы, то ему тоже не свойственен большой восторг от открывшейся перспективы: история закончилась на нашем времени и это значит, что для нас более никаких существенных перемен не будет. Да, впереди еще предполагаются многочисленные поправки, апгрейды, модернизации, но всё это в пределах уже имеющегося положения вещей, в рамках уже свершившегося и единственно настоящего актуального проекта, имя которому – открытое общество (по К. Попперу) или же *либеральная демократия* (по Ф. Фукуяме). Данный проект еще и потому представляется конечным итогом исторической эволюции (как понимает это автор «Конца истории»), что не несет в себе неразрешимых противоречий и предоставляет человеку максимальную свободу реализовать себя. Но вот вопрос: насколько вообще уместно говорить о свободе при безусловном историческом и культурном предопределении? Где место свободе, когда стратегически уже известен «конечный итог»?

По самому факту появления идеи «конца истории» очевидно, что в самой полной мере реализовались те искушения, о которых так основательно предупреждал автор идеи открытого общества, Карл Поппер. Процесс раскрытия человеческих потенциалов, обещающий не знать границ, наткнулся на закрытую дверь в виде глубокой удовлетворенности от достигнутого на определенной точке состояния. Творческий интуитивизм трансформировался в неподвластный сомнениям суверенитет; практики опыта стали практиками реализации известных и проработанных авторитетных установок; критическое мышление сделалось популистским постмодернизмом, смешивающим всё со всем и предпочитающим один критерий оценки – критерий рейтинга. Эти превращения можно сравнить с теми, что проис-

ходят в известной сказке про Золушку: карета становится тыквой, породистые лошади – мышами, а стильные возничие – ящерицами.

Впрочем, всем нам предстоит выяснить, так ли необратимы превращения. Возможно, человечество снова предпочтет «процесс» «конечному итогу». И возможно, «процесс» пойдет уже совсем в ином направлении.

Список литературы

Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.

References

Popper K. (1992). *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Moscow. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
The article was submitted
14.07.2020*

Сведения об авторе

Шамолин Роман Валентинович – кандидат философских наук, антрополог, ректор Новосибирского открытого университета (Новосибирск, Россия)
shaman-rom@yandex.ru

Information about the Author

Roman V. Shamolin – PhD, anthropologist, Rector of Novosibirsk Open University (Novosibirsk, Russian Federation)
shaman-rom@yandex.ru

Нейроразнообразие как парадигма и как контркультура

Н. С. Первушин

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Сегодня набирают популярность идеи нейроразнообразия, которые можно рассматривать на разных уровнях анализа. Во-первых, это исходная идея о том, что особенности устройства мозга индивида влияют на особенности его мышления и поведения.

Во-вторых, это парадигма нейроразнообразия, сторонники которой считают, что многие психиатрические диагнозы социально сконструированы. При этом нейроотличный мозг рассматривается не как патология, а как особенность, которая вызывает проблемы только из-за жестокости и неприспособности мира нейротипичных. Особенно широко эта парадигма принимается лицами с РАС. Исследователи отмечают логические противоречия в парадигме. Она представляет собой социокультурный конструкт, востребованный современным обществом и массовой культурой. Движения против угнетения распространяются на все более широкие контексты. Медийный образ лиц с РАС связан с востребованностью черт индивидуализма, специфичности, отличности и внесистемности в современном обществе. Вследствие этого медиа создают романтизированный образ аутиста, что приводит к популярности парадигмы нейроразнообразия.

Наконец, активные сторонники парадигмы нейроразнообразия – это особая культура, которая имеет особый язык, символику, идентичность, ценности, коммуникативные предпочтения и пр. Анализируя черты и проявления этого объединения, автор приходит к выводу, что культура нейроразнообразия противостоит доминирующей. Наблюдается парадокс: парадигма нейроразнообразия скорее созвучна трендам современности, а культура нейроразнообразия выступает как контркультура.

Ключевые слова

аутизм, нейроразнообразие, нейротипичность, аутистическая культура, антипсихиатрия, контркультура, индивидуализация, идентичность, эйблизм, постмодернизм

Источник финансирования

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00925)

Для цитирования

Первушин Н. С. Нейроразнообразие как парадигма и как контркультура // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 92–104. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-92-104

Neurodiversity as a Paradigm and as a Counterculture

N. S. Pervushin

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The ideas of neurodiversity are more and more popular today and could be considered at different levels of analysis. At first, neurodiversity is the original idea that the characteristics of an individual's brain structure affect the features of his way of thinking and behavior.

Secondly, it is the neurodiversity paradigm. Its proponents believe that many psychiatric diagnoses are socially constructed. The neurodifferent brain is considered not as a pathology, but as a feature that causes problems only because of the cruelty and inappropriateness of the world of neurotypical. The paradigm is especially widely used by individuals with ASD. Researchers note logical contradictions in the paradigm. It is a socio-cultural construct which is demanded by modern society and mass culture. Different movements against oppression are spreading to ever wider contexts. The media image of individuals with ASD is associated with the demand for traits of individualism, specificity, distinction and non-systemic in modern society. Consequently, the media create a romanticized image of the autistic, which leads to the popularity of the paradigm of neurodiversity.

Finally, active supporters of the neurodiversity paradigm are representatives of a specific culture that has a special language, symbols, identity, values, communicative preferences, etc. Analyzing features and manifestations of this community, author comes to the conclusion that the culture of neurodiversity is opposed to the dominant one. There is a paradox: the paradigm of neurodiversity is in line with trends of modernity, while the neurodiversity culture acts as a counterculture.

Keywords

autism, neurodiversity, neurotypicality, autistic culture, antipsychiatry, counterculture, individualization, identity, ableism, postmodernism

Funding

The research was supported by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR), the scientific project no. 18-013-00925

For citation

Pervushin, N. S. (2020). Neurodiversity as a Paradigm and as a Counterculture. *Reflexio*, 13 (1), 92–104. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-92-104

С конца 1990-х возникает, трансформируется, приобретает популярность и вызывает широкое общественное обсуждение идея нейроразнообразия. Нейроразнообразие подразумевает, что различия в устройстве мозга означают различия в мировосприятии, мышлении, поведении и пр. [Armstrong, 2011; Walker, 2014]. Этот тезис не вызывает значительных споров (при отсутствии жесткой редукции мыслей и действий к особенностям строения мозга того или иного индивида), но значительно трансформирован в парадигме нейроразнообразия [Walker, 2014]. Первые теоретики парадигмы – Дж. Сингер [Singer, 1999] и Х. Блум [Blume, 1997]. Ее сторонники считают, что то, что в современной психиатрии принято считать патологиями, требующими особого лечения и ухода, является лишь социальным конструктом, а не чем-то существующим объективно вне зависимости от точки зрения медицинского сообщества (и шире – доминирующей культуры, влияющей на интерпретацию того или иного явления или состояния) [Ортега, 2020]. Аутизм рассматривается не как болезнь, а как особенность, которую не нужно корректировать. Инвалидность существует не в медицинском, а в социальном смысле: человеку с нейроотличным мозгом трудно жить в нейротипичном мире, который не учитывает потребности нейроотличных людей [Ортега, 2020].

При этом аутистические черты рассматриваются как ценность и возможность смотреть на мир и взаимодействовать с ним иначе, что в конечном счете полезно и для нейротипичных людей. Ученый и просветитель Т. Грандин считает, что наличие у нее аутизма обусловило ее способности и успех в реформировании системы скотобоев в США [Grandin, 1996]. По ее мнению, именно высокофункциональные аутисты двигают мировую историю; именно они меняют мир, благодаря своему особому взгляду на мир и образу мысли: «В идеальном мире наука должна найти метод предотвращения наиболее тяжелых форм аутизма, но позволить

существовать более мягким его формам. В конце концов, по-настоящему социальный человек не изобрел бы первый каменный наконечник копья. Возможно, его изобрел "аспи", который откалывал кусочки от камней, в то время как другие люди активно общались вокруг костра своей стоянки. Без черт аутизма мы, возможно, всё еще жили бы в пещерах» [Grandin, 1996]. Хотя Т. Грандин и видит в аутистических особенностях такую важную для общества роль, ее отношение к низкофункциональным аутистам как к лицам, которые не в состоянии вести самостоятельную жизнь без поддержки со стороны, подвергается критике со стороны наиболее радикальных сторонников нейроразнообразия, поскольку ценность представляет сам по себе аутизм, его отличность от «стандарта», а не его полезность с точки зрения истории человечества или нейротипичного мира ¹.

Хотя очевидна неоднозначность данной парадигмы (выше мы указали и на неоднородность позиций внутри нее), она набирает популярность и начинает внедряться в официальную повестку многих западных стран. Д. Митчелл отмечает, что если еще 10 лет назад сторонники этой парадигмы представляли собой какой-то периферийный, локальный культ, то сейчас их голоса слышны и имеют влияние [Mitchell, 2019]. Например, в США «Акт о борьбе с аутизмом» был переименован в «Акт заботы об аутизме»; создан межведомственный координационный комитет по аутизму, состоящий исключительно из сторонников парадигмы нейроразнообразия (преимущественно самих аутистов); активно критикуется организация Autism Speaks, занимающаяся разработкой «лекарства от аутизма» и транслирующая парадигму патологии [Mitchell, 2019]. Autism Speaks сравнивается с ку-клукс-кланом; критикуются генетические и медицинские исследования, посвященные тематике РАС (вместо них предлагается исследовать качество жизни лиц с РАС) [Там же]. В итоге организация назначила в совет директоров представителей парадигм нейроразнообразия и больше не говорит о «лечении аутизма» [Mitchell, 2019; Silberman, 2015].

Такие решения формально выглядят гуманизацией отношения к лицам с РАС, однако на практике могут приводить к серьезным последствиям. Так, например, сторонники парадигмы нейроразнообразия крайне негативно оценивают АВА-терапию, что может приводить к проблемам родителей детей с РАС, связанным с трудностями получения государственных субсидий и страховых выплат на эту дорогую услугу (если АВА-терапия вредна для личности и идентичности аутиста, то почему на это нужно выделять финансирование) [Ортега, 2020; Dawson, 2004]?

Рассмотрим далее парадигму нейроразнообразия в ее связи с современными социальными теориями и трендами, а также проанализируем элементы и дискурс культуры сторонников парадигмы.

Парадигма нейроразнообразия: идейные истоки, логика и параллели

Идеи парадигмы нейроразнообразия близки к основам движения антипсихиатрии, которое рассматривает существующую психиатрию как форму насилия (Р. Лэйнг, М. Фуко, Д. Купер, И. Гофман и пр.). Лэйнг рассматривал поведение

---

¹ Brown L. (2013) Critiquing Temple Grandin. Autistic Hoya. URL: www.autistichoya.com/2013/08/critiquing-temple-grandin.html (Accessed: 29.09.2020).

пациентов не как симптомы объективно существующего заболевания, а как выражение личной свободы и отражение внутреннего мира или переживаемого опыта [Laing, 1998]. Шизофрению он считал лингвистическим конструктом, создающим предпосылки для насильственных отношений между психиатрами и пациентами [Там же]. Купер – автор термина «антипсихиатрия». Его идеи даже более радикальны, чем у Лэйнга: клиническая психиатрия отображает механизм насилия буржуазного общества, который приводит при помощи диагнозов и лечения к конформизму, подчинению и превращению человека в послушного робота [Власова, 2014].

По мнению Гофмана, психиатрические больницы – тотальные институты, которые рассматривают своих пациентов как аномалию, не соответствующую общепринятым нормативным ожиданиям в отношении мышления и поведения [Гофман, 2019]. «Я» пациентов оказывается стигматизированным; человека принудительно изолируют от общества и рассматривают как опасного для «нормального общества» [Гофман, 2019]. Стигма оказывает разрушительное воздействие на «Я» пациента, заставляет принимать на себя роль психически больного и дает право представителям тотального института «исправлять» пациентов [Гофман, 2001]. Вместо того чтобы помогать человеку (как, например, травмированному), его стигматизируют и изолируют [Там же]. Сторонник парадигмы нейроразнообразия, Дж. Синклер, указывает на бессмысленность и вредность попыток лечить аутизм, который, по его мнению, является важнейшей чертой личности и идентичности аутиста: «Отделить аутизм от личности невозможно. Когда вы печалитесь о нашей судьбе, когда вы молитесь о нашем излечении, мы осознаем: ваше самое большое желание, чтобы в один прекрасный день нас не стало, и вместо нас возникли другие люди с теми же лицами, которых вы могли бы полюбить» [Sinclair, 1993]. В фильме «Пролетая над гнездом кукушки» показано, что тотальному институту в принципе не важно, становится ли человеку лучше от больничных мероприятий: ритуалы лечения и практики насилия существуют, потому что присутствует стигматизация и четкое распределение ролей между персоналом и пациентами. Главный герой МакМёрфи вовсе не нуждается в лечении, но раз он попал в стены больницы, то стигма уже с ним; быть бунтарем и свободным человеком в стенах психиатрического учреждения невозможно. Гофман призывал отменить недобровольную психиатрическую госпитализацию.

Фуко рассматривал динамику отношения к феномену безумия и его интерпретации от средневековых «кораблей дураков» до современных психиатрических клиник [Фуко, 1997]. Постструктуралист приходит к выводу, что безумие – всего лишь социальная условность и не существует адекватного определения границ болезни и ее отсутствия, следствием чего является бессмысленность современных ему принудительных психиатрических учреждений [Фуко, 1997]. Эта социальная сконструированность нормального и безумного, стигматизация аутистов, непризнание их особенностей как особенностей, а не как проблем, и намерение привести их к «норме» выступают ядром парадигмы нейроразнообразия.

Плюрализм представлений и зыбкость норм созвучны постмодернистским и постструктуралистским концепциям Ж. Бодрийяра, З. Баумана и Ж.-Ф. Лиотара. На связь нейроразнообразия с постмодернистскими идеями указывает и один из

авторов парадигмы нейроразнообразия Дж. Сингер [Singer, 1999]. Бодрийяр в своих рассуждениях о преобладании симулякров в современном мире подвергает сомнению даже традиционные принципы научной рациональности: «Наука объясняет вещи, предварительно выделенные и формализованные ей, чтобы ей повиноваться, – только в том и состоит ее “объективность”, а этика, санкционирующая подобное объективное познание, представляет собой просто систему защиты и неузнавания, направленную на сохранение этого порочного круга» [Бодрийяр, 2000]. То же мы можем сказать и о принятом и преобладающем медицинском дискурсе в отношении РАС: возможно, идентификация нейротипичного мозга как нормального, а нейроотличного как «проблемного» – не более чем симуляция реальности.

Среди центральных идей Баумана текучая современность, индивидуализированное общество и свобода как общественный продукт. Современный мир характеризуется отмиранием многих ранее актуальных институтов, терминов и меньшей структурированностью, большей гибкостью [Бауман, 2002]. Это дает основания пересмотреть отношение к практикам и необходимости традиционных психиатрических институций. Современный мир уже не в той мере признает наличие какой-то однозначной нормы. Иное мышление – это не аномалия. Кроме того, происходит процесс индивидуализации, означающий отрицание различных форм социальности [Бауман, 2002]. Лица с аутизмом, испытывающие трудности в общении и социализации, не уникальны в этой своей особенности сегодня. Свобода связана с устройством того или иного общества, поэтому подвержена историческим трансформациям [Бауман, 2006]. Поскольку современное общество становится более гибким, отношения между людьми и институтами могут трансформироваться: не обязательно воспринимать иной способ мышления и поведения как требующий лечения; на место изоляции и стигматизации могут прийти толерантность и стремление к учету особенностей каждого отдельного человека.

Концепция Лиотара о «крахе метанарративов» подразумевает трудность навязывания тотализирующего дискурса в отношении того или иного феномена [Лиотар, 1998]. Единый стандарт нормы все менее востребован, поэтому актуальна идея ценности аутистического взгляда на мир и взаимодействия с ним в противовес его медицинской трактовке.

Приведенный теоретический обзор дает основания заключить, что во многом парадигма нейроразнообразия и ее все большая востребованность – порождение популярных современных социальных теорий, а не следствие научного вывода (сейчас мы не можем точно сказать, болезнь аутизм или нет; нет точной информации о его генезисе; мы не можем сказать, насколько аутизм определяет личность человека; кому нужна медицинская помощь, а кому она только вредит; есть ли четкая граница между наличием у индивида РАС или нет и пр.). Социальные движения в защиту женщин, расовых и национальных меньшинств, прав ЛГБТ-сообщества пределали большой путь от дискриминации к равноправию. Очевидно, что данные примеры являют собой вдохновляющие истории. Особенно показательным для сторонников парадигмы нейроразнообразия кажется траектория отношения к ЛГБТ: от психиатрического диагноза к практически полному призна-

нию прав и свобод; отказу от стигмы в большинстве развитых стран. Но могут ли нейроразнообразные пройти тот же путь?

Сама парадигма нейроразнообразия содержит в себе логические противоречия. Это отмечает А. Фёдоров, рассматривая аутизм в «оптике постмодернистской постнеклассики». Лингвистический конструкт «нормальный мозг» не тождественен конструкту «нормальный пол» или «нормальная раса» [Фёдоров, 2018]. Невозможно рассматривать все формы нейроразнообразия как равноправные с точки зрения функционирования (например, умственная отсталость) [Там же]. Невозможно рассматривать любое вмешательство как вредное и разрушительное априори [Там же]. По мнению Фёдорова, вмешательство в человеческую природу – сердце культуры, поэтому стоит рассуждать о границах необходимого вмешательства, а не о самом его факте [Фёдоров, 2018]. Автор отмечает потенциальный вред парадигмы нейроразнообразия, поскольку индивиды, которые не в состоянии жить без внешней помощи, не нуждаются в лечении, АВА-терапии и пр. (если строго следовать логике парадигмы) [Там же].

Парадигма нейроразнообразия сегодня – скорее социокультурный конструкт. Ее ведущие идеологи – аутисты, которые встроены в нейротипичный мир: получили высшее образование и профессию, развивают карьеру; у некоторых есть супруги и дети. При этом они считают, что представляют интересы всего угнетаемого нейроразнообразного сообщества, хотя многие его представители нуждаются в постоянной помощи, не могут получить образование и какую-нибудь работу и пр. [Mitchell, 2019]. По оценке ООН, 80 % взрослых лиц с РАС не имеют работы². Отсюда возникает закономерное сомнение в правомерности представления интересов всех нейроразнообразных преимущественно успешными в нейротипичном мире индивидами.

Востребованных в нейротипичном мире аутистов задействует и массовая культура (сериалы «Доктор Хаус», «Хороший доктор», «Шерлок», «Мост» и пр.). Аутизм или синдром Аспергера³ помогают персонажам быть не как все остальные, по-другому смотреть на ситуацию и принимать уникальные и правильные решения в самых запутанных медицинских случаях и расследованиях. Появилась даже «мода на аутизм», когда люди сами ставят диагноз себе и своим детям, при этом подразумевая специфичность мировосприятия, но не необходимость помощи извне [Silberman, 2015].

Распространяются теории о том, что гениальные деятели прошлого были аутистами (Микеланджело, Леонардо да Винчи, Альберт Эйнштейн, Моцарт и пр.) [Fitzgerald, 2004]. Успехи в науке, искусстве и другой творческой деятельности связываются с РАС; утверждается, что в Силиконовой долине особенно высок процент лиц с аутизмом или синдромом Аспергера (такая мысль находит отражение в американских сериалах «Теория большого взрыва», «Детство Шелдона»,

---

² 5 Employment sectors that are Perfect for Individuals with Autism. URL: <https://www.friendshipcircle.org/blog/2015/04/01/five-employment-sectors-that-are-perfect-for-individuals-with-autism/> (дата обращения 29.09.2020).

³ Синдром Аспергера. URL: aspergers.ru (дата обращения 29.09.2020).

«Кремниевая долина» и пр.)⁴. Исследователи из университета Йорка приходят к сенсационному выводу о том, что без аутизма эволюция человека была бы невозможна [Spikins, Wright, 2016]. Создается искаженный и идеализированный образ аутистов как ярких и необычных индивидуалистов, обладающих выдающимися интеллектуальными способностями, которые хоть и имеют коммуникативные сложности, но справляются с задачами в эпоху неопределенности лучше нейротипичных⁵. В современном мире актуальны идеи специфичности, внесистемности, уникальности взгляда на происходящее и индивидуализации, поэтому объяснима популярность описанных художественных образов. Тем не менее такой образ играет двоякую роль: с одной стороны РАС не воспринимается публикой как трагедия, что может вести к более толерантному отношению к реальным индивидам с РАС. Однако искаженный образ аутизма вводит зрителя в заблуждение относительно всего спектра. Это играет на руку сторонникам парадигмы нейроразнообразия и отводит внимание в сторону от существующих у людей с аутизмом проблем.

Культура нейроразнообразия: критический дискурс

Рассматривая практические аспекты движения за нейроразнообразие, стоит остановиться на культурных аспектах данного сообщества. По мнению отечественных исследователей, можно говорить о существовании аутичной культуры, характерными чертами которой являются идентичность, язык, символика, коммуникативные предпочтения и праздничные дни [Викторук, Гох, Минеев, 2018]. Стоит сказать, что авторы анализируют скорее встроенных в нейротипичный мир нейроотличных людей, то есть определенную часть сторонников парадигмы нейроразнообразия. Нельзя сказать, что описанная культура охватывает всех людей с РАС: Митчелл указывает на то, что многие аутисты не разделяют идей парадигмы нейроразнообразия и хотели бы, чтобы их «вылечили» [Mitchell, 2019]. Скорее, это культура нейроразнообразия, ядром которой и являются встроенные в нейротипичный мир аутисты (хотя далеко не все встроенные в нейротипичный мир аутисты разделяют парадигму нейроразнообразия).

Еще важнее то, что это не просто культура нейроразнообразия с набором определенных черт, а что по своему внутреннему содержанию это контркультура, направленная на критику и изменения в доминирующей культуре с ее нормами и ценностями. В этом заложено принципиальное отличие культуры нейроразнообразия от движений против дискриминации женщин, представителей разных народов и рас, сексуальных и иных меньшинств. Эти движения изначально требовали равенства в правах и свободах, при этом сторонники движения хотели, чтобы какие-то уже имеющиеся у человека врожденные черты не влияли на его карьерные

⁴ От Дарвина до Хопкинса. Как аутизм и синдром Аспергера влияют на звезд науки и искусства. URL: <https://knife.media/autism/>; Silberman Steve. The Geek Syndrome. URL: <https://www.wired.com/2001/12/aspengers/> (дата обращения 29.09.2020).

⁵ Здесь заложено противоречие: современные организации предполагают *soft skills* и эмоциональный труд, что затруднительно для нейроотличных. Сторонники парадигмы нейроразнообразия обоснованно полагают, что это вызывает дискриминацию в процессе найма. URL: <https://knife.media/autistic-problems/> (дата обращения 29.09.2020).

перспективы, права, отношение к нему и пр. Иными словами, конечная цель, вероятно, – восприятие человека и отношение к нему не как представителю определенного типа или группы, а как к конкретному лицу. Культура нейроразнообразия, напротив, не предполагает, что аутисты могут и должны адаптироваться под современные реалии. Она транслирует идею аутистических проявлений как ценности, которая определяет личность и без которой они бы не были самими собой⁶.

Аутисты, поддерживающие движение за нейроразнообразие, предпочитают называть себя «аутистами», а не «людьми с аутизмом» [Ортега, 2020; Викторук Минеев, Гох, 2018]. Для них аутизм – базовая характеристика их идентичности, определяющая их мышление и поведение, а не медицинская проблема [Ортега, 2020]. Аутистические черты воспринимаются как дар и предмет для гордости [Antonetta, 2005]. При этом они считают, что нужно изменять общественное устройство, а не просто создавать условия для встраивания нейроотличных в нейротипичный мир.

Используется множество терминов, которые делают акцент не на внутренней составляющей культуры, а на ее противопоставлении с нейротипичной (аллист, эйблизм, дискриминация, сегрегация, нейроотличный и пр.). Создаются целые словари терминов; очерчиваются четкие контуры парадигмы нейроразнообразия⁷ [Walker, 2014]. Важно отметить коммуникативные особенности культуры нейроразнообразия; в основном общение происходит на определенных сайтах, форумах и группах в социальных сетях [Викторук, Минеев, Гох, 2018]. Развитие Интернета привело к развитию культуры сторонников парадигмы нейроразнообразия; онлайн-сообщества стали шрифтом Брайля для нейроотличных людей [Singer, 1999, Blume, 1997].

Их символика и лозунги полны противопоставлений («Это кот, а не неправильная собака» – надпись на картинке сообщества «Нейроразнообразие в России») и имеют общие черты с ЛГБТ-движением, путь которого к равноправию и толерантности со стороны общества – возможный идеал для движения нейроотличных. Даже официальный день информирования об аутизме (2 апреля) воспринимается внутри культуры скорее в негативном ключе, поэтому основные праздники для них – месяц принятия аутизма (апрель) и День гордости (18 июня).

В России в качестве яркого примера культуры нейроразнообразия стоит отметить сообщество «Аутизм и нейроразнообразие в России» с главным редактором А. Экфорд⁸. На сайте присутствуют тексты с яркими заголовками: «Спасите свою культуру от “антиаутичной” культуры скорби», «Почему нельзя называть аутизм болезнью», «Хватит критиковать свои фантазии!», «Промывке мозгов нет оправдания», «Профессионалам и родителям безразлично то, что мы им говорим» и пр. Среди зарубежных сайтов можно отметить, например, wrongplanet.net, neurodiversity.com, aspiesforfreedom.com, cafepress.com или proudlyautistic. Существуют

⁶ Отметим, что современные социальные движения вроде радикального феминизма или Black Lives Matter тоже транслируют идеи важности того или иного врожденного признака для идентичности человека и отличаются критической дискурсивной направленностью.

⁷ Словарь терминов. Нейроразнообразие в России. URL: <https://neurodiversityinrussia.com/> (дата обращения 30.09.2020).

⁸ Экфорд А. 7 шагов к решению проблем аутизма в России, которые призывают сделать сами аутисты. НОЖ. 2019. URL: knife.media/autistic-problems/ (дата обращения 29.09.2020).

интернет-магазины, в которых можно купить одежду, на которой будут присутствовать надписи, подразумевающую гордость за свою идентичность аутиста: «Скажем нет лечению подопытных кроликов!», «Я аутичный! А что скажешь ты?» [Ортега, 2020]. Ношение такой одежды сравнивается с каминг-аутами, которые направлены на нормализацию общественного восприятия представителей сексуальных меньшинств [Там же].

Выраженная критическая направленность культуры нейроразнообразия и ее противопоставление доминирующей нейротипичной имеет ряд объяснений. Структуралист М. Дуглас рассматривала новые элементы в культуре («грязь») как опасность для разрушения устоявшихся когнитивных схем в том или ином сообществе и как силу, которая может привести к развитию данного общества [Дуглас, 2000]. Ранее мы уже приводили примеры рассмотрения мышления и деятельности аутистов как движущие силы эволюции, которая вывела человека из пещеры. Если эти теории верны, то общество лишает себя ценного динамического аспекта.

Изначально общество стремится тем или иным способом избавиться или не замечать эти чуждые элементы, которые грозят его стабильности. Существуют разные способы удаления аномальных элементов из общества, среди которых новая классификация элемента, физический контроль, отгораживание, избегание и пр. В случае с РАС, помимо медицинского дискурса, аутисты ощущают угрозу возможного разрушения своей личности и ее меньшую необходимость обществу, поскольку идет разработка лекарства от аутизма и способов определения нейротипичности на ранних стадиях беременности⁹ [Mitchell, 2019]. Вероятно, нейроразноотличные чувствуют это игнорирование и нежелание воспринимать их как «нормальных, но по-другому», поэтому понятен их критический настрой.

Американский и европейский опыт социальных движений показывает, что более активное отстаивание своих прав и свобод приводит к большим последствиям. При этом особенностью протестного потенциала нейроразноотличных является его преимущественная виртуальная направленность, что отличает эту контркультуру от тех, кто выходит на улицы, перекрывает дороги, устраивает забастовки, сталкивается с полицией и пр. В связи с этим большой объем требований и более агрессивная позиция может давать больший результат. Не вполне взвешенной выглядит радикальная критика со стороны активных сторонников культуры нейроразнообразия родителей аутистов, которые прибегают к АВА-терапии или матерей, прибегающих к абортам в связи с информацией о синдроме Дауна у плода. В этом смысле культура нейроразнообразия неожиданно приближена к религиозной идеологии, отвергающей возможность рационального планирования семейной жизни. Хотя многие идеи парадигмы нейроразнообразия выглядят спорными даже в среде высокофункциональных аутистов, их распространение приводит к гуманизации отношения к лицам с РАС.

---

⁹ В сообществе «Нейроразнообразие в России» в социальной сети ВКонтакте можно найти картинку, где изображены окровавленные части тела в мусорном ведре: «Предотвращение аутизма – абортное отношение аутичных детей».

Парадокс парадигмы нейроразнообразия как идеи и как культуры

Таким образом, мы наблюдаем парадоксальное взаимодействие парадигмы нейроразнообразия с современным социумом. На теоретическом уровне идеи парадигмы нейроразнообразия оказываются востребованными и связанными с другими популярными в Европе и Америке социальными теориями. Рождается искаженный идеализированный медийный образ аутиста как человека, наилучшим образом справляющегося с новыми вызовами неопределенности текучей современности. Вместе с тем представители культуры нейроразнообразия транслируют критический по отношению к современному социуму дискурс, требования изменений и переинтерпретации нормальности и ненормальности. Это связано с внутренней противоречивой логикой парадигмы; представлением адаптированной частью сообщества интересов всех его членов; наличием все еще доминирующего медицинского дискурса в отношении нейроотличности.

Отметим, что во многих западных странах движение за нейроразнообразие уже сыграло позитивную роль в плане уменьшения патологизации РАС и стигматизации нейроотличных. Россия же, вероятно, стоит в самом начале этого пути. Пока же журналисты российских центральных СМИ сообщают, например, о Грете Тунберг с синдромом Аспергера как о «несчастной и больной девочке», которую надо не слушать, а лечить. Вряд ли возможно быстро депатологизировать отношение к расстройствам аутистического спектра без общего изменения в доминирующей культуре отношения к феноменам Другого, инаковости и увеличения толерантности к неопределенности.

Список литературы

Бауман З. *Индивидуализированное общество*. Центр исследований постиндустриального общества, журнал «Свободная мысль». М.: Логос, 2002.

Бауман З. *Свобода*. М.: Новое издательство, 2006.

Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет, 2000. С. 130–132.

Викторук Е. Н., Минеев В. В., Гох А. Ф. Проблема статуса аутичного сообщества и признаки наличия аутичной культуры // *Ценности и смыслы*. 2018. № 3 (55). С. 79–92.

Власова О. А. *Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

Гофман И. *Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью* // Социологический форум. 2001.

Гофман И. *Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений*. М.: Элементарные форы, 2019.

Дуглас М. *Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу*. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна*. Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998.

Нейроразнообразие в России. URL: <https://neurodiversityinrussia.com/> (дата обращения 29.09.2020).

Ортега Ф. Нейрологические идентичности и движение за нейроразнообразие // Социология власти. 2020. № 32 (2). С. 125–156.

Фёдоров А. А. Аутизм в оптике постмодернистской постнеклассики: критический взгляд. Материалы всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы психологии и психологии личности». Новосибирск: НГУ, 2018. С. 120–125.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.

Antonetta S. A mind apart: Travels in a neurodiverse world. London: Penguin, 2005.

Armstrong T. The Power of Neurodiversity Unleashing the Advantages of Your Differently Wired Brain. Cambridge, MA: Da Capo Lifelong Books, 2011.

Fitzgerald M. Autism and Creativity: Is There a Link Between Autism in Men and Exceptional Ability? 2004. New York: Brunner Routledge.

Grandin T. Thinking in Pictures: And Other Reports from My Life with Autism. New York: Vintage books, 1996.

Laing R. The politics of the Family and Other Essays. New York: Routledge, 1998.

Sinclair J. Don't mourn for us. *Voice*, 1 (3). 1993.

Singer J. Why can't you be normal for once in your life? From a 'problem with no name' to the emergence of a new category of difference. M. Corker, S. French (eds) *Disability discourse*. Buckingham: Open University Press, 1999. Pp. 59-67.

Silberman S. NeuroTribes: The Legacy of Autism and the Future of Neurodiversity. New York: Avery Publishing, 2015.

Spikins P., Wright B. The Prehistory of Autism. Rounded Globe, 2016.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Blume H. «Autism and the Internet», or, «It's the wiring, stupid». 1997. URL: <http://web.mit.edu/comm-forum/legacy/papers/blume.html> (дата обращения 29.09.2020).

Dawson M. The Misbehavior of behaviorists: Ethical challenges to the autism-ABA industry. 2004. URL: https://www.sentex.ca/~nexu23/naa_aba.html (дата обращения 29.09.2020).

Mitchell J. The danger of «neurodiversity». *The Spectator*. 2019. URL: www.spectator.co.uk/article/the-danger-of-neurodiversity (дата обращения 29.09.2020).

Walker N. Neurodiversity: Some basic terms and definitions. *Neurocosmopolitanism: Dr. Nick Walker's notes on neurodiversity, autism & self-liberation*. 2014. URL: <https://neurocosmopolitanism.com/neurodiversity-some-basic-terms-definitions/> (дата обращения 29.09.2020).

References

Antonetta S. (2005). A mind apart: Travels in a neurodiverse world. London: Penguin.

Armstrong T. (2011). The Power of Neurodiversity Unleashing the Advantages of Your Differently Wired Brain. Cambridge, MA: Da Capo Lifelong Books.

Aspies for freedom. URL: aspiesforfreedom.com (Accessed: 29.09.2020).

Bauman Z. (2002). Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized Society]. Moscow: Logos. (in Russ.)

Bauman Z. (2006). Svoboda [Freedom]. Moscow: Novoe izdatel'stvo [The New Publishing House]. (in Russ.)

Baudrillard J. (2000). Simvolicheskiy obmen I smert' [Symbolic Exchange and Death]. Moscow: Dobrosvet. Pp. 130–132. (in Russ.)

Douglas M. (2000). Chistota i opasnost': Analiz predstavleniy ob oskvernenii I tabu [Purity and Danger: Analysis of Concepts of Pollution and Taboo]. Moscow: Canon-Press-C. (in Russ.)

Fedorov A. A. (2018). Autizm v optike postmodernistskoy postneklassiki: kriticheskiy vzglyad [Autism in the optics of postmodern postneclassics: a critical view]. *Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sovremennyye problem psihologii i psihologii lichosti»* [Materials of the All-Russian scientific-practical conference «Contemporary problems of psychology and psychology of personality»]. Novosibirsk: NSU. P. 120–125. (in Russ.)

Fitzgerald M. (2004). Autism and Creativity: Is There a Link Between Autism in Men and Exceptional Ability? New York: Brunner Routledge.

Foucault M. (1997). Istoriya bezumstva v klssicheskuyu epohu [Madness and civilization: A History of Insanity in the Age of Reason]. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga [University book]. (in Russ.)

Goffman E. (2001). Stigma: Zametki ob upravlenii isporchennoy identichnost'yu [Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity]. *Sotsiologicheskii forum* [Sociological forum]. (in Russ.)

Goffman E. (2019). Total'nye instituty: ocherki o sotsial'noy situatsii psihicheskii bol'nyh patsientov i prochih postoyal'tsev zakrytyh uchrezhdeniy [Total Institutions: Essays on the Condition of Social Situation of Mental Patients and Other Inmates]. Moscow: Elementarnyye formy [Elementary forms]. (in Russ.)

Grandin T. (1996). Thinking in Pictures: And Other Reports from My Life with Autism. New York: Vintage books.

Laing R. (1998). The politics of the Family and Other Essays. New York: Routledge.

Lyotard J.-F. (1998). Sostoyanie postmoderna [The Postmodern Condition]. Institute of Experimental Psychology. Saint-Petersburg: Aleteya. (in Russ.)

Neurodiversity Weblog. URL: neurodiversity.com (Accessed: 29.09.2020).

Ortega F. (2020). Neyrologicheskie identichnosti I dvizhenie za neyroraznoobrazie [Neurological Identities and the Movement of Neurodiversity] // *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power]. № 32 (2). P. 125–156. (in Russ.)

Sinclair J. (1993). Don't mourn for us. *Voice*, 1(3).

Singer J. (1999). Why can't you be normal for once in your life? From a 'problem with no name' to the emergence of a new category of difference. M. Corker, S. French (eds) *Disability discourse*. Buckingham: Open University Press. P. 59–67.

Silberman S. (2015). NeuroTribes: The Legacy of Autism and the Future of Neurodiversity. New York: Avery Publishing.

Spikins P., Wright B. (2016). The Prehistory of Autism. Rounded Globe.

Viktoruk E. N., Mineev V. V., Goh A. F. (2018) Problema statusa autichnogo soobshchestva i priznaki nalichiya autichnoy kultury [The Problem of Autistic Community Status and Indicators of Autistic Culture Presence] // *Tsennosti I smysly* [Values and Meanings]. № 3 (55). P. 79–92. (in Russ.)

Vlasova O. A. (2014). *Antipsihiatriya: sotsial'naya teoriya i sotsial'naya praktika* [Antipsychiatry: Social Theory and Social Practice]. Moscow: HSE Publishing House. (in Russ.)

Sources

Blume H. «Autism and the Internet», or, «It's the wiring, stupid». 1997. URL: <http://web.mit.edu/comm-forum/legacy/papers/blume.html> (accessed: 29.09.2020).

Dawson M. The Misbehavior of behaviorists: Ethical challenges to the autism-ABA industry. 2004. URL: https://www.sentex.ca/~nexus23/naa_aba.html (accessed: 29.09.2020).

Mitchell J. The danger of «neurodiversity». *The Spectator*. 2019. URL: www.spectator.co.uk/article/the-danger-of-neurodiversity (accessed: 29.09.2020).

Walker N. Neurodiversity: Some basic terms and definitions. *Neurocosmopolitanism: Dr. Nick Walker's notes on neurodiversity, autism & self-liberation*. 2014. URL: <https://neurocosmopolitanism.com/neurodiversity-some-basic-terms-definitions/> (accessed: 29.09.2020).

*Материал поступил в редакцию
The article was submitted
18.05.2020*

Сведения об авторе

Первушин Николай Сергеевич – преподаватель кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия
nickd17@yandex.ru
AuthorID RSCI 806942

Information about the Author

Nikolay S. Pervushin – lecturer of the Section of Personality Psychology of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
nickd17@yandex.ru
AuthorID RSCI 806942

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-105-127

**Онтогенез регуляции эмоций при нормотипическом развитии
и дисонтогенетических нарушениях
(на примере расстройств аутистического спектра)**

Е. А. Дорошева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Научно-исследовательский институт физиологии и фундаментальной медицины
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Аналитический обзор посвящен изучению факторов, влияющих на формирование системы регуляции эмоций в онтогенетическом развитии. Проведено сравнение формирования системы регуляции эмоций для нормотипического и отклоняющегося развития (на примере расстройств аутистического спектра). Показано взаимодействие основных врожденных факторов (уровень чувствительности к сенсорным стимулам и произвольный контроль) с факторами коммуникативной среды (формирующими привязанность к родителям, вербализацию эмоций и модель психического) в формировании адаптивной эмоциональной регуляции и дисрегуляции.

Ключевые слова

эмоциональная регуляция, эмоциональная дисрегуляция, нормотипическое развитие, расстройства аутистического спектра, чувствительность к сенсорным стимулам, произвольный контроль, привязанность, вербализация эмоций, модель психического

Источник финансирования

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00925)

Для цитирования

Дорошева Е. А. Онтогенез регуляции эмоций при нормотипическом развитии и дисонтогенетических нарушениях (на примере расстройств аутистического спектра) // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 105–127. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-105-127

**Ontogenesis of Emotional Regulation in Normotypic Development
and Dysontogenetic Disorders
(Example of Autism Spectrum Disorders)**

E. A. Dorosheva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

*Scientific Research Institute of Physiology and Basic Medicine
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The analytical review is devoted to the study of factors affecting the formation of the system of emotions regulation in ontogenetic development. A comparison of the formation of an emotion regulation system

© Е. А. Дорошева, 2020

for normotypic and deviating development (on the example of autism spectrum disorders) was made. The interaction of the main innate factors (level of sensory processing sensitivity and effortful control) with factors of the communicative environment (type of attachment to parents, verbalization of emotions and a model of mind) in the development of adaptive emotional regulation and dysregulation is shown.

Keywords

emotional regulation, emotional dysregulation, normotypic development, autism spectrum disorders, sensory processing sensitivity, effortful control, attachment, emotion verbalization, model of mind

Funding

The research was supported by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR), the scientific project no. 18-013-00925

For citation

Dorosheva, E. A. (2020). Ontogenesis of Emotional Regulation in Normotypic Development and Dysontogenetic Disorders (Example of Autism Spectrum Disorders). *Reflexio*, 13 (1), 105–127. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-105-127

Изучение формирования регуляторных процессов в онтогенезе – одна из наиболее интригующих задач психологии развития. Ее высокая прикладная значимость связана с тем, что успешная саморегуляция тесно связана с психическим здоровьем и благополучием человека.

Цель данного исследования – рассмотреть представления о регуляции эмоций в контексте общих саморегуляционных механизмов, описать формирование системы регуляции эмоций под влиянием врожденных и средовых факторов и сравнить ход ее онтогенетического развития у детей с нормотипическим и отклоняющимся развитием.

Общие представления о регуляции эмоций. Дисрегуляция эмоций

Регуляцию эмоций рассматривают как составляющую процессов самоконтроля, неразрывно связанную с другими его компонентами – когнитивным и волевым [Сергиенко, 2018].

Выполняя функцию направления и регуляции поведения, организации функционального состояния, которое обеспечивает это поведение, эмоции, в свою очередь, претерпевают изменения после возникновения первичной эмоциональной реакции на стимул. Взаимодействие аффективных и когнитивных процессов приводит к оптимизации ответа как на уровне функционального состояния, так и на уровне поведения. При этом первоначальная эмоция может усиливаться, ослабляться, изменять свой характер, направляться на другую ситуацию или иную ее часть [Gross, 2007].

В теориях эмоционального интеллекта вводится представление об управлении эмоциями, под которым понимается такая корректировка первоначального эмоционального ответа, которая ведет к лучшему самочувствию, более адаптивному поведению (прежде всего в межличностных отношениях) [Голман, 2013]. При этом вводятся представления как об управлении своими эмоциями, так и о способности воздействовать на эмоциональные состояния других людей. Умение управления эмоциями в данной группе подходов тесно связано с пониманием своих и чужих эмоциональных реакций, в привязке к мотивам, причинам, целям поведения [Сергиенко, 2019].

Другие модели регуляции эмоций рассматривают спектр конкретных стратегий регуляции, классифицируемых тем или иным образом. Так, в получившей широкое распространение модели Дж. Гросса стратегии эмоциональной регуляции классифицируются в соответствии со временем возникновения по отношению к возникновению проблемной ситуации [Gross, 2007]. С точки зрения Дж. Гросса, это осознаваемые, частично осознаваемые, неосознаваемые стратегии. Другие авторы полагают, что к регуляции эмоций можно относить только такую модификацию первоначальной эмоциональной реакции, которая основана на наличии намерения и цели; прочие изменения эмоций не относятся к саморегуляции [Eisenberg, Spinrad, 2004]. Также, по Дж. Гроссу, выделяются условно эффективные (адаптивные) и условно неэффективные (малоадаптивные) стратегии регуляции эмоций. К последним относятся стратегии, изменяющие состояние в настоящий момент, для достижения сиюминутных целей, но ассоциированные с неблагоприятием, психопатологическими симптомами. Другие авторы относят такие стратегии к эмоциональной дисрегуляции.

Модель общей (глобальной) дисрегуляции эмоций описывает существование дефицита в любой из четырех составляющих: осознание, понимание и принятие эмоций; способность к организации целенаправленного поведения и подавлению, при необходимости, импульсивных реакций; способность модулировать эмоциональные реакции; готовность испытывать негативные эмоции в ряду значимых жизненных переживаний [Gratz, Roemer, 2004]. Н. А. Польская и А. Ю. Разваляева [2017] включают в компоненты эмоциональной дисрегуляции неустойчивость либо ригидность эмоций.

Предполагается, что общая дисрегуляция эмоций является фактором, связанным с развитием широкого круга психопатологических состояний (аффективные и когнитивные нарушения, широкий круг видов отклоняющегося поведения). Обзор шестидесяти семи исследований, в которых измерялись изменения в регуляции эмоций и в психопатологических симптомах после психологического вмешательства при тревоге, депрессии, употреблении психоактивных веществ, расстройствах питания, пограничном расстройстве личности, показал, что независимо от типа воздействия и вида расстройства как использование слабоадаптивных стратегий регуляции эмоций, так и общая дисрегуляция эмоций в большинстве случаев значительно уменьшаются [Sloan et al., 2017].

Попытки сопоставить глобальную дисрегуляцию эмоций с конкретными группами стратегий эмоциональной регуляции оказались скорее неуспешными. Так, метаанализ, направленный на выявление соответствия группировки стратегий эмоциональной регуляции теоретическим ее моделям и включивший 331 исследование, не показал удовлетворительной пригодности ни одной теоретической модели. Эксплораторный факторный анализ позволил выявить три основных фактора регуляции эмоций: сильно коррелирующие между собой факторы отстранения от ситуации и навязчивых повторений отрицательных мыслей и мало связанный с ними фактор адаптивного участия в ситуации [Naragon-Gainey et al., 2017].

В последнее время высказываются предположения о том, что основной показатель эффективности системы регуляции эмоций – это не определенный набор способов регуляции, но гибкая подстройка в выборе конкретной стратегии под осо-

бенности ситуации в зависимости от свойств личности¹ [Kobylynska, Kusev, 2019]. Некоторые исследователи полагают, что именно дефицит гибкости используемой регуляции эмоций ведет к возникновению психических нарушений (например, аффективных расстройств или пограничного расстройства личности) [Bonanno, Burton, 2014].

Гиперчувствительность и дисрегуляция эмоций

Как возможный системообразующий фактор дисрегуляции эмоций рассматривают гиперчувствительность к сенсорным стимулам (*sensory processing sensitivity*) [Aron, Aron, 1997; Neacsiu et al., 2014]. Гиперчувствительность определяется как врожденная повышенная чувствительность центральной нервной системы (т. е. снижение порогов восприятия) и как более глубокая когнитивная обработка физических, социальных и эмоциональных стимулов, связанная с большей чувствительностью к «тонким» стимулам и характерной паузой реакции в новых ситуациях (больше времени затрачивается на обработку стимула). Данное свойство темперамента связано с большей выраженностью положительных и отрицательных эмоций и частично ассоциировано с эмоциональной уязвимостью [Aron, Aron, 1997; Boterber, Warreyn, 2016].

Авторами концепта разработана шкала для измерения данного показателя, первоначально рассматриваемая как одномерная [Aron, Aron, 1997]. Позже при ревизии методики в нескольких работах было показано, что первоначальная шкала распадается на три фактора: низкого сенсорного порога и легкости возбуждения (ассоциированы с нейротизмом по Большой пятерке личностных факторов) и эстетической чувствительности (наиболее связана с открытостью опыту в структуре Большой пятерки) [Grimen, Diseth, 2016; Smolewska et al., 2006].

Некоторые авторы полагают, что гиперчувствительность в неблагоприятных условиях роста ребенка выступает фактором риска развития эмоциональной дисрегуляции при избыточности как отрицательных, так и положительных эмоций [Neacsiu et al., 2014]. Сюда можно отнести группу диатез-стрессовых моделей развития психопатологических симптомов, предполагающих, что отклонения формируются на фоне врожденной повышенной уязвимости ко стрессу в неблагоприятных условиях [Тукаев, 2012]. Другие авторы полагают, что условием развития дисрегуляции является преобладание отрицательного аффекта [Selby, Joiner, 2009].

Уменьшая стрессоустойчивость, увеличивая чувствительность к неблагоприятным условиям, гиперчувствительность, по некоторым данным, может одновременно повышать позитивную чувствительность к получению помощи [Greven et al., 2019].

Произвольный и волевой контроль и регуляция эмоций

По всей видимости, в тесной взаимосвязи с формированием механизмов регуляции эмоций находится произвольный контроль (*effortful control*) [Eisenberg et al.,

---

¹ Kobylynska D., Kusev P. Flexible Emotion Regulation: How Situational Demands and Individual Differences Influence the Effectiveness of Regulatory Strategies // Front. Psychol. 2019. DOI 10.3389/fpsyg.2019.00072.

2004]. Произвольный контроль часто рассматривают как более широкое по отношению к регуляции эмоций понятие – возможность регулировать разные виды активности, в том числе эмоциональные состояния, откладывая или подавляя доминантный ответ². В то же время есть основания полагать, что не все типы регуляции эмоций требуют приложения усилий, являющихся обязательной компонентой самоконтроля. Например, с точки зрения Campos et al. [2004] само развертывание эмоционального ответа представляет собой биологический процесс, включающий «встроенную» саморегуляцию, и отделить эмоциональное реагирование от эмоционального регулирования практически невозможно. Исходя из существования эмпирических данных, явно описывающих процессы разного уровня, по-видимому, необходимо четко разделять и соответствующим образом обозначать изначально произвольные и произвольные (в том числе и при формировании навыка контроля, до автоматизации) аффективные регуляторные процессы.

Согласно большой совокупности исследований, возможность произвольного контроля является одной из врожденных темпераментных характеристик и выявляется у детей к концу первого года жизни как устойчивая в будущем черта [Kochanska et al., 2000; Lengua, 2006; Rothbart et al., 2011]. Возможность сдерживания импульсов, по всей видимости, имеет двоякую природу – это высокий уровень торможения поведения, который связан с боязливостью, избеганием новых стимулов, и возможность переключать внимание, противостоять немедленному удовлетворению потребности ради отдаленной цели [Eisenberg et al., 2011]. Именно второй тип реагирования представляет собой самоконтроль [Zentner, Bates, 2008].

Феномен сходного внешнего проявления торможения при реакциях избегания и сдерживания реакции при совокупной оценке всех обстоятельств приводит к дискуссиям о природе волевого и произвольного контроля. Внешнее подобие реакций иногда приводит к тому, что эти понятия употребляются синонимично, но чаще произвольность рассматривается как принципиальная возможность откладывать доминантный ответ, вне зависимости от причин такого выбора (торможение или контроль), а воля – как способность откладывать доминантный ответ, руководствуясь, в первую очередь, внутренними потребностями, в соотношении их с внешними обстоятельствами [Черенева, 2011].

Противоположностью произвольного и волевого контроля выступает импульсивное поведение – отсутствие отсрочки или отмены доминантной, но нежелательной по каким-либо причинам в данный момент реакции [Kagan et al., 2008]. Импульсивность, по всей видимости, также имеет разные причины [Fisher et al., 2018]. Так, она может быть связана с высоким уровнем положительных эмоций, гедонистической направленностью, может являться производной дефицитарности внимания и воли.

Самоконтроль в весьма значительной степени ассоциирован с благополучием личности, обеспечивая успешную социализацию, снижение уровня экстернатальных и интернатальных проблем [Eisenberg et al., 2005]. Развитие этой черты приветствуется и является весьма привлекательным для получения социального одобрения.

---

² Савеньшова С. С. Эмоциональная саморегуляция: подходы к определению в зарубежной психологии // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN119.pdf> (дата обращения 10.09.2020).

Вместе с тем существенную угрозу для практического развития самоконтроля представляет путаница его с подавлением стремлений и эмоций – оно создает иллюзию самоконтроля, поскольку поведение при этом соответствует социальным нормам, получает социальное одобрение. Отличие же состоит в том, что в случае контроля цель достигается через отсрочку непосредственного импульса, в то время как при подавлении цель остается недостигнутой, истинная потребность нереализованной (при реализации квазипотребности, в определении К. Левина). Эта форма регуляции отлично отражается в метафоре «зелен виноград...».

Одна из современных моделей регуляции эмоций предполагает существование трех базовых типов регуляции, соответствующих описанным выше проявлениям самоконтроля: интегративная эмоциональная регуляция, которая фокусируется на эмоциях как на информационном источнике; контроль, основывающийся на уменьшении эмоций посредством избегания, подавления, принудительного выражения или переоценки; и амотивированная эмоциональная регуляция, при которой эмоции не контролируются или не регулируются. Авторы полагают, что с благополучием личности, хорошими межличностными отношениями, волевыми действиями прямо связана интегративная регуляция эмоций [Roth et al., 2019].

Сходные представления о способствующему благополучию типу регуляции эмоций высказываются в теории осознанности (*mindfulness*). Осознанность рассматривается как регуляторный навык, при котором воспринимается широкий круг внутренних и внешних стимулов, эмоции осознаются, принимаются и служат основанием для произвольного выбора реакции; на этапе его формирования лишние (не соответствующие цели) реакции отсекаются волевым усилием [Baer, Smith, 2008]. Однако исключительно важно, что именно происходит после восприятия информации на этапе выбора реакции – в случае ошибочного понимания здесь также возможно обесценивание полученной оценочной информации и избегающее поведение, маскируемое под принятие.

По всей видимости, определение осознанности должно обязательным образом включать, что для данного навыка, состояния, черты при произвольном выборе реагирования (аффективного, когнитивного, поведенческого) тип реакции направлен на достижение актуальной цели, удовлетворения актуальной потребности в контексте текущих условий. Ошибочная трактовка приводит к идее того, что практики осознанности ведут к снижению потребностей и равнодушию, за счет этого достигается благополучие. Это ведет к последующей дезадаптации. В духовных практиках, которые легли в основу психологического понимания осознанности, такое состояние называется «белой стеной» – опустошением сознания, отражающим отсутствие контакта с собственными потребностями, отсутствие как отрицательных, так и положительных переживаний. С их точки зрения, для профилактики подобного эффекта при формировании осознанности необходим опыт переживания положительных эмоций (опыта удовлетворения потребностей, достижения целей, приводящего к положительной эмоциональной оценке).

Ранние этапы развития эмоциональной регуляции – роль отношений привязанности

Согласно существующим представлениям, непосредственные эмоциональные ответы ребенка на стимулы уже в самом раннем возрасте начинают опосредоваться социальными влияниями. На наиболее раннем, довербальном этапе развития ведущую роль среди факторов развития системы регуляции эмоций ребенка занимают отношения привязанности к родителям. Показано, что надежная привязанность ассоциирована с успешной регуляцией эмоций у ребенка, тогда как ненадежные типы привязанности – с ее дефицитностью [Leerkes, Wong, 2012].

При надежном типе привязанности родитель помогает ребенку регулировать его эмоции. Улавливая потребность ребенка, родитель стабильно, последовательно утешает при необходимости расстроенного ребенка (улыбаясь ему, беря на руки, поглаживая, укачивая и т. д.), отвлекает его, если это оптимальный способ улучшить эмоции ребенка, делает действия, способствующие удовлетворению потребности ребенка. Вводится рабочий термин совместной регуляции эмоций (формируясь в детско-родительских отношениях, она затем проявляется на протяжении всей жизни в близких межличностных взаимодействиях), – «это двунаправленная связь колеблющихся эмоциональных каналов между партнерами, что способствует эмоциональной стабильности для обоих партнеров» [Butler, Randall, 2012]. Важно, что в совместной регуляции вклад часто неравный, один из партнеров (в случае детско-родительских отношений – родитель) выступает ведущим.

Помимо совместной со взрослым регуляции эмоций, дети младенческого возраста имеют ряд простых способов саморегуляции (аугустимуляция, переключение внимания, изменение положение тела, разрядка, например, в плаче, и т. д.), однако предполагается, что именно совместная регуляция эмоций создает базис для дальнейшего развития саморегуляции [Leerkes, Wong, 2012].

Чуткость (сенситивность) к потребностям ребенка, лучшее понимание его эмоций выступает как важный, однако не единственный фактор формирования надежной привязанности [Waters et al., 2009; De Wolff, van IJzendoorn, 1997]. Похоже, что успешная регуляция и социализация эмоций самих родителей играет существенную роль, опосредуя связь чуткости родителя к потребностям ребенка и формирование у него надежной привязанности [Ahmetoğlu et al., 2017]. Родитель, который чувствует потребность ребенка, но не знает, как ему помочь реализовать эту потребность, не понимает, как повлиять на эмоции ребенка, скорее растерян и беспомощен, что и транслируется ребенку, также вводя его в дезорганизацию.

В случае избегающего поведения родитель находится в недостаточном контакте с ребенком, не помогая его саморегуляции. Хаотичное, непоследовательное поведение родителя, непонимание им происходящего с ребенком, причин реакций, потребностей ребенка или нежелание к ним прислушиваться (низкая сенситивность к ребенку) ведут к подавлению родителем реакций ребенка или неконгруэнтному поведению родителя. (Неконгруэнтное поведение – например, кормить ребенка в ответ на плач, возникший из желания его дотянуться до игрушки; или пытаться переключать внимание ребенка, не замечая, что нужно его переодеть и помыть). Во всех этих случаях конкретные навыки регуляции эмоций (выбор

адекватного выражения эмоций, умение переключать внимание, когда это уместно и т. д.) у ребенка закладываются существенно хуже. В дополнение к этому, ребенок формирует представление о мире как о более непредсказуемом, опасном, неприятном, чем в случае надежной привязанности к родителю, что сказывается в дальнейшем на общей оценке им всех проблемных ситуаций. Также представление о других людях как о нестабильных в своем поведении и не готовых помочь в достижении собственного положительного состояния приводит у растущего ребенка к снижению возможности получать социальную помощь и поддержку в сложных ситуациях.

Предлагается модель, согласно которой дети формируют специфические паттерны регуляции эмоций в зависимости от поведения родителя. Дети избегающих родителей минимизируют проявления эмоций, чтобы избежать дальнейшего отвержения, а дети непоследовательно ведущих себя родителей, напротив, усиливают негативные эмоциональные выражения с целью привлечь внимание [Cassidy, 1994].

Не только поведение родителя влияет на формирование типа привязанности, но и врожденные предрасположенности самого ребенка. Более чувствительные дети, тоньше воспринимающие информацию, чаще формируют ненадежный тип привязанности даже в условиях воспитания сенситивными матерями. Дети с «трудным темпераментом», регулярно разочаровывая своих родителей в самооценке их способностей регулировать состояние и поведение ребенка, побуждают изначально заботливого родителя снижать усилия по регуляции состояния ребенка при взаимодействии с ним (по: [Ньюкомб, 2002]). Уровень сенсорной чувствительности родителя, по-видимому, задавая его восприимчивость к происходящему в контакте с ребенком, также вносит вклад в формирование типа привязанности [Branjerdporn et al., 2019].

Вербализация и когнитивная социализация регуляции эмоций

Вербальный компонент эмоциональной регуляции приобретает важное значение с момента формирования речи у ребенка [Cole et al., 2010]. Успешная вербализация эмоций рассматривается как необходимая составляющая эмоционального интеллекта [Гоулман, 2013]. Вербальное выражение самих эмоций и объяснение их причин, того, что нужно сделать, чтобы эмоции изменились в положительную сторону, становится ведущим способом экспрессии эмоций. Выражаемая вербально эмоция подтверждается невербальными сигналами, что служит маркером ее достоверности в коммуникации, поскольку, осваивая способы эмоциональной экспрессии, ребенок формирует и умения обмана, манипуляции окружающими для достижения своих целей (получения желаемого с предъявлением несоответствующей действительности информации либо без учета баланса потребностей и возможностей участников взаимодействия) [Экман, 2010].

Формируясь во взаимодействиях с другими людьми, вербализация эмоций интериоризируется и становится способом саморегуляции.

Недостаточное овладение навыком вербализации эмоций становится причиной алекситимии – дефицитарности в речевом выражении, эмоциональном состоянии, их осознании, сознательном отличии от физиологических изменений в теле, об-

щей недостаточности символической обработки информации. Выделяют первичную алекситимию, связанную с нарушениями функционирования соответствующих мозговых структур (например, при расстройствах аутистического спектра), и вторичную, обусловленную, главным образом, воспитанием, при котором в семье ребенка не учат воспринимать и озвучивать свои эмоции, а напротив, путают, приписывая неверные эмоциональные состояния и их причины [Потапова и др., 2016; Провоторов и др., 2000]. Отличное описание такого воспитания отражает известный анекдот: «– Сынок! Иди уже домой! – Мам, я устал или замерз? – Ты хочешь кушать!».

Также возможно защитное усиление алекситимических черт во время стресса с возвращением контакта с эмоциями по выходу из стрессовой ситуации. Показана возможность экспериментального формирования алекситимии в условиях стресса [Китаев-Смык, 2009].

Данный этап развития ребенка характеризуется формированием структуры, получившей название модели психического (*theory of mind*) представления о том, что живые существа обладают психикой, их поведение подчиняется законам функционирования психики, отличным от физических законов, т. е. направляется желаниями, мотивами, целями, основывается на знаниях и представлениях данного конкретного человека или животного, находится под влиянием индивидуальных характеристик и поведенческих паттернов и т. д. Модель психического является, по современным представлениям, многоуровневым образованием, формирующимся в течение достаточно длительного периода развития. Как целостное образование она созревает к четырем годам жизни ребенка; в это время нормативно развивающиеся дети отделяют себя от других, понимают, что у других людей иные цели, мотивы, знания и т. д. Четырехлетние дети могут вербально прогнозировать поведение других людей, основываясь на представлениях о содержании их психики. Они способны к субъектному взаимодействию, учитывая не только свои интересы, но и отличающиеся интересы партнера по коммуникации. К шести годам уровень субъектности взаимодействия существенно возрастет, что связывают с развитием модели психического³.

Интернализация вербальной регуляции собственных эмоций, как полагают, происходит после шестилетнего возраста [Holodynski, Friedlmeier, 2006].

Как можно полагать, алекситимия в значительной степени связана с дефицитностью модели психического, врожденной или являющейся результатом неблагоприятной для ее формирования среды. Исключения представляют алекситимические проявления в стрессовых ситуациях, когда дисконтакт с эмоциями проявляется как стратегия избегания в момент недостаточности общих ресурсов для решения ситуации.

Регуляция эмоций у подростков

Развитие системы эмоциональной регуляции в подростковом возрасте, с одной стороны, связано с расширением жизненной перспективы, что предполагает по-

³ Сергиенко Е. А. Модель психического и социальное познание// Психологические исследования, 2015. Т.42, № 8. URL: psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1163-sergienko42.html (дата обращения 12.09.2020).

становку отдаленных целей, и с новым этапом формирования образа Я. В это время может появляться и усиливаться тенденция к работе над собой, направленному формированию каких-либо качеств в зависимости от особенности сформированного образа себя. Социализация как ведущая деятельность в подростковом возрасте делает особенно актуальными групповые нормы в поведении, в том числе задавая новый виток социализации эмоций в соответствии с выбранной группой, уже более широкой, чем родительская семья. С другой стороны, немалое испытание для подростка представляет собой существенная перестройка функционирования тела и психики, связанная с физиологическими изменениями, на некоторое время частично «выводящими из строя» уже сформировавшиеся регуляторные системы, и с изменениями телесного и ментального образа Я в новом возрастном периоде.

Обращает на себя внимание то, что при обилии работ, посвященных конкретным вопросам развития систем эмоциональной регуляции у детей младшего возраста, для подростков изучаются скорее частные аспекты регуляции эмоций (очень часто – в контексте практических рекомендаций по социализации подростков с девиантным поведением) или предлагаются сильно теоретизированные ее модели [Hollenstein, Lanteigne, 2018]. Между тем это время, связанное с выходом в «широкий» социум и освоением романтических отношений, кажется одним из важнейших периодов социализации эмоций. Представляется важным обозначить необходимость дальнейших интегральных исследований созревания регуляторных систем в условиях подросткового возраста.

Лонгитюдные и ретроспективные исследования показывают тесную связь особенностей эмоциональной регуляции подростков и ее общей эффективности с условиями воспитания подростка в более раннем возрасте (например, [Hilt et al., 2011]). Похоже, что время сепарации от родителей и овладения новыми функциями изменившегося тела предъявляет значительные требования, в том числе к устойчивости ранее сформированных механизмов, которые оказываются фундаментом для решения проблем подростничества.

Зрелая система регуляции эмоций

На основе анализа литературы можно сделать вывод о том, что зрелость системы регуляции эмоций взрослого человека определяется ее адаптивностью, сохранением баланса между индивидуальными потребностями и социальными требованиями (потребностями других людей), адекватной гибкостью, произвольностью. И взрослый человек нуждается в рано формирующихся в онтогенезе способах индивидуальной регуляции и совместной регуляции (например, утешение в телесном контакте с партнером), однако по мере взросления все большее значение принимают когнитивные стратегии, стратегии, связанные с произвольным контролем, а также уменьшение (но не исчезновение) зависимости от других людей в регуляции эмоций и возможность принимать на себя ведущую роль в совместной регуляции.

Идеальный критерий эффективности регуляции эмоций (итоговый баланс собственных потребностей и потребностей окружающих) на практике постоянно проходит проверку на прочность. Современные социокультурные установки многих цивилизованных стран, в том числе России, призывают к сохранению душевного

спокойствия и равновесия, преподносят, на уровне обыденного сознания, умение саморегулироваться как умение сохранять низкий уровень возбуждения. Страстное поведение осуждается и иногда даже приравнивается к психопатологии (например, мем «любовь – это болезнь»). Такая позиция направлена на сохранение высокого уровня контроля в общественных отношениях. Например, врачу легче лечить зуб у пациента под общей анестезией. Если врач нечаянно повредит нерв, пациент вовремя неотрегулирует ситуацию, закричав и прервав опасные действия, т. е. для него это невыгодно. Однако свобода действий врача гораздо больше, чем в случае, если контроль со стороны пациента будет его ограничивать. Исходя из этого, отсутствие переживания боли начинает преподноситься как некая цель, к которой нужно стремиться, с отрицанием того, что болевые ощущения – это хороший регулятор.

С другой стороны, опыт реальной жизни показывает, что социально неодобряемые формы выражения эмоций могут быть более полезны для самой личности, снижая представления о себе как о социально адекватном, однако давая выигрывать в достижении собственных целей. Некая опасность текущих социальных установок заключается в том, что врожденные регуляторные механизмы направлены на стремление к положительным эмоциям, уменьшение болевых ощущений и т. д., и предлагаемые технические средства в ряде случаев подменяют естественную регуляцию. Дав согласие на это, человек теряет возможность саморегуляции и проигрывает в тех случаях, когда внешняя регуляция не обеспечила его благополучия. Поэтому сохранение, в адекватном выражении, опоры на собственную регуляцию и критическое отношение к внешним, легким, предполагающим отсутствие собственных усилий способам достижения положительного эмоционального состояния в текущих социокультурных условиях может рассматриваться как один из важнейших критериев зрелости систем саморегуляции.

Отдельный класс исследований посвящен эмоциональной регуляции в пожилом возрасте. Так, например, Н. L. Urqu и J. Gross [2010], отмечая регресс аффективных и когнитивных процессов в пожилом возрасте, отмечают и усиление эмоциональной регуляции, свидетельствующие о компенсаторных возможностях психики.

Нарушения онтогенеза регуляции эмоций на примере людей с расстройствами аутистического спектра (РАС)

Расстройства аутистического спектра представляют собой дисонтогенетические нарушения, в основе которых лежат врожденные нарушения саморегуляторных и коммуникативных систем. Характеризуются ранним началом, тяжелым протеканием и высокой инвалидизацией.

Помимо очевидного практического значения, изучение развития регуляции эмоций при РАС, исследование влияния на ход этого развития условий среды и направленных коррекционных воздействий представляют огромный интерес для понимания законов нормативного формирования саморегуляторных систем в контексте социальных взаимодействий.

По всей видимости, совместная регуляция эмоций родителя и ребенка, как и в случае нормотипичного развития, ложится в основу формирования системы

регуляции эмоций у детей с РАС [Chan, Weiss, 2017]. Однако возможность полноценной коммуникации в данном случае оказывается снижена. Для детей с РАС отмечается уменьшение совместного внимания (внимания к одному и тому же предмету, позволяющего родителям привлекать внимание ребенка, формировать отношение к разным явлениям, вовлекать в совместную деятельность). Также для них характерно снижение имитационного поведения в целом. Вовлекать их в совместные взаимодействия труднее [Guo et al., 2017].

Диадические взаимодействия матери и ребенка с РАС, по данным исследований, менее согласованы по характеру и уровню эмоциональной вовлеченности, чем в случае матерей и нейротипичных детей (к примеру, ребенок переживает отрицательные эмоции, а мать – положительные). Кроме того, дети с РАС тратят больше времени на вовлечение во взаимодействия с объектами в детско-родительских отношениях, чем нейротипичные дети.

Одна из гипотез, описывающих нарушенное развитие системы регуляции эмоций у детей с РАС, предполагает, что у них на физиологическом уровне затягивается ее созревание. Исследовалась динамика выработки кортизола в стрессовой для ребенка ситуации у нормотипичных детей и детей с РАС в присутствии матери. Было показано, что мать продолжает оказывать «буферирующий эффект» (снижать выработку кортизола) у детей с РАС в возрасте, в котором у нормотипичных детей происходит собственная регуляция [Ostfeld-Etzion et al., 2015a].

В той же серии исследований было показано, что регуляторные стратегии детей с РАС в раннем возрасте проще, чем у нейротипичных детей, а матери и отцы детей до и после стрессового воздействия демонстрируют им больше положительных эмоций и в большей степени осуществляют поддержку с помощью контакта глазами. Изменения в поведении родителей интерпретировались как компенсаторный механизм, стремление помочь ребенку при затруднениях саморегуляции [Ostfeld-Etzion et al., 2015b].

Незрелость регуляторных систем прослеживается во все возрастные периоды развития детей с РАС и у взрослых. Описано использование дошкольниками с РАС таких примитивных способов регуляции эмоций как их «выплескивание» эмоций и стратегий избегания [Jahromi et al., 2012, 2013]. Очень типичными являются стратегии снижения напряжения с использованием стереотипного поведения и аутостимуляции [Ostfeld-Etzion et al., 2015a]. В том же возрасте нейротипичные дети могут применять переключение внимания, переоценку, переосмысление. В подростковом возрасте низкофункциональные дети с РАС продолжают использование очень простых стратегий, в то время как высокофункциональные аутисты применяют, как и нейротипичные подростки, более зрелые регуляторные способы. В то же время у подростков с РАС сохраняется большой процент неблагоприятных стратегий (руминации, «вторгающиеся» мысли, физиологическое и эмоциональное возбуждение, «опустошение» разума) [Mazefsky et al., 2014]. Интересно, что в отличие от нейротипичной популяции для подростков и молодых людей с РАС высокое подавление в сочетании с высокой когнитивной переоценкой было ассоциировано с относительным психологическим благополучием. Это может свидетельствовать о том, что, хотя поражение нервной системы и психики сказывается на увеличении неадаптивных механизмов регуляции, сформированность

вербальных способов саморегуляции может выступать хорошим прогностическим признаком.

Можно предполагать, что сложности овладения речью при РАС и, соответственно, протекающие из них трудности с интериоризацией вербальных форм могут существенно сказываться на развитии осознания эмоций и осознанного управления ими в структуре эмоциональной регуляции при РАС.

То же касается и трудностей с формированием моделей психического, характерных для РАС. Здесь наблюдается интересная картина. Высокофункциональные аутисты сообщают о тщательном когнитивном анализе поведения других людей, заменяющем им модель психического, – имея сниженную способность понять эмоции, мотивы, убеждения другого человека, основываясь на эмоциональных сигналах, на понимании вообще его отличия от себя, они создают сложные цепочки умозаключений, позволяющие им отреагировать адекватно. Сообщается, что модель психического включает два типа обработки информации: быстрое и легкое «схватывание» сигналов и длительные, энергозатратные процессы их логической обработки (по: [Сергиенко и др., 2009]). По всей видимости, при сохранности общих когнитивных способностей при РАС возможна трудоемкая «достройка» на фоне дефицита врожденных возможностей обработки эмоциональной информации.

Показано, что трудности с регуляцией эмоций детей и подростков прямо связаны с тяжестью симптомов РАС, а особенно тесна связь со стереотипным поведением, которое может отражать несовершенство мозговых механизмов переключения [Samson et al., 2014]. На выборке детей с РАС 3–12 лет показана положительная связь показателей регуляции эмоций и возрастом вербального развития (что еще раз подчеркивает важность освоения речи для созревания регуляторной системы), показателем социальной адаптации, личностными факторами открытости к новому опыту, добросовестности и экстраверсии [Nader-Grosbois, Mazzone, 2014].

Существующие методы абилитации детей с РАС в значительной мере включают поведенческое научение. Это неизбежный компонент, позволяющий сформировать адаптивное поведение и устранить нежелательные стратегии. Есть основания полагать, что на фоне дефицита средств эмоциональной обработки информации и ее осознанной регуляции широко используемым механизмом выступает подавление эмоций и их экспрессии. Это может вести к ряду вторичных нарушений. Так, показано, что в случае надежной привязанности к родителю, сенситивности и проницательности (попытки понимать мотивы поведения, индивидуальные особенности реагирования, чувства и мысли ребенка) родителя по отношению к ребенку с РАС, дети, при сохранении всех симптомов РАС, отчетливо лучше социализируются [Dolev et al., 2014; Oppenheim, 2009]. Готовность родителя прислушиваться к ребенку и контактировать с ним на уровне понимания и объяснения чувств и мыслей в определенной степени, как и возможность «широкой» социализации, зависит от тяжести симптомов РАС и ответных реакций ребенка. Однако, похоже, что она не полностью определяется ими, представляя собой частично независимое от состояния ребенка средовое влияние. На основе этого можно заключить, что, как и в случае нормотипичных детей, благоприятная среда спо-

способствует увеличению коммуникативных способностей детей с РАС, включающих и возможности управления эмоциями.

Мы предполагаем, что перспективным направлением изучения может быть сравнение возможностей и последствий контроля и подавления поведения у детей с РАС.

Выводы

1. Регуляция эмоций является составной частью исполнительных психических функций, находясь в тесном взаимодействии с когнитивной и произвольной / волевой регуляцией. Дисрегуляция эмоций рассматривается как ключевой механизм в формировании широкого спектра психопатологических симптомов.

2. Для формирования системы механизмов регуляции эмоций важное значение имеют как врожденные особенности нейрофизиологического субстрата, так и влияния социальной среды. Наиболее важные врожденные характеристики – это уровень сенсорной чувствительности и способность к контролю как к отсрочке или отмене доминантного ответа. Среди влияний среды важную роль (последовательно) играют качество привязанности к родителям, освоение вербализации эмоций и ее интериоризация и формирование модели психического.

3. Нарушение физиологического субстрата регуляции эмоций ведет к ее существенной дефицитарности, однако благоприятные среды могут оказывать частичное компенсирующее воздействие. Сохранность общих когнитивных функций также улучшает показатели регуляции эмоций при первичных нарушениях эмоциональной и коммуникативной сфер.

4. Проблема соотношения подавления импульса и его осознанного контроля в структуре регуляции эмоций нуждается в дальнейшей разработке для совершенствования методов абилитации широкого спектра нарушений психического функционирования, включая расстройства аутистического спектра.

Список литературы

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М.: Академический Проект, 2009.

Ньюкомб Н. Развитие личности ребенка. СПб.: Питер, 2002.

Польская Н. А., Разваляева А. Ю. Разработка опросника эмоциональной дисрегуляции // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25, № 4. С. 71–93. DOI 10.17759/cpp.2017250406

Потапова Н. А., Грехов Р. А., Сулейманова Г. П., Адамович Е. И. Проблемы изучения феномена алекситимии в психологии // Природные системы и ресурсы. 2016. Т. 16, № 2. С. 65–72. DOI 0.5688/jvolsul.206.2.8

Провоторов В. М., Чернов Ю. Н., Лышова О. В., Будневский А. В. Алекситимия // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2000. Т. 100, № 6. С. 66–70.

Сергиенко Е. А. Контроль поведения как основа саморегуляции // Российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 4. С. 130–146. DOI /10.31429/26190567-19-4-130-146

Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009.

Сергиенко Е. А. Эмоциональный интеллект – разработка понятия // Разработка понятий в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленской. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2019.

Тукаев Р. Д. Триггерные механизмы биологического и психического стресса в соотношении с диатез-стрессовыми моделями психиатрии // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. № 2. С. 69–76.

Черенева Е. А. Проблема воли и произвольности в психологии // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2011. № 5. С. 39–43.

Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2010.

Ahmetoğlu E., İldiz I, Acar G., Encinger I. A. Children's emotion regulation and attachment to parents: Parental emotion socialization as moderator. *Social Behavior and Personality: an international journal*, 2017, vol. 46, no. 6. DOI 10.2224/sbp.6795.

Aron E., Aron A. Sensory-Processing Sensitivity and Its Relation to Introversion and Emotionality // *Journal of personality and social psychology*, 1997. № 73. P. 345–368. DOI 10.1037/0022-3514.73.2.345.

Baer R., Smith G. T. Construct Validity of the Five Facet Mindfulness Questionnaire in Meditating and Nonmeditating Samples. *Assessment*. 2008. Vol. 15, № 3. P. 29–42. DOI 10.1177/1073191107313003

Branjerdporn G., Meredith P., Strong J., Green M. Sensory sensitivity and its relationship with adult attachment and parenting styles // *PLOS ONE*, 2019. Т. 14, № 1. e0209555.

Bonanno G. A., Burton C. L. Regulatory flexibility: an individual differences perspective on coping and emotion regulation // *Psychol. Sci.* 2014. № 8. P. 591–612. DOI 10.1177/1745691613504116

Boterber S., Warreyn P. Making sense of it all: The impact of sensory processing sensitivity on daily functioning of children // *Personality and Individual Differences*, 2016. Vol. 92. P. 80–86. DOI 10.1016/j.paid.2015.12.022

Butler E. A., Randall A. K. Emotional Coregulation in Close Relationships // *Emotion Review*. 2012. Vol. 5, № 2. P. 202–210. DOI 10.1177/1754073912451630

Campos J. J., Frankel C. B., Camras L. On the nature of emotion regulation // *Child Development*, 2004. Vol. 75. P. 377–394.

Cassidy J. Emotion regulation: influences of attachment relationships // *Monogr. Soc. Res. Child. Dev.* 1994. Vol. 59, № 2–3. P. 228–249.

Chan V., Weiss J. Emotion Regulation and Parent Co-Regulation in Children with Autism Spectrum Disorder // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2017. Vol. 47. P. 680–689. DOI 10.1007/s10803-016-3009-9

Cole P., Armstrong L. M., Pemberton C. K. The role of language in the development of emotion regulation. In: S. D. Calkins & M. A. Bell (Eds.). *Human brain development*.

Child development at the intersection of emotion and cognition. American Psychological Association. 2010. P. 59–77.

Dolev S., Oppenheim D., Koren-Karie N., Yirmiy N. Early attachment and a maternal insightfulness predict educational placement of children with autism // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2014. № 8. P. 958–967.

Eisenberg N., Cumberland A., Spinrad T. L., Fabes R. A., Shepard S. A., Reiser M. et al. The relations of regulation and emotionality to children's externalizing and internalizing problem behavior // *Child Development*. 2011. Vol. 72. P. 1112–1134.

Eisenberg N., Spinrad T. L. Emotion-related regulation: Sharpening the definition // *Child Development*. 2004. Vol. 75. P. 334–339.

Eisenberg N., Smith C. L., Sadovsky A., Spinrad T. L. Effortful Control: Relations with Emotion Regulation, Adjustment, and Socialization in Childhood. In: Baumeister, R. F. and Vohs, K. D. (Eds.) *Handbook of Self-Regulation: Research, Theory, and Applications*, Guilford Press, New York, 2004. P. 259–282.

Eisenberg N., Zhou Q., Spinrad T. L., Valiente C., Fabes R. A., Liew J. Relations among positive parenting, children's effortful control, and externalizing problems: a three-wave longitudinal study // *Child Dev.* 2005 Vol. 76, № 5. P. 1055–1071. DOI 10.1111/j.1467-8624.2005.00897.x.

Greven C. U., Lionetti F., Booth Ch., Aron E. N., Fox E., Schendan H. E., Pluess M., Bruining H., Acevedo B., Bijtbeier P., Homberg J. Sensory Processing Sensitivity in the context of Environmental Sensitivity: A critical review and development of research agenda // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2019. Vol. 98. P. 287–305. DOI 10.1016/j.neubiorev.2019.01.009.

Grimen H., Diseth H. Sensory Processing Sensitivity: Factors of the Highly Sensitive Person Scale and Their relationships to Personality and Subjective Health Complaints // *Comprehensive Psychology*. 2016. Vol. 5. P. 1–10. DOI 10.1177/2165222816660077.

Gross J. J., Tompson R. A. Emotion regulation: Conceptual foundations. In: J. J. Gross (Ed.). *Handbook of emotion regulation*. New York: Guilford Press, 2007. P. 3–24.

Guo Y., Garfin D., Goldberg W. Emotion co-regulation in mother-child dyads: a dynamic systems analysis of children with and without autism spectrum disorder // *J. Abnorm. Child. Psychol.* 2017. Vol. 45. P. 1369–1383. DOI 1369–1310.1007/s10802-016-0234-9

Jahromi L. B., Bryce C. I., Swanson J. The importance of self-regulation for the school and peer engagement of children with high-functioning autism // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2013. Vol. 7. P. 235–246. DOI 10.1016/j.rasd.2012.08.012

Jahromi L. B., Meek S. E., Ober-Reynolds S. Emotion regulation in the context of frustration in children with high functioning autism and their typical peers // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2012. Vol. 53. P. 1250–1258. DOI 10.1111/j.1469-7610.2012.02560.

Hilt L., Hanson J., Pollak S. Emotion Dysregulation. In: B. B. Brown and M. J. Prinstein (Eds.). *Encyclopedia of Adolescence*. Academic Press, 2011. P. 160–169. DOI 10.1016/B978-0-12-373951-3.00112-5.

Hollenstein T., Lanteigne D. M. Emotion Regulation Dynamics in Adolescence. In: Cole, P. M. C. & Hollenstein, T. (Eds.). *Emotion Regulation: A Matter of Time*. New York: Routledge. 2018.

Holodynski M., Friedlmeier W. *Development of Emotions and Their Regulation*. Springer Science & Business Media, 2006.

Kagan J., Reznick J. S., Snidman N. Biological bases of childhood shyness // *Science*. 2008. Vol. 240, I. 4849. P. 167–171. DOI 10.1126/science.3353713

Kochanska G., Murray K., Harlan E. T. Effortful control in early childhood: continuity and change, antecedents, and implications for social development // *Developmental psychology*, 2020. Vol. 36, № 2. P. 220–232. DOI 10.1037/0012-1649.36.2.220

Leerkes E. M., Wong M. S. Infant Distress and Regulatory Behaviors Vary as a Function of Attachment Security Regardless of Emotion Context and Maternal Involvement // *Infancy*. 2012. Vol. 17, № 5. P. 455–478. DOI 10.1111/j.1532-7078.2011.00099

Lengua L. J. Growth in Temperament and Parenting as Predictors of Adjustment During Children's Transition to Adolescence // *Dev Psychol*. 2006. Vol. 42, № 5. P. 819–832. DOI 10.1037/0012-1649.42.5.819

Mazefsky C. A., Borue X., Day T. N., Minshew N. J. Emotion regulation patterns in adolescents with high-functioning autism spectrum disorder: Comparison to typically developing adolescents and association with psychiatric symptoms // *Autism Research*. 2014. № 7. P. 344–354.

Nader-Grosbois N., Mazzone S. Emotion Regulation // *Personality and Social Adjustment in Children with Autism Spectrum Disorders Psychology*. 2014. Vol. 5, № 15. DOI 10.4236/psych.2014.515182

Neacsiu A. D., Bohus M., Linehan M. M. Dialectical Behavior Therapy: An Intervention for Emotion Dysregulation. In: J. J. Gross. (Ed.) *Handbook of Emotion Regulation*. NY: Guilford Press, 2014. P. 491–507.

Naragon-Gainey K., McMahon T. P., Chacko T. P. The structure of common emotion regulation strategies: a meta-analytic examination // *Psychol. Bull.* 2017. Vol. 143, № 4. P. 384–427. DOI 10.1037/bul0000093

Oppenheim D., Koren-Karie N., Dolev S., Yirmiya N. Maternal Insightfulness and Resolution of the Diagnosis Are Associated // *Child Development*. 2009. Vol. 80, № 2. P. 519–527. DOI 10.1111/j.1467-8624.2009.01276.x

Ostfeld-Etzion S., Hirschler-Guttenberg Y., Laor N., Golan O. Self-regulated compliance in preschoolers with autism spectrum disorder: The role of temperament and parental disciplinary style // *Autism*. 2015a. Vol. 20. P. 868–878. DOI 10.1177/1362361315615467

Ostfeld-Etzion S., Golan O., Hirschler-Guttenberg Y., Zagoory-Sharon O., Feldman R. Neuroendocrine and behavioral response to social rupture and repair in preschoolers with autism spectrum disorders interacting with mother and father // *Mol Autism*. 2015b. Vol. 6. P. 11–24. DOI 10.1186/s13229-015-0007-2

Rothbart M. K., Sheese B. E., Rueda M. R., Posner M. I. Developing Mechanisms of Self-Regulation in Early Life // *Emotion Review*. 2011. Vol. 3, № 2. P. 207–213. DOI 10.1017/S0954579400003096

Roth G., Vansteenkiste M., Ryan R. Integrative emotion regulation: Process and development from a self-determination theory perspective // *Development and Psychopathology*. 2019. V.31. P. 1-12. DOI: 10.1017/S0954579419000403.

Samson A. C., Phillips J. M., Parker K. J., Shah S., Gross J. J., Hardan A. Y. Emotion Dysregulation and the Core Features of Autism Spectrum Disorder // *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2014. Vol. 44. P. 1766–1772. DOI 10.1007/s10803-013-2022-5

Selby E. A., Joiner Jr. T. E. Cascades of emotion: The emergence of borderline personality disorder from emotional and behavioral dysregulation // *Review of General Psychology*. 2009. Vol. 13, № 3. P. 219–229. DOI 10.1037/a0015687

Sloan E., Hall K., Moulding R., Bryce S., Mildred H., Staiger P. K. Emotion regulation as a transdiagnostic treatment construct across anxiety, depression, substance, eating and borderline personality disorders: a systematic review // *Clin. Psychol. Rev.* 2017. Vol. 57. P. 141–163. DOI 10.1016/j.cpr.2017.09.002

Smolewska K., McCabe S., Woody E. A psychometric evaluation of the Highly Sensitive Person Scale: The components of sensory-processing sensitivity and their relation to the BIS/BAS and “Big Five” // *Personality and Individual Differences*. 2006. Vol. 40, № 6. P. 1269–1279. DOI 10.1016/j.paid.2005.09.022

Urry H. L., Gross J. Emotion Regulation in Older Age // *Current Directions in Psychological Science*, 2010. Vol. 19. P. 352–357. DOI 10.1177/0963721410388395

Waters S. F., Virmani E. A., Thompson R. A., Meyer S., Raikes H. A., Jochem R. Emotion Regulation and Attachment: Unpacking Two Constructs and Their Association // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2009. Vol. 32. P. 37–47. DOI 10.1007/s10862-009-9163-z

Wolff de M., van IJzendoorn M. Sensitivity and Attachment: A Meta-Analysis on Parental Antecedents of Infant Attachment // *Child development*. 1997. Vol. 68. P. 571–591. DOI 10.1111/j.1467-8624.1997.tb04218.x.

Zentner M., Bates J. E. Child Temperament: An Integrative Review of Concepts, Research Programs, and Measures // *International journal of developmental science*. 2008. Vol. 2. P. 7–37. DOI 10.3233/DEV-2008-21203

References

Goleman, D. (2013) *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ*. [Emocional'nyj intellekt. Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber. (in Russ.)

Kitaev-Smyk, L. A. (2009) Stress psychology. Psychological anthropology of stress [Psihologija stressa. Psihologicheskaja antropologija stressa]. Moscow, Akademicheskij Proekt. (in Russ.)

Newcomb, N. (2002) Child Development Change over Time [Razvitie lichnosti rebenka]. St. Petersburg, Piter. (in Russ.)

Polskaya, N. A., Razvalyaeva, A. Yu. (2017) Developing an emotional dysregulation questionnaire [Razrabotka oprosnika jemocional'noj disreguljacii]. *Counseling psychology and psychotherapy* [Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija], 25 (4), 71–93. DOI 10.17759/cpp.2017250406 (in Russ.)

Potapova, N. A., Grehov, R. A., Sulejmanova, G. P., & Adamovich, E. I. Problems of studying the phenomenon of alexithymia in psychology [Problema izuchenija fenomena aleksitimii v psihologii]. *Natural systems and resources [Natural'nyj sistemy i resursy]*, 16 (2), 65–72. DOI 0.5688/jvolsul.206.2.8 (in Russ.)

Provotorov V. M., Chernov Yu. N., Lyshova O. V., & Budnevsky A. V. (2000) Alexithymia [Alexithymia]. *Journal of Neurology and Psychiatry named after S. S. Korsakov [Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova.]*, 100 (6), 66–70. (in Russ.)

Sergienko E. A. (2018) Behavior control as a basis for self-regulation [Kontrol' povedenija kak osnova samoreguljaccii]. *Russian Journal of Social Sciences [Rossijskij zhurnal social'nyh nauk]*, 19 (4), 130–146. DOI 10.31429/26190567-19-4-130-146 (in Russ.)

Sergienko E. A., Lebedeva E. I., & Prusakova O. A. (2009) The model of mind as the basis of becoming an understanding of ontogenesis [Model' psihicheskogo kak osnova stanovlenija ponimaniya sebja i drugogo v ontogeneze]. Moscow, Izd-vo Instituta psihologii RAN. (in Russ.)

Sergienko E. A. (2019) Emotional intelligence – the development of the concept [Jemocional'nyj intellekt – razrabotka ponjatija]. In: Development of concepts in modern psychology [Razrabotka ponjatij v sovremennoj psihologii (pod red. A. L. Zhuravleva, E. A. Sergienko, G. A. Vilenskoj)]. Moscow, Izd-vo Instituta psihologii RAN (in Russ.)

Tukaev R. D. (2012) Trigger mechanisms of biological and mental stress in relation to diathesis-stress models of psychiatry [Triggernye mehanizmy biologicheskogo i psihicheskogo stressa v sootnesenii s diatez-stressovymi modeljami psikiatrii]. *Social and clinical psychiatry [Social'naja i klinicheskaja psikiatrija]*, 2, 69–76. (in Russ.)

Chereneva E. A. (2011) The problem of voluntry and controllability in psychology. *Bulletin of BSU. Education. Personality. Society [Vestnik BGU. Obrazovanie. Lichnost'. Obshhestvo]*, 5, 39–43. (in Russ.)

Ekman P. (2010) Psychology of lies. Deceive me if you can [Psihologija lzhi. Obmani menja, esli smozhesh']. St. Petersburg, Piter. (in Russ.)

Ahmetoğlu, E., Ildiz, I., Acar, G., & Encinger, I. A. (2017) Children's emotion regulation and attachment to parents: Parental emotion socialization as moderator. *Social Behavior and Personality: an international journal*. 46 (6). DOI 10.2224/sbp.6795.

Aron, E., & Aron, A. (1997) Sensory-Processing Sensitivity and Its Relation to Introversion and Emotionality. *Journal of personality and social psychology*. 1997, 73, 345–368. DOI 10.1037/0022-3514.73.2.345.

Baer, R., & Smith, G.T. (2008) Construct Validity of the Five Facet Mindfulness Questionnaire in Meditating and Nonmeditating Samples. *Assessment*, 15 (3), 329–342. DOI 10.1177/1073191107313003

Branjerdporn, G., Meredith, P., Strong, J., & Green, M. (2019) Sensory sensitivity and its relationship with adult attachment and parenting styles *PLOS ONE*, 14 (1), e0209555.

Bonanno, G. A., & Burton, C. L. (2014) Regulatory flexibility: an individual differences perspective on coping and emotion regulation. *Psychol. Sci.*, 8, 591–612. DOI 10.1177/1745691613504116

- Boterber, S., & Warreyn, P. (2016) Making sense of it all: The impact of sensory processing sensitivity on daily functioning of children *Personality and Individual Differences*, 92, 80–86. DOI 10.1016/j.paid.2015.12.022
- Butler, E. A., & Randall, A. K. (2012) Emotional Coregulation in Close Relationships. *Emotion Review*, 5 (2), 202–210. DOI 10.1177/1754073912451630
- Campos, J. J., Frankel, C. B., & Camras, L. (2004) On the nature of emotion regulation. *Child Development*, 75, 377–394.
- Cassidy, J. (1994) *Emotion regulation: influences of attachment relationships*. Monogr. Soc. Res. Child. Dev., 59, 2–3, 228–249.
- Chan, V., & Weiss, J. (2017) Emotion Regulation and Parent Co-Regulation in Children with Autism Spectrum Disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 47, 680–689. DOI 10.1007/s10803-016-3009-9
- Cole, P., Armstrong, L. M., & Pemberton, C.K. (2010) The role of language in the development of emotion regulation. In: S. D. Calkins & M. A. Bell (Eds.). *Human brain development. Child development at the intersection of emotion and cognition*. American Psychological Association. 59–77.
- Dolev, S., Oppenheim, D., Koren-Karie, N., & Yirmiy, N. (2014) Early attachment and maternal insightfulness predict educational placement of children with autism. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 8, 958–967.
- Eisenberg, N., Cumberland, A., Spinrad, T. L., Fabes, R. A., Shepard, S. A., Reiser, M. et al. (2011) The relations of regulation and emotionality to children's externalizing and internalizing problem behavior. *Child Development*, 72, 1112–1134.
- Eisenberg, N., & Spinrad, T. L. (2004) Emotion-related regulation: Sharpening the definition. *Child Development*, 75, 334–339.
- Eisenberg, N., Smith, C. L., Sadovsky, A., & Spinrad, T. L. (2004) Effortful Control: Relations with Emotion Regulation, Adjustment, and Socialization in Childhood. In: Baumeister, R. F. and Vohs, K. D. (Eds.) *Handbook of Self-Regulation: Research, Theory, and Applications*. Guilford Press, New York. 259–282.
- Eisenberg, N., Zhou, Q., Spinrad, T. L., Valiente, C., Fabes, R. A., & Liew, J. (2005) Relations among positive parenting, children's effortful control, and externalizing problems: a three-wave longitudinal study. *Child. Dev.*, 76 (5). P. 1055–1071. DOI 10.1111/j.1467-8624.2005.00897.x.
- Greven, C. U., Lionetti, F., Booth, Ch., Aron, E. N., Fox, E., Schendan, H. E., Pluess, M., Bruining, H., Acevedo, B., Bijtbeier, P., & Homberg, J. (2019) Sensory Processing Sensitivity in the context of Environmental Sensitivity: A critical review and development of research agenda. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 98, 287–305. DOI 10.1016/j.neubiorev.2019.01.009.
- Grimen, H., & Diseth, H. (2016) Sensory Processing Sensitivity: Factors of the Highly Sensitive Person Scale and Their relationships to Personality and Subjective Health Complaints *Comprehensive Psychology*, 5, 1–10. DOI 10.1177/2165222816660077.
- Gross, J. J., Tompson, R. A. (2007) Emotion regulation: Conceptual foundations. In: J. J. Gross (Ed.), *Handbook of emotion regulation*. New York: Guilford Press, 3–24.

- Guo, Y., Garfin, D., & Goldberg, W. (2017) Emotion co-regulation in mother-child dyads: a dynamic systems analysis of children with and without autism spectrum disorder. *J. Abnorm. Child. Psychol.*, 45, 1369–1383. DOI 10.1007/s10802-016-0234-9
- Jahromi, L. B., Bryce, C. I., & Swanson, J. (2013) The importance of self-regulation for the school and peer engagement of children with high-functioning autism. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 7, 235–246. DOI 10.1016/j.rasd.2012.08.012
- Jahromi, L. B., Meek, S. E., & Ober-Reynolds, S. (2012) Emotion regulation in the context of frustration in children with high functioning autism and their typical peers. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 53, 1250–1258. DOI 10.1111/j.1469-7610.2012.02560.
- Hilt, L., Hanson, J., & Pollak, S. (2011) Emotion Dysregulation. In: B. B. Brown and M. J. Prinstein (Eds.) *Encyclopedia of Adolescence*. Academic Press, 160–169. DOI 10.1016/B978-0-12-373951-3.00112-5.
- Hollenstein, T., & Lanteigne, D. M. (2018) Emotion Regulation Dynamics in Adolescence. In: Cole, P. M. C. & Hollenstein, T. (Eds.). *Emotion Regulation: A Matter of Time*. New York: Routledge.
- Holodynski, M., & Friedlmeier, W. (2006) *Development of Emotions and Their Regulation*. Springer Science & Business Media.
- Kagan, J., Reznick, J. S., & Snidman, N. (2008) Biological bases of childhood shyness. *Science*. 2008. 240 (4849), 167–171. DOI 10.1126/science.3353713
- Kochanska, G., Murray, K., & Harlan, E. T. (2000) Effortful control in early childhood: continuity and change, antecedents, and implications for social development *Developmental psychology*, 36 (2), 220–232. DOI 10.1037/0012-1649.36.2.220
- Leerkes, E. M., & Wong, M. S. (2012) Infant Distress and Regulatory Behaviors Vary as a Function of Attachment Security Regardless of Emotion Context and Maternal Involvement. *Infancy*, 17 (5), 455–478. DOI 10.1111/j.1532-7078.2011.00099
- Lengua, L. J. (2006) Growth in Temperament and Parenting as Predictors of Adjustment During Children's Transition to Adolescence. *Dev. Psychol.*, 42 (5), 819–832. DOI 10.1037/0012-1649.42.5.819
- Mazefsky, C. A., Borue, X., Day, T. N., & Minshew, N. J. (2014) Emotion regulation patterns in adolescents with high-functioning autism spectrum disorder: Comparison to typically developing adolescents and association with psychiatric symptoms. *Autism Research*, 7, 344–354.
- Nader-Grosbois, N., & Mazzone, S. (2014) Emotion Regulation. *Personality and Social Adjustment in Children with Autism Spectrum Disorders Psychology*, 5 (15). DOI 10.4236/psych.2014.515182
- Neacsiu, A. D., Bohus, M., & Linehan, M. M. (2014) Dialectical Behavior Therapy: An Intervention for Emotion Dysregulation. In: J. J. Gross. (Ed.) *Handbook of Emotion Regulation*. NY: Guilford Press, 491–507.
- Naragon-Gainey, K., McMahon, T. P., & Chacko, T. P. (2017) The structure of common emotionregulation strategies: a meta-analytic examination. *Psychol. Bull.*, 143 (4), 384–427. DOI 10.1037/bul0000093
- Oppenheim, D., Koren-Karie, N., Dolev, S., & Yirmiya, N. (2009) Maternal Insightfulness and Resolution of the Diagnosis Are Associated *Child Development*, 80 (2), 519–527. DOI 10.1111/j.1467-8624.2009.01276.x

Ostfeld-Etzion, S., Hirschler-Guttenberg, Y., Laor, N., & Golan, O. (2015a) Self-regulated compliance in preschoolers with autism spectrum disorder: The role of temperament and parental disciplinary style. *Autism*, 20, 868–878. DOI 10.1177/1362361315615467

Ostfeld-Etzion, S., Golan, O., Hirschler-Guttenberg, Y., Zagoory-Sharon, O., & Feldman, R. (2015b) Neuroendocrine and behavioral response to social rupture and repair in preschoolers with autism spectrum disorders interacting with mother and father. *Mol. Autism*, 6, 11–24. DOI 10.1186/s13229-015-0007-2

Rothbart, M. K., Sheese, B. E., Rueda, M. R., & Posner, M. I. (2011) Developing Mechanisms of Self-Regulation in Early Life. *Emotion Review*, 3 (2), 207–213. DOI 10.1017/S0954579400003096

Roth, G., Vansteenkiste, M., & Ryan, R. (2019) Integrative emotion regulation: Process and development from a self-determination theory perspective *Development and Psychopathology*, 31, 1–12. DOI 10.1017/S0954579419000403.

Samson, A. C., Phillips, J. M., Parker, K. J., Shah, S., Gross, J. J., & Hardan, A. Y. (2014) Emotion Disregulation and the Core Features of Autism Spectrum Disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 44, 1766–1772. DOI 10.1007/s10803-013-2022-5

Selby, E. A., & Joiner, Jr. T. E. (2009) Cascades of emotion: The emergence of borderline personality disorder from emotional and behavioral dysregulation. *Review of General Psychology*, 13 (3), 219–229. DOI 10.1037/a0015687

Sloan, E., Hall, K., Moulding, R., Bryce, S., Mildred, H., & Staiger, P. K. (2017) Emotion regulation as a transdiagnostic treatment construct across anxiety, depression, substance, eating and borderline personality disorders: a systematic review *Clin. Psychol. Rev.*, 57, 141–163. DOI 10.1016/j.cpr.2017.09.002

Smolewska, K., McCabe, S., & Woody, E. A. (2006) psychometric evaluation of the Highly Sensitive Person Scale: The components of sensory-processing sensitivity and their relation to the BIS/BAS and “Big Five”. *Personality and Individual Differences*, 40 (6), 1269–1279. DOI 10.1016/j.paid.2005.09.022

Urry, H. L., & Gross, J. (2010) Emotion Regulation in Older Age. *Current Directions in Psychological Science*, 19, 352–357. DOI 10.1177/0963721410388395

Waters, S. F., Virmani, E. A., Thompson, R. A., Meyer, S., Raikes, H. A., Jochem, R. (2009) Emotion Regulation and Attachment: Unpacking Two Constructs and Their Association. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 32, 37–47. DOI 10.1007/s10862-009-9163-z

Wolff de, M., & van IJzendoorn, M. (1997) Sensitivity and Attachment: A Meta-Analysis on Parental Antecedents of Infant Attachment. *Child development*, 68, 571–591. DOI 10.1111/j.1467-8624.1997.tb04218.x.

Zentner, M., & Bates, J. E. (2008) Child Temperament: An Integrative Review of Concepts, Research Programs, and Measures. *International journal of developmental science*, 2, 7–37. DOI 10.3233/DEV-2008-21203

Материал поступил в редакцию

The article was submitted

12.06.2020

Сведения об авторе

Дорошева Елена Алексеевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры сравнительной психологии Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Elena.dorosheva@mail.ru

Scopus Author ID 6504158742

AuthorID RSCI 95192

Information about the Author

Elena A. Dorosheva – PhD, Associate Professor of the Section of Comparative Psychology at the Institute of Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Elena.dorosheva@mail.ru

Scopus Author ID 6504158742

AuthorID RSCI 95192

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-128-139

Модально-интенциональное понимание рефлексии

Т. Э. Сизикова

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В современных условиях нарастающей сложности и неопределенности рефлексии как необходимому условию самоорганизации и саморазвития уделяется повышенное внимание в психологических исследованиях. В рамках неклассической парадигмы исследованы деятельностные составляющие рефлексии: способы, виды, формы, средства, механизмы, процессы, этапы, свойства, раскрывающиеся в существовании рефлексии в мышлении, сознании, личности, восприятии и деятельности. Мы обратились к определению самостоятельного существования рефлексии, следовательно, ее онтологии. Мы выделили модальности рефлексии, разработали на основе принципа триангуляции триангулярную сеть модальностей рефлексии, пронизанную интенциональностью рефлексии и регулируемую на основе динамического равновесия с помощью самой же рефлексии, ее модальностей. Такое системное представление о целостности рефлексии соответствует принципам постнеклассической парадигмы и имеет прикладное значение: модально-интенциональный анализ рефлексии позволяет выделять не только уровень развитости модальностей и направленностей, но и целенаправленно влиять на развитие для повышения устойчивости личности в ситуациях проблемности и неопределенности.

Ключевые слова

рефлексия, модальность, интенциональность, принцип триангуляции, динамическое равновесие, целостность, модальный анализ, онтология

Для цитирования

Сизикова Т. Э. Модально-интенциональное понимание рефлексии // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 128–139. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-128-139

Modal-Intentional Understanding of Reflection

T. E. Sizikova

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In modern conditions of increasing complexity and uncertainty, reflection as a necessary condition for self-organization and self-development, is given increased attention in psychological research. Within the framework of the non-classical paradigm, the activity components of reflection are investigated: methods, types, forms, means, mechanisms, processes, stages, properties that are revealed in the existence of reflection in thinking, consciousness, personality, perception and activity. We turned to the definition of the independent existence of reflection, therefore, its ontology. We have identified the modalities of reflection,

© Т. Э. Сизикова, 2020

developed on the basis of the principle of triangulation a triangular network of modalities of reflection, permeated with the intentionality of reflection and regulated on the basis of dynamic balance with the help of reflection itself, its modalities. Such a systemic view of the integrity of reflection corresponds to the principles of the post-nonclassical paradigm and has an applied meaning – modal – intentional analysis of reflection allows to single out not only the level of development of modalities and orientations, but also to purposefully influence development to increase the stability of the personality in situations of problematicity and uncertainty.

Keywords

reflection, modality, intentionality, triangulation principle, dynamic equilibrium, integrity, modal analysis, ontology

For citation

Sizikova, T. E. (2020). Modal-Intentional Understanding of Reflection. *Reflexio*, 13 (1), 128–139. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-128-139

В современных условиях, которые все чаще характеризуют как мир с возрастающей неопределенностью, проявляются две важные тенденции: наращивание технических средств, к которым относится и искусственный интеллект, и поиск опор устойчивости внутри каждого человека, сообщества, государства. В отношении первой тенденции М. Хайдеггер призывал: «Мы можем сказать “да” неизбежному использованию технических средств и одновременно сказать “нет”, поскольку мы запретим им затребовать нас и таким образом извращать, сбивать с толку и опустошать нашу сущность» [Хайдеггер, 1991. С. 109]. Вторая тенденция – это сугубо внутреннее определение человеком своих опор: духовных, психологических и опор физического здоровья.

Цель данной статьи – раскрыть рефлексии как опору в ситуациях неопределенности, показать новую модель рефлексии, с помощью которой могут быть решены задачи оптимального ориентирования в этих условиях и осуществления выбора наиболее оптимального решения противоречий.

Неопределенность как недостаток определения в первую очередь связана с противоречиями. R. W. Norton с помощью контент-анализа научных текстов установил, что понятие «неопределенность» ассоциативно связано с такими категориями, как множественность суждений, неточность, незавершенность, фрагментация, вероятность, неструктурированность, дефицит информации, сомнение, несогласованность и противоречивость, непонятность [Norton, 1975]. В этой связи такие понятия, как «самоорганизация» и «свобода» становятся ключевыми. Н. М. Урманцев писал: «только в неразрывной связи свободы человека с нарастающей неопределенностью его жизненного мира и неоднозначностью его самоидентификации, открывается возможность перманентного поиска дополнительных бытийственных и метафизических горизонтов. При этом ситуация неопределенности, рефлексия и выбор человека выступают как имманентные условия его свободы» [Урманцев, 2008]. Исследователь также считает, что «постнеклассическая наука, пронизанная идеей самоорганизации, принимает факт существования человека как наиболее достоверный и исходит из него для построения универсальной теории» [Там же. С. 27]. Мы предполагаем, что новая, возможно, универсальная психологическая теория неизбежно будет связана с новым представлением о реф-

лексии, позволяющем видеть в ней основное средство устойчивости в неопределенности.

Рефлексия как категория исследовалась разными науками: философией, психологией, лингвистикой, современными техническими науками. В основном в ней раскрывали гносеологическую составляющую, и она представлялась в качестве механизма, процесса, способа, способности, метакогнитивного механизма и др. Мы выделяем три подхода в исследовании рефлексии, названия их условны, связаны со сменой парадигм и научных принципов в исследовании психологических объектов: 1) классический подход, при котором рефлексия рассматривается как интроспекция, и его современное, постнеклассическое продолжение в феноменологических исследованиях в виде самонаблюдения и анализа различного рода соответствий – темпоральности; 2) неклассический подход, имеющий много направлений: в первую очередь это деятельностный и культурно-исторические подходы, личностно-ориентированный, когнитивный, системный, синергичный подходы, рассматривающие многообразие проявлений рефлексии в сознании, мышлении, деятельности, личности; 3) постнеклассический подход, аккумулировавший опыт предыдущих неклассических атрибутивных исследований в понимание самостоятельной сущности рефлексии в психике и поиск на основании этого онтологии рефлексии; регулятивный, дифференцированный, модальный подходы изучения рефлексии.

Мы считаем, что именно модальный подход в исследовании рефлексии отвечает запросам на устойчивость к неопределенности. М. Хайдеггер писал о почве для будущего коренения: «Возможно то, что мы ищем, очень близко, что мы его просто проглядели. Ведь путь к тому, что близко, для нас, людей, всегда самый дальний и потому самый трудный» [Хайдеггер, 1991. С. 109]. Модальное понимание рефлексии лежало и лежит на поверхности, и только в постнеклассический период обострения всех условий, вызвавших необходимость обучения самоорганизации, осуществляемой за счет и с помощью рефлексии, встал вопрос о новых моделях рефлексии, способных решать насущные задачи, тем самым высветив из прошлых моделей механизмов, средств, видов, форм рефлексии и накопленного о ней гносеологического знания, возможность целостного исследования, что означает обращение к ее онтологии. Модальный подход к рефлексии был предпринят в исследованиях В. К. Васильева [2016] и Л. М. Найденовой [2011]. В. К. Васильев свел представление о модальности к типу рефлексии и определил четыре типа рефлексии: интеллектуальная, личная, праксеологическая и рефлексия в форме диалога. В качестве средства идентификации типов рефлексии он применил расчетные случаи, в которых эти типы упоминались в 120 научных работах по рефлексии [Васильев, 2016]. Л. М. Найденова выделила рефлексивные модальности в текстах людей в ходе коммуникации, организованной с помощью рефлексивного интервью, модифицированного в психодиагностическую методику, подсчитала частоту обращений к разным модальностям рефлексии в разных контекстах. В частности, к индивидуально-рефлексивному аспекту: «Я обращаюсь мыслями к своим чувствам... отношениям... знаниям... опыту...», и групп-рефлексивному аспекту (три компонента): «Я разговариваю с друзьями о себе и своих чувствах... отношениях... знаниях... опыте», «Я разговариваю с родителями о себе и своих чувствах... отно-

шениях... знаниях... опыте», «Я разговариваю с другими людьми о себе и своих чувствах... отношениях... знаниях... опыте» [Найденова, 2011. С. 193–194]. На основе этого определены четыре модальности рефлексии: знания, опыт, отношения, чувства.

Мы предприняли иной путь в определении модальностей рефлексии. Модальность, как ее определила А. А. Медова, является единицей целостности, несущей в себе онтологическое существование объекта [Медова, 2016]. Как считает З. С. Лысова, «непосредственный модальный анализ сущего – это чистый фундаментальный онтологический анализ. Его можно найти практически в любой онтологической системе. Наиболее знаковыми для становления программы модального анализа являются концепции Аристотеля, Г. В. Лейбница, И. Канта, Й. Ф. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля и Н. Гартмана. Именно в этих концепциях происходит становление модальных доминант как первичных категорий» [Лысова, 2007. С. 24]. А. Н. Трубина подчеркивает, что модальность является категорией, которая синтезирует в себе все модальные понятия, позволяющие выразить многообразные состояния субстанции [Трубина, 2015]. По ее мнению, ключевой характеристикой модальности является вариативность, которая позволяет передать многообразие состояний. Модальность выражается в категориях. К модальным категориям в философии отнесены действительное, необходимое, возможное и их противоположности. Отношения между этими категориями являются предметом исследования в трудах М. Н. Эпштейна [2001] и других философов. А. А. Медовой был поставлен вопрос о том, как из отношений одних модальностей появляются другие [Медова, 2016].

В своем теоретическом представлении рефлексии мы попытались определить модальности рефлексии и показать, как из отношений между ними образуются новые категории. В практическом отношении мы считаем, что само обозначение категории при переводе из онтологической плоскости в гносеологическую указывает на практическое применение. Например, категория возможного в гносеологическом аспекте выражается в средствах поиска возможного, средствах и способах определения, выделения возможного. Главное знать, что необходимо это возможное в практической деятельности, общении и отношении человека к самому себе найти. Для того чтобы что-то искать, важно знать, что искать. Именно поэтому обращение к онтологии рефлексии даст всё необходимое для гносеологической проекции, позволит с совершенно иных позиций подойти к обучению и организации условий для развития рефлексии.

Модальная суть рефлексии

Определяя психологическую онтологию рефлексии как частную онтологию, мы, в первую очередь, обратились к всеобъемлющим онтологиям, последней из которых является критическая онтология Н. Гартмана [1988]. О данной онтологии С. В. Чебанов в своем докладе, посвященном слоистой онтологии Николая Гартмана и ее отношению к предельным вопросам, отметил, что Н. Гартман является последним в европейской традиции создателем «философской системы, причем системы онтологии, что вообще является редкостью для XX века, озабоченного

аксиологией, этикой, эпистемологией. Поэтому новая онтология Гартмана привлекает особое внимание»¹.

В данной онтологии имеются широкие возможности для нового понимания рефлексии. Во-первых, Н. Гартман применил модальный анализ для определения сущности бытия: «Само бытие нельзя ни определить, ни объяснить. Но можно отличить виды бытия и анализировать их модусы. Тем самым их можно осветить изнутри. Это осуществляется модальным анализом реального и идеального бытия... Модальный анализ – ядро новой онтологии» [Гартман, 1988. С. 322]. Данный способ позволяет исследовать все феномены бытия, в том числе и рефлексии, с помощью модального анализа. В модальный анализ Н. Гартман вводит понятия «модус», «способ» и «момент бытия», каждое из которых собирает в себе пары противоположностей. Модусы выделяются в паре «возможное и действительное», способы – в паре «реальное и идеальное», моменты – в паре «сущее – существование». Модусы, способы и моменты – это определенные режимы существования бытия в целом и в концепции всеединства, любой единице целого, соответственно, и в рефлексии. Модусы, способы и моменты своим наложением образуют модальный многогранник бытия, пронизывающий все его четыре слоя: физически-материальный, органически-живой, душевный, исторически-духовный, между которыми нет иерархических отношений. Применяв модальный анализ Н. Гартмана, мы выделили в рефлексии модусы ее существования, тем самым существования в ней чего-то в виде текста и текстов в тексте: рефлексивный текст, рефлексивное интервью, автобиография, внутренний диалог и прочее.

Мы выделяем следующие модусы рефлексии: модус возможного – невозможного, модус действительного – недействительного, модус необходимого – случайного. Они относятся к типу онтических модальностей: модальностей, присущих бытию в целом. Н. Гартман в своих работах не различает четко понятия «модальность» и «модус», и в одних фрагментах текста возможное, необходимое, действительное и их противоположности обозначает как модусы, в других – как модальности. Мы обозначаем их в тексте как модальности. Модальный анализ заключается в выделении этих модальностей в рефлексии, определении отношений между ними, обосновании способа проявления модальностей и определении особенностей модальностей относительно момента.

Так, для условий неопределенности в рефлексии представляется правильным рассматривать рефлексии на предмет того, выделяются ли в ней возможности для решения поставленных задач, ограниченные необходимостью и действительностью; представлены ли пути перевода необходимости в действительность, исходя из возможностей; определяется ли достоверность действительного через призму возможного и необходимого. Те же исследования осуществляются с противоположными модальностями. На практике недостаточно определения механизмов, процессов и видов рефлексии для обеспечения ее эффективности и разрешения затруднений: всё это обеспечивает существование и развитие рефлексии как средства, но не ее содержания. Содержание рефлексии вырабатывается в рамках модальностей.

---

¹ Чужов А. Л., Чебанов С. В. Николай Гартман на «Днях философии в Санкт-Петербурге – 2014». URL: <http://www.holiz.ru/index.php/nikolaj-gartman-na-dnyakh-filosofii-v-sankt-peterburge-2014>.

Между шестью онтическими модальностями мы выделяем не парные, традиционно исследуемые в философии, а треугольные (тройственные) отношения. Эти отношения между модальностями задают треугольную сеть модальностей. Второй ряд этой сети составляют модальности темпорального, сознательного, многомерного, достаточного, трансградиентного, трансцендентного и их противоположности [Сизикова, 2019].

Так, треугольные отношения между модальностями *недействительного – возможного – необходимого* порождают модальность *сознательного*. Это означает, что рефлексия в своем сознательном существовании не является действительной, может не выстраиваться на фактах реальности, но выделять возможности, которые, в свою очередь, тоже являются не действительными, но ограниченными необходимостью, приближаются к действительному, оставаясь не действительными. Такие отношения между онтическими модальностями порождают модальность *сознательного*. Модальность *несознательного* порождается отношениями модальностей *действительного – невозможного – случайного*. Эти отношения в большей степени характеризуют *бессознательное* в сознании, которое в сознании более реально по сравнению с *сознательным*, так как при осознании его приближает человека к истине в себе. Рефлексия, выстраивающаяся в рамках, когда *невозможное* и *случайное* отдаляют ее от реальности, может привести к фантазиям, искажению понимания реальности, и всё это выстраивается на той психологической действительности, которой характеризуется *бессознательное*, определяющее истинное реагирование, а значит, более соответствующее действительному человеку в ситуации неопределенности. При анализе рефлексии следует обращать внимание и искать *несознательное* в рефлексии, и тем самым сама рефлексия себя же и будет развивать. Проявления модальности *несознательного бытия* рефлексии, например, в мышлении, сознании и др., очевидны: мы не сознаем текущую фоновую рефлексии [Гордеева, Зинченко, 2002], быструю рефлексии [Лефевр, Адамс-Веббер, 2001].

Отношения модальностей *недействительного – возможного – случайного* порождают модальность *нетрансградиентного*, характеризующую рефлексии как не преодолевающую ею же поставленные границы. *Возможное* в рефлексии за счет *случайного* не приближается к действительному, и само *недействительное* не позволяет правильно распознавать или расставлять границы, тем самым усиленное *недействительное* не позволяет рефлексии осуществить преодоление границ, и в ней самой границы не преодолеваются, а вот отношения модальностей *действительного – невозможного – необходимого* позволяют преодолеть границы, и это является способом существования рефлексии как преодолевающей границы и модальность *трансградиентного*.

Отношения модальностей *недействительного – невозможного – необходимого* характеризуют модальность *трансцендентного*. Постигание высших смыслов бытия, к которым неизбежно может стремиться рефлексия развивающейся личности, сочетает в себе *недействительность божественного* и *невозможность его достижения*, но обусловлено необходимостью. Выделение в рефлексии данной модальности позволяет определять, например, исходя из каких смыслов – высших или иных – личность понимает действительность, себя в окружающем мире, чем она

руководствуется, принимая то или иное решение в ситуациях сомнения, что определяет ее действия и поступки. В характеристике данной модальности явно прослеживается мотивационный аспект. Противоположная модальность образуется из отношений действительного – возможного – случайного, характеризуется прагматическими аспектами бытия, допускает случайную реализацию возможного как действие божественного в интерпретации человеком реальности.

Модальность рефлексии многомерного свидетельствует сама за себя, исходя из означения. В рефлексии и сама рефлексия может быть многомерной, что порождается усиленным действительным (действительное – необходимое), и в то же время имеется простор для активности творчества в виде невозможного, приближающего за счет усиления действительного к более реалистичному восприятию и пониманию мироустройства. Мерностями рефлексии являются не только психологическое и духовное пространство и время, но и событийная мерность, мерность позиционная (в рефлексии представлено какое-то количество позиций), мерность в виде разных субъективных миров и элементарная рефлексивная модальность, репрезентируемая в речи. Модальность немногомерного образуется за счет отношений между модальностями недействительного – возможного – случайного. Фрагментарность, являющаяся основной характеристикой этой модальности, не может охватить реальность в качестве действительности в рефлексии во всей ее полноте из-за влияния случайного, подкрепляемого возможностью, означающей существование того, что попало в рефлексию и ее саму в виде интерпретации как один из вариантов в вариативности возможного, выбранного за счет случайности и по сути своей не являющегося истинным. Для ситуации неопределенности при неразвитой рефлексии характерны интерпретации фрагментов реальности, далеко отклоняющиеся от истинности.

Отношения модальностей недействительного – возможного – необходимого позволяют выделить существование рефлексии и в рефлексии – модальность темпорального, характеризующуюся осуществлением различного рода согласований, в первую очередь по разным видам времени: физическому, психологическому, событийному и др. Невозможность и случайность в действительном нарушают согласование и тем самым являются характеристикой модальности нетемпорального.

Рефлексия имеет свои ограничения, определяемые достаточным и недостаточным для чего-то, например, принятия решения, осуществления выбора, поиска или рождения нового, ее саморазвития и прочего. Рефлексия завершается как акт, когда из возможного случайным образом приходит недостающее условие для понимания и развития действительного. Именно в самоорганизации остро встает вопрос о достаточном и недостаточном, участвующем в побуждении к действию, планировании, преодолении (активность волевого усилия), отношении к результату. Недостаточное характеризуется отдалением от завершения за счет отношений между недействительным и невозможным, ограниченных необходимостью, что удерживает поиск в рамках целей и задач.

Недостаточное в рефлексии стремится к достаточному, равно как и каждая из противоположностей внутри пар модальностей. Эта интенция позволяет сохранять при устойчивом состоянии рефлексии и в рефлексии динамическое равновесие между модальностями. Именно динамическое равновесие как саморегулирующее-

ся в рефлексии и регулирующееся рефлексией над рефлексией позволяет личности быть устойчивой и эффективной в условиях неопределенности, обусловленных нарастающей сложностью и энтропией.

Приведенные модальности составили второй ряд в триангулярной сети модальностей. Первый ряд – онтические модальности, присущие всем объектам бытия. Второй ряд – общие модальности, характерные, как мы предполагаем, для высших психических процессов, над которыми выстраивается рефлексия. Третий ряд – специфические модальности, характерные только рефлексии, их 160. Мы распределили их по трем группам: 1) модальности иррационального, 2) модальности рационального, 3) модальности, регулирующие отношения между первыми двумя. В каждой группе выделяются подгруппы, а в каждой подгруппе – виды. Например, когда в условиях неопределенности необходимо принимать решение, то в рефлексии можно наблюдать активность модальностей иррациональных допущений, искажений и идеализаций с одной стороны, смыслового, означаемого, стереотипного, проблематичного, опытного, ценностного – с другой. Между этими подгруппами модальностей работает динамическое равновесие в определенном рефлексивном акте, регулируемое внутри самой рефлексии с помощью модальностей целесообразного, аргументированного, понимаемого, систематизированного и их противоположностей. Данное представление позволяет анализировать рефлексии сущностно, определять, что же мешает ее развитию, например, активность модальностей искажения: фокусировка на случайном факторе, группировка по второстепенному признаку, вымышленное, или что позволяет ей саморазвиваться, например, модальности культурного, интуитивного, понятийного, эмоционально-чувственного, ценностного и другие. Н. М. Урманцев писал, что «свобода в самоопределении человека нелинейно нарастает по мере освоения им духовного и культурного богатства» [Урманцев, 2008]. Данная группа модальностей рефлексии помогает осваивать духовный и культурный опыт, применять его для получения нового опыта, применять его в саморазвитии личности и ее самоорганизации.

Если мы посмотрим на модальный анализ с двух ортогональных плоскостей – онтологической и гносеологической, – то увидим, что модальность при проекции ее на гносеологическую плоскость есть интенциональность (как модальность проявляет себя в мире абстракций и вещей), а интенциональность при проекции ее на онтологическую плоскость есть модальность (при ответе на вопрос «Что содержится в интенциональности?», например, в направленности на «Другого» есть время, сознательное, несознательное, достаточное, чтобы завершить, или недостаточное, чтобы продолжить разные миры «Другого» или их ограниченное количество и т. п.). Мы выделили следующие направленности рефлексии: фрагментарная, нормативная, системная, целостная, активность механизма «рефлексия – мотив – воля», рефлексии рефлексии (это связано в деятельности занятием позиции над рефлексией самой рефлексией), прогрессивная, регрессивная, направленность на «Я», направленность на «Другого», творческая, индуктивная, дедуктивная.

Между интенциональностью и модальностью – инверсные отношения, и при этом каждой модальности присущи все направленности и каждой направленности присущи все модальности. Для демонстрации такого взаимного проникновения

нам потребовалось введение двух плоскостей анализа: онтологической, в которой располагаются модальности, и гносеологической, в которой располагаются направленности. Эти две плоскости ортогональны, следовательно, отношения между модальностями и направленностями инверсны. Принцип триангуляции присущ рефлексии только для отношений внутри модальностей.

К моменту в модальном анализе мы отнесли область пересечения плоскостей. Что является доминирующим и активным в актуальный момент времени реальности, относительно определенных условий, и есть в модальном анализе рефлексии момент ее бытия. Также к моментам мы отнесли особенности рефлексии, проявляющиеся относительно конкретных условий, например, пол, возраст, образование, как частное условие, профессию и т. д.

Для определения динамического равновесия бытия модальностей рефлексии, что означает бытие самой рефлексии, а следовательно, и личности, мы разработали методику диагностики «Опросник “Фокус рефлексии”» (ОФР, 124 вопроса) и его модифицированные варианты А и В, состоящие из одинаковых 93 вопросов [Сизикова, 2018а; Сизикова, Дураченко, 2020].

Отметим, что применение к рефлексии модального анализа, основанного на критической онтологии Н. Гартмана, в разделе применения онтических модальностей, а также видов бытия, осуществляется впервые в рамках психологии и по отношению к рефлексии. Нами введен принцип триангуляции для построения отношений между модальностями, выявлено динамическое равновесие в триангулярной сети модальностей, показаны инверсные отношения между направленностями и модальностями в рефлексии.

На возможность применять модальный метод к описанию таких действий и состояний, которые раньше не соотносились со свойством модальности, указывал М. Н. Эпштейн [2001]. Об актуальности разработки метода модального анализа свидетельствуют также философские и междисциплинарные исследования последних лет таких российских авторов, как З. С. Лысова [2007], Л. В. Чалабаева [2012], Н. А. Трубина [2015] и др.

Средства, способы, процессы, виды, исследуемые в рефлексии в рамках неклассической парадигмы с позиций деятельностного подхода, как бы вшиты внутрь модальностей, когда рефлексия становится рефлексивным действием. Модальное представление не отрицает средств, форм, видов, механизмов рефлексии, что мы отразили в разработанной нами метамодели рефлексии [Сизикова, 2018б]. Но такое представление обязательно связано не с самостоятельным бытием рефлексии, да еще в качестве высшей ступени развития психического, а с бытием рефлексии в предметной области – сознании, мышлении, деятельности, личности, мышлении, восприятии и др., т. е. того, в чем рефлексия себя обнаруживает.

Модально-интенциональное представление о рефлексии позволяет на практике выявлять существенные причины неустойчивости или устойчивости человека в условиях возрастающей сложности и неопределенности, кроющихся в рефлексии, в развитии тех или иных ее модальностей и направленностей. Понимание рефлексии как триангулярной сети модальностей, пронизанной направленностями, имеет широкий спектр анализа рефлексии, выделения в ней скрытых составляющих, относящихся как к несознаваемому, так и сознательному, рациональному и иррацио-

нальному, осевшему, опытному и новому, вырабатываемому и творческому. Диагностические возможности в данном подходе позволяют целенаправленно развивать в рефлексии те или иные модальности и направленности рефлексии для повышения эффективности личности в переживании проблемности, порождаемой современными условиями.

Список литературы

Васильев В. К. Рефлексия как прикладная проблема психологии // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 3. С. 208–225. DOI 10.17759/chp.2016.120311

Гартман Н. Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1988. С. 320–324.

Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Рефлексия в предметном действии // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2, том 2. С. 90–105.

Лефевр В. А., Адамс-Веббер Дж. Функции быстрой рефлексии в биполярном выборе // Рефлексивные процессы и управление. 2001. № 1. С. 34–36.

Лысова З. С. Модальный анализ: онтология, логика и лингвистика // Вестник СамГУ, 2007. № 5/2 (55). С. 23–29.

Медова А. А. Онтология модальности: Дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2016. 303 с.

Найденова Л. М. Особенности репрезентации рефлексивных модальностей в различных средах у взрослых и юношества // Рефлексивные процессы и управление: Сб. материалов VIII Междунар. симп. / Под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2011. С. 192–194.

Сизикова Т. Э. Методологические основания модальной психологии рефлексии // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 21–45. DOI 10.17223/17267080/72/2

Сизикова Т. Э. Мета-модель рефлексии в рамках мета-онтологии // Сибирский психологический журнал. 2018б. № 68. С. 6–31. DOI 10.17223/17267080/66/1

Сизикова Т. Э. Модально-дифференциальный подход в психодиагностике рефлексии // Вестник КГУ. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018а. № 2. С. 51–60.

Сизикова Т. Э., Дураченко О. А. Исследование и психодиагностика рефлексии: Учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2020. 203 с.

Трубина Н. А. Модальная сущность бытия человека: Дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2015. 143 с.

Урманцев Н. М. Свобода в самоорганизации универсума и человека: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Уфа, 2008. 44 с. <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a376.php>

Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник: Пер. с нем. / Под ред. А. Л. Доброхотова. М.: Высш. шк., 1991. 192 с.

Чалабаева Л. В. Теоретические предпосылки исследования проблемы модальности: к анализу акта принятия и исполнения решения // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 398–401.

Эшттейн М. Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 364 с.

Norton R. W. Measure of ambiguity tolerance // *Journal of Personality Assessment*, 1975. Vol. 39 (6). P. 607–619.

References

- Chalabayeva L. V. (2012) Theoretical premises of the study of the problem of modality: to the analysis of the act of making and executing a decision. *Theory and practice of social development*, 3, 398–401. (in Russ.)
- Epshtein M. N. (2001). *Philosophy of the Possible*. St. Petersburg, Aleteya, 364. (in Russ.)
- Gordeeva N. D., Zinchenko V. P. (2002) Reflection in objective action. *Reflexive processes and control*, 2, 2, 90–105. (in Russ.)
- Hartman N. (1998) Old and new ontology. *Historical and Philosophical Yearbook*. Moscow, Nauka, 320–324. (in Russ.)
- Heideger M. (1991) Conversation on a country road: Collection: Per. with him. Ed. by A. L. Dobrokhotova. Moscow, Higher. shk., 192. (in Russ.)
- Lefebvre V. A. Adams-Webber J. (2001). Functions of fast reflection in bipolar choice. *Reflexive processes and control*, 1, 34–36. (in Russ.)
- Lysova Z. S. (2007) Modal analysis: ontology, logic and linguistics. *Bulletin of SamSU*, 5/2 (55), 23–29. (in Russ.)
- Medova A. A. (2016) *Ontology of modality: dissertation ...* Doctor of Philosophical Sciences. Omsk, 303. (in Russ.)
- Naydenova L. M. (2011) Features of the representation of reflexive modalities in different environments in adults and youth. *Reflexive processes and management. Collection of materials of the VIII International Symposium*. Ed. V. E. Lepsky. Moscow, Kogito-Center, 192–194. (in Russ.)
- Norton R. W. (1975) Measure of ambiguity tolerance. *Journal of Personality Assessment*, 39 (6), 607–619.
- Sizikova T. E. (2018a) Modal-differential approach in psychodiagnostics of reflection. *Bulletin of KSU. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2, 51–60. (in Russ.)
- Sizikova T. E. (2018b) Meta-model of reflection in the framework of meta-ontology. / *Siberian psychological journal*, 68, 6–31. DOI 10.17223/17267080/66/1 (in Russ.)
- Sizikova T. E. (2019) Methodological foundations of modal psychology of reflection. *Siberian psychological journal*, 72, 21–45. DOI 10.17223/17267080/72/2 (in Russ.)
- Sizikova, T. E., Durachenko O. A. (2020) *Research and psychodiagnostics of reflection: a training manual*. Novosibirsk, NSPU Press, 203 p. (in Russ.)
- Trubina N. A. (2015) *Modal essence of human existence: dis. ...* Cand. Philos. sciences. Omsk, 143. (in Russ.)
- Urmantsev N. M. (2008) *Freedom in self-organization of the universe and man. Author's abstract. for a job. scientific. Art. Doctor of Philosophy*. Ufa, 44. <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a376.php> Publisher (in Russ.)
- Vasilev V. K. (2016) Reflection as an applied problem of psychology. *Cultural-historical psychology*, 12 (3), 208–225. DOI 10.17759/chp.2016120311 (in Russ.)

Материал поступил в редакцию

The article was submitted

21.07.2020

Сведения об авторе

Сизикова Татьяна Эдуардовна – кандидат психологических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

tat@ccru.ru

Scopus Author ID 57200859628

AuthorID RSCI 435125

Information about the Author

Tatiana E. Sizikova – PhD, Associate Professor at Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

tat@ccru.ru

Scopus Author ID 57200859628

AuthorID RSCI 435125

УДК 159.9
DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-140-147

Постмодерн и постмодернизм: катастрофа и / или новая гармония

Т. А. Акулова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлен анализ некоторых явлений мира в эпоху постмодерна и постмодернистского искусства с психологической позиции. В современности непрерывно происходят изменения, которые могут вызывать у человека чувства неопределенности и тревожности. Наряду с реальной действительностью существует ее виртуальный вариант, реальные объекты и события заменяются их знаками, или симулякрами. Описываются катастрофические явления на разных уровнях человеческой жизни. Искусство также претерпевает изменения, которые, с одной стороны, отражают состояния действительности и внутреннего мира человека-творца, а с другой – конструируют настоящее и будущее, влияя на восприятие зрителя. В статье поднимаются вопросы о том, что есть искусство в актуальном времени, каковы особенности его восприятия, как художественные произведения могут влиять на человека в современном мире.

Ключевые слова

эпоха постмодерна, постмодернистское искусство, психологический хронотоп, гиперреальность, симулякр, эстетическая парадигма

Для цитирования

Акулова Т. А. Постмодерн и постмодернизм: катастрофа и / или новая гармония // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 140–147. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-140-147

Postmodernism and Postmodernism: Catastrophe and / or New Harmony

T. A. Akulova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The text of the work presents an analysis of some of the world's phenomena in the era of postmodern from a psychological standpoint. A person can feel uncertainty and anxiety due to changes in the postmodern world. Along with reality, there is a virtual version of it, real objects and events are replaced by their signs, or simulacrum. There are catastrophic phenomena at different levels of human life. Art also undergoes changes, which, on the one hand, reflect the state of reality and the inner world of the person-creator, and on the other hand, they construct the present and the future, influencing the perception of the viewer. The article raises questions about what is art in current time, what are the characteristics of art perception, and how artworks can affect a person in the postmodern world.

© Т. А. Акулова, 2020

Keywords

postmodern era, postmodern art, psychological chronotope, hyperreality, simulacrum, aesthetic paradigm

For citation

Akulova, T. A. (2020). Postmodernism and Postmodernism: Catastrophe and /or New Harmony. *Reflexio*, 13 (1), 140–147. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-140-147

Знает ли современный человек, что он живет в постмире?

Постмодернистское и постиндустриальное общество, постмодернизм в искусстве, посткультура, постчеловек – эти понятия используются для описания современности в разных ее аспектах. В какой-то момент старый мир перестал существовать, и началось время «после», для которого не нашлось своего определения. Каков он, этот новый дивный мир? Мнения по этому вопросу расходятся, и их эмоциональная составляющая вариативна в диапазоне от пессимистической до оптимистической.

Переход к постиндустриальному обществу и постмодернистской культуре начался еще с середины прошлого столетия. Основными его объективными характеристиками являются стремительное развитие информационных технологий, их проникновение практически во все сферы деятельности человека, глобализация, все большее расширение сферы массовой культуры. Безусловно, есть и другие характеристики, такие как социальные и политические конфликты, экономические кризисы, проблемы с экологией, расширение сферы потребления, на которых в данной работе мы не будем останавливаться отдельно. Окружающая действительность изменяется, и для обозначения этого процесса используется понятие транзитивности, которая в зависимости от исторического времени может протекать в разных видах.

Для периодов жесткой, или кризисной, транзитивности, которая наблюдалась на рубеже XX–XXI веков, характерны резкие формы переходов от одной системы к другой (в социальной, экономической, политической сферах), при этом происходящие изменения носили открытый характер и существенно влияли на жизнь людей. Резкие формы изменений существовали и в сфере ценностных ориентаций и представлений людей о мире и человеке в нем. На сегодняшний день, в первой четверти XXI века, присутствуют процессы текучей транзитивности, для которой характерны медленные, но постоянные и неотвратимые изменения. Причем именно такие изменения оказываются психологически более тяжелыми, так как длительные и нередко скрытые по форме социокультурные изменения приводят к возникновению состояния неопределенности. Современная социальная ситуация характеризуется тесной связанностью обоих этих типов транзитивности, что в эмоциональном плане людей сопровождается переживанием напряженности и тревожности, стремлением к стабильности и покою [Марцинковская, 2018].

Однако чувства стабильности и покоя труднодостижимы в современных условиях, несмотря на общую тенденцию к облегчению жизни людей за счет автоматизации многих процессов и совершения действий через Интернет. «Для большого числа современных людей уже нынешние скорости дискомфорта, а абсолютная непредсказуемость развития жизни чревата депрессиями» [Левит, 2014]. Существующий наряду с реальной действительностью ее виртуальный вариант, создан-

ный совокупными усилиями разных информационно-коммуникативных систем, может усложнять офлайн-взаимоотношения человека с миром и другими людьми, а также процессы самоопределения.

В качестве основной черты эпохи постмодерна указывается «гиперреальность, которая характеризуется заменой реального знаками реальности – симулякрами» [Литвинцева, 2011. С. 43]. Оба термина – гиперреальность и симулякр – вводятся Ж. Бодрийяром. В современном мире стирается противопоставление между действительностью и отражающими ее знаками, и всё становится симулякрами. «Всюду идет одно и то же “порождение симулякров”»: взаимные подстановки красивого и безобразного в моде, левых и правых в политике, правды и лжи во всех сообщениях масс-медиа, полезного и бесполезного в бытовых вещах, природы и культуры на всех уровнях значения» [Бодрийяр, 2000. С. 32]. Люди воспринимают информацию о реальности из газетных и телевизионных репортажей, телешоу, Интернета, но можно задать вопрос: действительно ли всё, о чем рассказывают СМИ, происходит в реальности? «У человека... возникает иллюзия сопричастности с происходящим, проявления активной жизненной позиции, а в действительности все свои чувства, эмоции он переживает в условиях виртуального зрелища» [Литвинцева, 2011. С. 45].

Гиперреальность, создаваемая посредством массмедиа, выводит человека за границы реальности настоящей, живого взаимодействия с другими людьми и миром. Это может приводить к явлению гетерохронности психологического хронотопа, т. е. рассогласованности, разорванности между временем и пространством или самих времени и пространства в субъективном восприятии человеком своей жизни. Понятие психологического хронотопа приложимо к анализу процессов формирования идентичности и социализации в условиях транзитивного мира [Марцинковская, 2017]. Для психологии личности важной проблемой является стабилизация, или гармонизация, хронотопа, которая «может рассматриваться и как гармонизация идентичности, жизненного пути человека, и как обретение целостной идентичности и появление стабильно позитивного отношения к окружающему» [Марцинковская, 2017].

Вопросу поиска идентичности уделяется всё больше внимания в условиях современного мира. Создается впечатление, что современному человеку больше, чем когда-либо, приходится именно искать свою идентичность. Вероятно, это связано с тем, что традиции играют значительно меньшую роль в формировании самосознания, и окружающий человека контекст смыслов становится разорван. Человек всё чаще в одиночку оказывается перед вопросом «кто я?», «какой я?». И в современном мире с его плюрализмом человеку приходится искать, на что опереться. Этот вопрос, как и многие другие, находит отражение в современном искусстве. Например, в статье [Конева, 2012] анализируется, как в фильме Т. Бёртона «Алиса в стране чудес» через смену одежды по ходу развития событий показан процесс поиска идентичности героиней.

Таким образом, мы видим, что современный человек описывается как ищущий и не всегда находящий, путающий реальность и ее симулятивный заменитель, не всегда способный найти спокойствие в условиях быстро и постоянно меняющегося мира. Но существуют и более категоричные взгляды о негативных явлениях

настоящего времени. Например, некоторые авторы высказывают мнение, что современный человек переживает состояния катастрофических разрушений: «цивилизационная катастрофа — распад основных социальных институтов; культурная катастрофа – разрушение основополагающих нормативно-ценностных начал духовного, религиозного, нравственного характера; антропологическая катастрофа – негативные мутации в самом типе человеческой личности, деформации в психике, мышлении, заставляющие говорить о деградации» [Шабанов, 2013. С. 175]. Представляется, что такое мнение является крайним полюсом негативного отношения к современности.

Чтобы понять, действительно ли человек переживает состояние катастрофы, стоит взглянуть на то, как современность отражается в продуктах деятельности и, в частности, в продуктах творчества. Искусство является показательной и наглядной частью культуры, в нем воплощаются некоторые явления современности, направления развития творческой мысли, а также находит отражение внутренний мир художника, представителя своей эпохи. Подход, согласно которому психологическая наука может тесно соприкасаться со сферой искусства, разрабатывается в рамках понятия об эстетической парадигме.

«Эстетическая парадигма понимается как система междисциплинарных теоретических подходов к исследованию проблем психологии, основанных на синтезе искусства и науки» [Полева, 2018]. Художественные репрезентации могут дополнять научные исследования. Например, «проблема социального зла» в одно историческое время (70-е гг. XX в.) нашла отображение в рамках как науки (эксперименты С. Милгрэма и Ф. Зимбардо), так и искусства (перформансы М. Абрамович) [Хорошилов, 2016].

Попробуем разобраться, каковы же взаимовлияния мира и искусства. На процесс создания художественного произведения влияет актуальный для автора контекст, часть характеристик современного мира, и в то же время – личностные особенности автора и его индивидуальный жизненный опыт. Это находит некоторое отражение в самом произведении (в том или ином виде). Произведение воспринимает зритель через систему собственных личностных смыслов. У зрителя возникает когнитивное и эмоциональное отношение к этому произведению, на что влияют его эстетические предпочтения. Эти предпочтения сформированы на основе всего предыдущего опыта соприкосновения с предметами искусства и на основе заимствованных из культурного контекста смыслов и ценностей. Так или иначе, произведение становится частью будущего культурного контекста и тем самым влияет на становление устойчивых отношений у будущих поколений зрителей. Получается круг, в котором искусство как отражает характеристики и процессы мира, так и конструирует их.

Для данной работы наибольший интерес представляет то, как современное искусство отражает происходящие изменения в эпоху постмодерна. Каким изображен мир и человек в нем? И как это влияет на человека?

Как указывает В. В. Бычков, «пограничными явлениями эстетического в современном искусстве являются абсурдное, безобразное, болезненное, жестокое, злое, непристойное, низменное, омерзительное, отвратительное, отталкивающее, политическое, поучающее, пошлое, скучное, бросающее в дрожь, ужасное, шоки-

рующее» [Бычков, 2004. С. 158]. Автор книги по эстетике вводит понятие посткультуры для обозначения всей совокупности новых тенденций и говорит о том, что это переходный период от Культуры, в которой была духовная сердцевина, Великий Другой, к чему-то принципиально иному. При этом основные универсалии традиционной культуры претерпевают трансформации, происходит переоценка всех ценностей, однако, как пишет автор, подобное в истории культуры уже происходило, стоит вспомнить хотя бы переход от античности к христианской культуре. Вопрос в радикальности этого процесса. «Нонклассика отразила и выразила ситуацию своего времени – глобального слома и перехода в культуре, подобного которому мы еще не наблюдали в обозримой исторической ретроспективе» [Бычков, 2004. С. 525]. Искусство пытается осмыслить происходящие изменения в культуре и социуме, и мы видим, как на сцену изобразительности выходят категории абсурда, деформации, телесности, деконструкции.

Если вернуться к указанному выше понятию симулякра, с помощью которого характеризуется гиперреальный мир, то можно говорить о том, что искусство «путем создания симулякров более высокого порядка показывает его абсурдность. Художник берет на себя роль рефлектирующего субъекта по отношению к гиперреальности» [Литвинцева, 2011. С. 50].

Другой вопрос состоит в том, как такое искусство воздействует на зрителя. В работе В. Е. Семенова [1994] вводится понятие «антикатарсис» для обозначения крайней негативной степени художественного переживания при восприятии постмодернистского искусства и массовой культуры. На противоположном полюсе диапазона художественного переживания находится состояние катарсиса – данное понятие было описано Аристотелем [Аристотель, 1983] применительно к драматическому искусству и позднее введено в психологическую науку, в частности в работе Л. С. Выготского по психологии искусства [Выготский, 1997]. Таким образом, по мнению В. Е. Семенова, так называемые «великие художественные произведения» способны вызвать состояние катарсиса, они «в конечном счете, формируют мироощущение и мировоззрение человека Добра» [Семенов, 1994. С. 117]. А постмодернистские произведения, в которых части демонстрации жестокости и насилия, приводят к состоянию дисгармонии и подавленности, хаоса, направлены против человечества и жизни. При этом делается предположение, что в истории развития искусства существуют катартические и антикатартические периоды, «которые являются по сути отражением и выражением соответствующих общественных настроений, социально-психологического климата того или иного времени» [Семенов, 1994. С. 120].

Но можно подметить, что и в художественных произведениях других исторических периодов присутствуют сцены насилия и выражения ненависти. В чем тогда заключается специфика некоторых постмодернистских произведений, которые могут приводить к концентрированному негативному переживанию? В. Г. Грязева-Добшинская [Грязева-Добшинская, 2002] отвечает на этот вопрос понятием «открытая катастрофа». Катастрофа рассматривается как предельно заостренный художественный конфликт, переживание которого является неотъемлемой частью творческого процесса. Потребность переживания кризисного состояния является первой тенденцией организации творчества. Вторая тенденция состоит в способ-

ности гармонизации дисгармоничного состояния. «Гармонизируя катастрофичный опыт, художник может открыть новую систему гармонии...» [Грязева-Добшинская, 2002. С. 170]. Открытая катастрофа характеризуется отсутствием заложенной возможности гармонизации в самом произведении, в его структуре и содержании, и переключение функции гармонизации на воспринимающую личность.

Таким образом, мы подходим к вопросу о роли и участии зрителя в процессе творческого восприятия художественного произведения. О необходимости активного преобразования множественной художественной структуры и сотворческой роли зрителя (адресата) писали У. Эко [1979] и Р. Барт [2001]. Открытую катастрофу постмодернистского произведения человек может снять только собственным действом, творческим вычерпыванием смысла.

Допустим, у нас есть произведения с открытой катастрофой, которые должен гармонизовать сам зритель. Есть зритель, который живет в мире постмодерна и подвергается влияниям со стороны разнообразных контекстов. Если развитие личности идет по неблагоприятному пути, то саму ее можно назвать «открытой катастрофой» с неразрешенными внутренними конфликтами. Сможет ли такой зритель адекватно воспринять произведение? Сможет ли он найти в себе силу для гармонизации постмодернистского художественного текста / изображения? Или такое произведение в своей дисгармоничности, со своими категориями абсурда и безобразного найдет отклик у зрителя даже без гармонизации? Или же оно действует вдвойне негативно, усугубив внутренние конфликты личности? А если автор не заложит в произведение не только гармонию, но и заостренный конфликт, который нужно было бы разрешать? Или просто зритель не сможет их отыскать? Что тогда представляет собой искусство? Каким образом происходит диалог зрителя и произведения? И что добавляется в культурный контекст фактом создания современного произведения и актом его восприятия?

Вопросов на данный момент больше, чем готовых ответов. И современный мир каждый день может порождать новые. Для психологии, философии, теории искусства открыты широкие просторы для осмысления и изучения... Но возможно ли это постичь?

Если вернуться к изначальной постановке вопроса: «катастрофа и/или новая гармония», то представляется, что решение лежит во внутреннем плане личности. Каждый человек определяет для себя сам (осознанно или бессознательно – это уже другой вопрос), как относиться к разным явлениям современного мира и, в частности, современной культуры и искусства.

Знает ли человек XXI века, что он живет в постмире?

Список литературы

Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: В 4 т. / Пер. с др.-гр.; под общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–680.

Барт Ролан. S/Z: Пер. с фр. 2-е изд., испр. / Под ред. Г. К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.

Бодрийяр Жан. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

Бычков В. В. Эстетика: Учебник. М.: Гардарики, 2004. 556 с.

Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Лабиринт, 1997. 413 с.

Грязева-Добшинская В. Г. Современное искусство и личность: гармонии и катастрофы. М.: Академический проект, 2002. 402с.

Конева А. В. Идентичность XXI в. В контексте популярной культуры // Вестник Том. гос. ун-та. Культурология. 2012. № 361. С. 45–50.

Левит С. Я. Гуманитарное знание и вызовы времени. М.; СПб., 2014

Литвинцева Г. Ю. Гиперреальность в эпоху постмодерна // Вестник СПбГУКИ. 2011. С. 43–53.

Марцинковская Т. Д. Новая эстетика транзитивности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 61. С. 12.

Марцинковская Т. Д. Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 1.

Полева Н. С. Эстетическая парадигма как оптика исследований современной психологии // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 60. С. 5.

Семенов В. Е. Катарсис и антикатарсис: социально-психологический подход к воздействию искусства // Вопросы психологии. 1994 № 1. С. 117–123.

Хорошилов Д. А. Язык и эстетика в социальном познании // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 48. С. 8.

Шабанов Л. В. Современный взгляд на человека эпохи постмодерна // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология 2013. № 2 (22). С. 168–176.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: Corpus (АСТ), 1979. 245 с.

References

Aristotle. (1983). *Poetika* [Poetics]. Moscow: Mysl. (in Russ.)

Bart Roland. (2001). *S / Z*. Transl. from French. 2nd ed. Ed. by G. K. Kosikov. Moscow, Editorial URSS. (in Russ.)

Jean Baudrillard. (2000). *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet. (in Russ.)

Bychkov V.V. (2004). *Eстетика: Uchebnik* [Aesthetics: A Textbook]. Moscow, Gardariki. (in Russ.)

Vygotsky L. S. (1997). *Psihologija iskusstva* [Psychology of art]. Moscow, Labyrinth. (in Russ.)

Gryazeva-Dobshinskaya V. G. (2002) *Sovremennoe iskusstvo i lichnost': garmonii i katastrofy* [Contemporary art and personality: harmony and catastrophe]. Moscow, Akademicheskij proekt. (in Russ.)

Koneva A. V. (2012). Identichnost' XXI veka. V kontekste populjarnoj kul'tury [Identity of the XXI century. In the context of popular culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija*, 361, 45–50. (in Russ.)

Levit S. Ya. (2014). *Gumanitarnoe znanie i vyzovy vremeni* [Humanitarian knowledge and challenges of the time]. Moscow, St. Petersburg. (in Russ.)

Litvintseva G. Yu. (2011). Giperreal'nost' v jepohu postmoderna. [Hyperreality in the postmodern era]. *Vestnik SPbGUKI*, 43–53. (in Russ.)

Martsinkovskaya T. D. (2018). Novaja jestetika tranzitivnosti [New aesthetics of transitivity]. *Psihologicheskie issledovaniya*, 11 (61), 12. (in Russ.)

Martsinkovskaya T. D. (2017) Vnutrennjaja forma psihologicheskogo hronotopa: podhody k problem [The internal form of the psychological chronotope: approaches to the problem]. *Psihologicheskie issledovanija*, 10 (54), 1. (in Russ.)

Poleva N. S. (2018). Jesteticheskaja paradigma kak optika issledovanij sovremennoj psihologii [Aesthetic paradigm as an optics of research in modern psychology]. *Psihologicheskie issledovanija*, 11(60), 5. (in Russ.)

Semenov V. E. (1994) Katarsis i antikatarsis: social'no-psihologicheskij podhod k vozdejstvu iskusstva [Catharsis and anti-catharsis: a socio-psychological approach to the impact of art]. *Voprosy psihologii*, 1, 117–123. (in Russ.)

Khoroshilov D. A. (2016). Jazyk i jestetika v social'nom poznanii [Language and aesthetics in social cognition]. *Psihologicheskie issledovanija*, 9 (48), 8. (in Russ.)

Shabanov L. V. (2013). Sovremennyy vzgljad na cheloveka jepohi postmoderna [Modern view of the person of the postmodern era]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*, 2 (22), 168–176. (in Russ.)

Eco U. (1979). *Rol' chitatelja. Issledovanija po semiotike teksta* [The role of the reader. Research on the semiotics of text]. Corpus (AST). (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
The article was submitted
22.04.2020

Сведения об авторе

Акулова Таисья Алексеевна – бакалавр психологии, выпускница Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

tais-akuta@yandex.ru

Information about the Author

Taisia A. Akulova – B.A. in psychology, graduated student of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

tais-akuta@yandex.ru

Суицид как экзистенциальный выбор

П. Ю. Горяева

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

В статье приведен анализ подходов к исследованию феномена суицида. Показано, что проблема самоубийства является одной из основных в философии, экзистенциальной психологии, в том числе психологии личности и клинической психологии, где отсутствует единая концепция данного феномена и обширная экспериментальная база. По большей части в клинической психологии, психиатрии и медицине самоубийство рассматривается как форма отклоняющегося поведения, патология или девиация. Однако есть теории и модели, которые по-другому описывают феномен суицида, что и будет раскрыто в данной статье. Также приведены причины, по которым человек совершает суицид, наиболее часто исследователи усматривают в суициде либо личностные, либо социальные причины. Представлены некоторые исследования по выявлению взаимосвязи суицидальных тенденций и личностных или ситуативных факторов. Принимая во внимание, что большинство исследований по самоубийству фокусируются на коррелятах, другой способ улучшить знания и профилактику самоубийств состоит в том, чтобы лучше понять мотивы попыток самоубийства.

Ключевые слова

суицид, виды суицида, причины самоубийства, суицидальное поведение, модели суицида, теории самоубийства

Для цитирования

Горяева П. Ю. Суицид как экзистенциальный выбор // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 148–161. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-148-161

Suicide as an Existential Choice

P. Yu. Goryaeva

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

This article provides an analysis of articles on the topic of suicide. The problem of suicide is important in philosophy, existential psychology, including personality psychology and clinical psychology. There is no single concept of this phenomenon and no numerous experimental bases. Often in clinical psychology, psychiatry, and medicine, suicide is viewed as a form of deviant behavior, pathology or deviation. However, there are theories and models that describe the phenomenon of suicide differently. The article also shows the reasons why a person commits suicide. Researchers find either personal or social reasons. Some studies are presented to identify the relationship between suicidal tendencies and personal or situational factors. Most research on suicide focuses on correlates. Another way to improve knowledge and prevention is to better understand the motives behind suicide attempts.

Keywords

suicide, types of suicide, causes of suicide, suicidal behavior, models of suicide, theories of suicide

*For citation*Goryaeva, P. Yu. (2020). Suicide as an Existential Choice. *Reflexio*, 13 (1), 148–161. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-1-148-161

Введение

Определение понятия «суицид», или «самоубийство», в различных источниках отличается, однако можно привести общее определение из краткого толкового психолого-психиатрического словаря: «осознанные, преднамеренные действия, направленные на добровольное лишение себя жизни, в том числе приведшие к смерти». Также одним из популярных является определение Мориса Фрабера: «сознательное, намеренное и быстрое лишение себя жизни», параметр быстроты был введен для того, чтобы отделить собственно суицид от суицидального поведения. В основном авторы указывают на сознательность, преднамеренность, самостоятельность и добровольность акта самоубийства [Лапин, 2019]. От суицида необходимо отличать акт принесения себя в жертву и ритуальные самоубийства многих первобытных народов, так как в данном случае речь идет об обязанности умереть по различным причинам: нравственным, религиозным, правовым и так далее. И уже на более высоких ступенях развития культуры можно встретить суицид как сознательный выбор смерти перед жизнью, которая в таком случае для человека является бессмысленной, бесценной и ненужной. В настоящее время рост числа самоубийств только повышается, по данным ВОЗ, ежегодно по этой причине умирает около восьмисот тысяч человек. Это говорит о том, что самоубийство – глобальное явление и находится на втором месте по значимости причин смерти в возрасте 15–29 лет во всем мире [Сорокин, 2003]. Больше количество самоубийств произошло в странах с низким и средним уровнем дохода. Во всем мире на самоубийства приходится 1,4 % всех смертей, что делает его восемнадцатой по значимости причиной в последние годы [Таманова, 2015]. Тем не менее затруднительно обозначить реальное число самоубийств.

Виды суицида

Можно выделить некоторые виды суицида: демонстративный, истинный, аффективный. Также люди совершают неудачные попытки самоубийства, которые не заканчиваются смертью; их называют парасуицидом. Рассмотрим вышеперечисленные виды. Истинный суицид является спланированным мероприятием, которое характеризуется целенаправленностью и устойчивостью действий, непосредственно связанных с осознанным желанием лишить себя жизни [Журавлева, 2016]. Большая часть истинных суицидов совершается психически и соматически здоровыми людьми, демонстративные же обусловлены желанием обратить внимание на себя в связи с некоторыми личными проблемами.

Демонстративная попытка, в отличие от истинного суицида, направлена на некоторую социальную цель. В данном случае рассматривается не желание реального самоубийства, а призыв к изменению присутствующих взаимоотношений в обществе. Здесь можно выделить следующие мотивы: протест против сформировавшейся

ситуации, призыв на помощь, формирование паузы в сложившейся ситуации конфликта, самонаказание, избегание страдания; чаще всего такая попытка совершается в присутствии другого человека, на которого она направлена, и может сопровождаться шантажом, характеризуется драматичностью [Журавлева, 2016].

В свою очередь, аффективный суицид характеризуется вершиной аффекта, сопровождающегося сужением сознания человека и общей дезорганизацией. Стоит выделить некоторые социальные детерминанты, которые помогают формированию угрозы суицидального поведения: изменение социального или профессионального статуса, конкуренция, безработица, ослабление социальных связей и социальной интеграции, брачно-семейный статус, повышение разрыва между идеалами массовой культуры и обыденной жизнью, проблемы со здоровьем, недостаточное положение в обществе, развитие тяжелых заболеваний.

Теории суицида

Изучение суицида продолжается на протяжении уже нескольких веков. Э. Дюркгейм называл самоубийством «всякий смертный случай, являющийся непосредственным или опосредованным результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот пострадавший знал об ожидавших его результатах» [Дюркгейм, 1994. С. 44]. В своей книге «Самоубийство», ставшей образцом социологического исследования, он предпринял эмпирическое социологическое исследование причин самоубийств. Суицид является определенным отклонением социально-пассивной направленности, непосредственно выраженным в стремлении бегства, ухода от социальной действительности при десоциализации, соответственно, утраты человеком социальной основы, которая необходима для разрешения присутствующих проблем, потери связи с социальной действительностью, разрешаемой с помощью ухода из жизни.

С точки зрения исследователя, главная причина самоубийства – это одиночество, ситуация, когда общественное сознание навязывает человеку мысль о бесполезности его существования для общества. Оно диктует ему совершить акт самоубийства, тем самым наказывая человека за его же осознанный или неосознанный отказ от социальных связей [Там же]. По Дюркгейму, существует четыре вида самоубийства, описанных им в многочисленных текстах по методологии и социологии: эгоистическое, аномическое, альтруистическое и фаталистическое самоубийство.

Объяснительные модели суицида рассматривают множество факторов как систему; так, например, Э. Шнейдман в своей работе «Душа самоубийцы» пишет о факторе, который порождается фрустрирующими или искаженными потребностями. Таким фактором является особый вид психической боли, который он назвал душевной болью, другими словами, самоубийство является драмой, которая происходит изначально в душе человека. Э. Шнейдман описывает такое чувство как боль, которая возникает от самого ощущения боли и имеет нестерпимый и непереносимый характер [Шнейдман, 2001]. Э. Шнейдман описал четыре типа людей, которые намерено стремятся положить конец своему существованию: инициаторы смерти, искатели смерти, игроки со смертью и отрицатели смерти. Первые – инициаторы смерти – стремятся умереть по причине осознания неизбежно-

сти приближающейся смерти и своим поступком ускоряют этот процесс [Шнейдман, 2001]. Так, например, писатель Хемингуэй был озабочен своим постоянно ухудшающимся физическим состоянием, хотя всю жизнь отличался крепким здоровьем, и это, по мнению некоторых исследователей, послужило причиной его решения покончить с собой. Вторые являются людьми, которые твердо уверены в своем решении в момент попытки суицида. Третьи обычно испытывают амбивалентные чувства к собственной смерти – даже во время попытки самоубийства [Хиллман, 2004]. Последние пытаются совершить суицид, не признавая свою смерть как конец собственного существования. Также в подобных моделях учитываются такие факторы, как постоянная ситуативная уязвимость личности, отсутствие социальной поддержки, смысла жизни и неустойчивость к стрессам и неблагоприятным обстоятельствам.

И. Паперно была разработана мультирегуляторная модель личности, в которой описывались семь механизмов регуляции поведения человека [Паперно, 1999]. Данная схема была применена Д. А. Леонтьевым к формам и механизмам суицидального поведения. Первый пункт схемы – суицид как удовлетворение потребностей. Обычно это связано с формами саморазрушающего поведения. Второй – суицид как реагирование, как стимул [Леонтьев, 2008]. Так, Шнейдман и впоследствии А. Н. Маховиков характеризуют суицид как реакцию на невыносимую психическую боль. Для таких случаев характерна беспомощность, фрустрация потребностей, сужение сознания. Третий пункт – суицид как воспроизведение выученных стереотипов. Чаще это выглядит как самоутверждение и демонстративное поведение. Четвертый – самоубийство в качестве одобряемой социальной нормы. В таком случае речь идет о моде или недолгой социокультурной моде. Пятый пункт – суицид как жизненная необходимость. В этом случае самоубийство является платой за что-то значимое для человека. Это может быть самопожертвование, причиной которого являются значимые ценности. Шестой случай – суицид как игра. В таком случае смерть для человека не принципиальна. Седьмой и последний – суицид как познание сути вещей. В этом случае человек познает конечность жизни, а также бессмысленность телесного существования в обычном смысле слова [Леонтьев, 2004, 2008]. Такая типология переключается со смысловой классификацией суицидов Тихоненко и Сафуанова, где они выделяют пять оснований: протест или месть, избегание, отказ, призыв и самонаказание [Тихоненко, Сафуанов, 2004]. Суицид является следствием воздействия происходящих в жизни человека событий, хотя такие факторы не могут полностью объяснить это явление, но часто способствуют возникновению суицидальных намерений.

Рой Баумейстер представляет теорию самоубийств, основанную на конструктах из когнитивной, социальной психологии, а также психологии личности. Его теория избегания жизни предполагает, что многие попытки самоубийства мотивированы необходимостью уменьшить отвращение к самосознанию [Baumeister, 1999]. Межличностная теория Томаса Джоинера гласит, что две области – воспринимаемая тяжесть бремени и изоляция – взаимодействуют, чтобы вызвать стремление к самоубийству. В других теориях подчеркивается роль безнадежности (Абрамсон), решения проблем (Бейчлер), импульсивности (Саймон) и межлично-

стного общения (Фабероу и Шнейдман, Коблер и Стотланд, Крейтман) в мотиве совершить попытку самоубийства [Koivumaa-Honkanen et al., 2001].

Причины суицида

Общая причина современного суицида – социально-психологическая дезадаптация, которая формируется под влиянием некоторых острых психотравмирующих ситуаций, а также нарушения взаимодействия личности с ближайшим окружением. Можно сказать, что среди социальных условий, которые влияют на самоубийства, большую роль играют многие культурные явления. Также большую опасность во все времена представляла форма суицида, при которой был значим момент подражательности примеру самоубийцы [Mirhashemi et al., 2016].

Иным сильным социальным фактором, определяющим уровень самоубийств и связывающим настоящее и прошлое в жизни общества, является религия. Стоит отметить, что ислам очень строго осуждает самовольное лишение самого себя жизни, поэтому в странах, которые исповедуют мусульманскую религию, это явление практически не встречается [Bostwick et al., 2016].

Сегодня установлено, что в государствах, где слабее влияние религии, а религиозные нормы мягче относятся к самоубийству, процент суицидальных действий намного выше [Журавлева и др., 2016].

На данный момент суицид является очень актуальной социальной проблемой. Согласно данным о самоубийствах, совершенствование общества, накопление информационных ресурсов, формирование социальных инноваций не всегда соответствуют росту удовлетворенности людей жизнью. Сегодня, по данным всемирной организации здравоохранения, суицид занимает четвертое место среди причин смертности после онкологических, сердечно-сосудистых заболеваний и травматизма [Evans et al., 2017].

В соответствии с социальной наукой, специалисты приходят к выводу, что одним из основных факторов реализации самоубийств является индивидуальная изоляция. При этом чем выше уровень сплоченности социальной группы, тем ниже уровень самоубийств [Журавлева и др., 2016].

Суицид является «молодым» явлением. Суицидальный возраст вне зависимости от национальности, пола и места проживания составляет 19–40 лет. Количество самоубийств в городе выше, чем в сельской местности. Те люди, которые состоят в браке, решаются на самоубийство гораздо реже, чем холостые [Там же].

При общественном подъеме, оживлении в экономике, политике и культурной жизни общества уровень суицидальных действий ниже, при общественных спадах – выше. Среди причин суицида молодежи на первом месте находятся сложности в отношениях с родителями, на втором месте – трудности, связанные с учебным заведением, а на третьем – проблемы с друзьями, как правило, противоположного пола. В целом негативные отношения с родителями часто толкают детей на самоубийство [Van Orden et al., 2010].

Можно сказать, что самоубийство является отчаянным призывом о помощи, своеобразной попыткой привлечь внимание родителей к собственным проблемам. Согласно социологическим исследованиям, в большинстве случаев данное поведение подростка является сигналом бедствия. Социальные потрясения оказывают

на человека огромное воздействие. При реализации внезапных социальных совершенствований общество оказывается неспособно оказывать необходимое воздействие на человека, вследствие чего происходит резкое увеличение количества самоубийств.

Сегодня также определены факторы и признаки риска суицида [Журавлева и др., 2016]. Среди экстраперсональных факторов стоит отметить следующие: суицидальные высказывания, утрата престижа, пограничные психические расстройства, психозы, подростковый возраст, конфликтная ситуация, экстремальные условия жизни, употребление наркотиков, злоупотребление алкоголем. Среди интроперсональных факторов можно отметить пониженную толерантность к некоторым эмоциональным нагрузкам, отсутствие жизненных установок, неполноценность коммуникативных систем, особенности характера, неадекватную самооценку. Данным факторам противопоставляются антисуицидальные факторы, среди них: родственные связи, планы и цели в жизни, эмоциональная привязанность, эстетические критерии в мышлении, общественное мнение, чувство долга, вера, представления о неиспользованных возможностях жизни [Bellivier et al., 2005].

Существуют конкретные признаки суицидального поведения, которым окружающие редко придают значение: депрессия, нарушение аппетита, капризность, привередливость, уход в себя, агрессивность, раздача подарков окружающим, перемены в поведении, активная предварительная подготовка, психологическая травма [Журавлева и др., 2016].

К социальным факторам, которые, как правило, сопровождают суицид можно отнести: влияние СМИ, урбанизацию населения, коллективность и заразительность самого феномена самоубийства, национальную окраску явления, разрушение и ослабление института семьи, связь с характером вероисповедания некоторых народов [Cerel et al., 2018].

На данный момент суицид является явлением, происходящим преимущественно в городской среде. Тем самым факторы, которые были перечислены, могут проявлять себя именно в этих условиях. Однако ни асоциальные, ни социальные условия, которые сопутствуют суициду, не являются основополагающими причинами данного явления общественной жизни и тем самым не дают научного предвидения этого негативного феномена. Социальные и экономические кризисы негативно влияют на психику и материальное положение человека, при этом будущее кажется индивиду неопределенным, суицид – единственным реальным разрешением неожиданно сформировавшихся непреодолимых проблем [Ibid.].

Клинически определение мотивации для попытки конкретного клиента позволяет психологу попытаться найти альтернативные решения, которые могут решить проблему и уменьшить вероятность будущих попыток. Хотя желание умереть по определению является мотивацией, общей для всех попыток самоубийства; исследования показывают, что индивидуальные попытки могут быть мотивированы множеством причин, таких как побег, изоляция, изменение своего окружения и невыносимое состояние [May, Victor, 2018]. Понимание наиболее распространенных мотивов попыток самоубийства может послужить основой для концептуальных моделей самоубийства и способствовать разработке программ вмешатель-

ства и профилактики, которые, скорее всего, найдут отклик и помогут тем, кто подвергается риску.

Взаимосвязь суицида и других факторов

Среди исследований проблемы суицида необходимо выделить следующие. Н. П. Щербакова [Щербакова, 2019] проанализировала особенности взаимосвязи суицидальных тенденций и химической зависимости. Она упоминает, что 75 % лиц, которые совершали попытку суицида, хотя бы один раз лечились от наркомании или алкоголизма. Три четверти мужчин, которые заканчивают жизнь самоубийством, и две трети женщин 30–39 лет в момент совершения попытки суицида были в состоянии алкогольного опьянения. Каждый из пяти человек, больных алкоголизмом, совершал попытку самоубийства в депрессивном состоянии, что связано с тем, как комбинируются разнообразные факторы: личностные, динамические и социальные.

Н. М. Захарова и О. В. Зубарева [Захарова, 2016] исследовали тему суицидов людей, пострадавших от насилия. Так, было выявлено, что в ситуации, где пациенты подвергались длительному насилию в семье, у них были отмечены стойкие депрессивные расстройства и суицидальные мысли, однако при этом суицид они совершали необдуманно, в результате какого-либо момента, травмирующего психику. Причиной для суицида выступала угроза резкого лишения материальных средств. Половина женщин, предпринявших попытку, были в состоянии алкогольного опьянения. В другую группу входили люди, которые пострадали от лишения собственности, многие из них были приезжими из разных регионов и, лишившись средств к существованию, испытывали жалость к себе и чувство стыда. Большая часть людей данной группы совершала попытку самоубийства после 3–7 дней после произошедшего в связи с тем, что их настроение резко снижалось. В этих случаях состояние оценивалось как кратковременная депрессивная реакция, обусловленная расстройством адаптации. Как правило, пережитый стресс от неудавшегося суицида, реакции родных, госпитализации в психиатрический стационар приводили к быстрой дезактуализации антивитаальных мыслей, а 2–3 психотерапевтические беседы закрепляли успех без применения психотропных средств. Исключение составили пациенты с долгами, которые подвергались массированному психологическому воздействию со стороны «коллекторов» на протяжении месяца и более. У них диагностировались более длительные и выраженные депрессивные состояния, которые плохо поддавались коррекции, поскольку проблемы, связанные с необходимостью выплаты долгов, оставались актуальными.

Наконец, третью группу составили женщины, которые совершили попытку самоубийства после изнасилования. Обычно попытка совершалась в течение суток после произошедшего, у пациенток были обнаружены симптомы острой реакции на стресс. В двух ситуациях попытка самоубийства совершалась отсроченно в состоянии алкогольного опьянения и акт насилия был совершен со стороны знакомых лиц на фоне депрессивных симптомов.

Было отмечено, что практически во всех случаях, вне зависимости от того, какие насильственные действия были совершены в отношении пострадавшего, перед суицидом человека посещали мысли о том, «что скажут люди», что в итоге приво-

дило к чувству вины и стремлению отгородиться от окружающих и ситуации, лишая себя медицинской помощи и поддержки со стороны близких людей.

И. А. Лапин и Т. А. Рогачева [Лапин, Рогачева, 2019] рассматривали в своем исследовании клинико-психологические корреляты суицида у больных с депрессиями. Так, в исследовании сравнивались пациенты, совершавшие суицидальные попытки и страдавшие при этом депрессией, и пациенты, которые страдают депрессией, однако не совершали попыток суицида. Были получены следующие особенности личности суицидентов: для них характерно ощущение умственной притупленности, озабоченность психическими и соматическими проблемами, подозрительность, враждебность и недоверие к окружающим, высокая острота реакции на то, что с ними происходит, эмоциональная и социальная отчужденность, ощущение дискомфорта в общении с окружающими, стремление к признанию, неудовлетворенность собственным социальным статусом, неприятие моральных принципов общества, недостаток волевой саморегуляции, высокая чувствительность к обидам, а также плохая адаптация при учете выраженной потребности доминировать во взаимосвязи с невозможностью контроля над ситуацией. При этом большинство испытуемых, у которых была депрессия и попытки суицида, описывали смерть как приемлемое состояние, которое должно принести спокойствие и избавить от страданий. Пациенты же с депрессией, которые не совершали суицидальных попыток, наоборот, воспринимали уход из жизни как что-то неприемлемое. Наряду с нарушениями социального функционирования проведенное исследование выявило связь между наличием суицидальной попытки и рядом таких клинико-психологических характеристик, как ригидность мышления с большим числом предубеждений, низкий уровень социальной ответственности, снижение самооценки, нарциссизм, гиперсензитивность, острота реагирования на происходящее, недостаток волевой регуляции поведения – импульсивность, умственная притупленность, недостаточность приспособительных механизмов. С формированием суицидальных установок у пациентов с депрессиями связано два кластера симптомов: повышенная ранимость/уязвимость субъекта к ситуационным факторам и высокая импульсивность на фоне склонности к алкоголизации.

В исследовании К. Хоутона [Hawton et al., 2005] и соавторов рассматривались факторы риска суицида при биполярном расстройстве. Так, было выявлено, что основными факторами риска для попытки суицида было самоубийство в семье в анамнезе, раннее начало биполярного расстройства, высокая степень депрессивных симптомов, повышение тяжести аффективных эпизодов, наличие смешанных аффективных состояний, злоупотребление алкоголем и наркотиками. Таким образом, было доказано, что для того, чтобы осуществлять профилактику суицидального поведения, необходимо учитывать все вышеуказанные факторы риска, в том числе и при назначении лечения, которое направлено конкретно на снижение риска суицида.

В другом исследовании К. Хоутона [Hawton et al., 2012] отмечается роль самоповреждения в развитии суицидального поведения. Утверждается, что предотвратить самоповреждение и суициды можно двумя путями: образовательными инициативами и мерами, направленными на группы подросткового риска, в которых присутствуют дети с историей жестокого обращения. Так, к образовательным ме-

рам можно отнести тренинги не только учащихся, но и учителей; необходимы также постоянная диагностика для выявления детей группы риска, запрет на доступ к материалам, с помощью которых можно навредить себе, поощрение поведения, направленного на поиск помощи и поддержки, наличие телефонов доверия, а также освещение проблемы публично. Меры, направленные на профилактику такого поведения в группах риска должны включать в себя психологические интервенции, мониторинг и диагностику, а также фармакотерапию.

В другом лонгитюдном исследовании [Pelizza et al., 2020] проводился анализ распространенности суицида у людей с ультравысоким уровнем психоза. Было выявлено, что лица, которые обладали ультравысоким уровнем психоза, имели более серьезные суицидальные мысли и высокий процент попыток самоубийства на протяжении двух лет исследований, чем те, у кого его не было. Таким образом, исследователи пришли к выводу, что необходимо проводить постоянный мониторинг пациентов, обладающих ультравысоким уровнем психоза. Риск суицида у них связан с тяжестью депрессии и ангедонии, а также с более низким качеством жизни.

Проблема изучения суицида

Использование расплывчатых или противоречивых терминов и определений препятствует прогрессу в исследованиях и теориях самоубийств. Например, некоторые используют термин «суицидальное поведение» в качестве общего термина, охватывающего любую суицидальную мысль или действие, не предпринимая дополнительных шагов, чтобы отличить мысли от планов, от несмертельных попыток и от попыток, которые приводят к смерти. Точно так же используют термин «самоповреждения» для обозначения преднамеренного самоповреждения без намерения умереть (то есть поведения, не связанного с самоубийством, такого как поверхностное повреждение кожи), тогда как другие используют термин, чтобы охватить все преднамеренные самоповреждения – независимо от намерения умереть. Поскольку эти различные аспекты суицидальности и самоповреждения могут иметь очень разные показатели распространенности, функции, клинических коррелятов и конечные исходы, очень важно точно использовать определения и терминологию [Klonsky et al., 2016].

Самоповреждение с целью самоубийства отличается от самоповреждения с неопределенными или несуйцидальными намерениями. Самоубийство определяется как смерть, вызванная самонаправленным негативным поведением с намерением умереть; попытка самоубийства определяется как нефатальное, направленное на себя, потенциально вредное поведение с намерением умереть в результате, даже если такое поведение не приводит к значительным повреждениям; суицидальные мысли определяются как размышления о самоубийстве, его обдумывание или планирование. Термины «завершенное самоубийство», «неудачная попытка», «самоубийство без летального исхода», «успешное самоубийство», «суицидальное действие» и «угроза самоубийства» некоторые авторы считают излишними, а термин «парасуицид» – широким и слишком расплывчатым [Melanie et al., 2017].

Большинство инструментов, предназначенных для оценки мотивации самоубийства, были разработаны без учета теоретической работы [Любов, Зотов,

2018]. Первые попытки оценить мотивы самоубийства были предприняты Джоном Бэнкрофтом и его коллегами в 1970-х годах. Потенциальные мотивы были определены исследователями, в результате чего появился список из 14 возможных причин. Двадцать лет спустя Рональд Холден и его коллеги использовали эти элементы для определения причин попыток самоубийства. Вскоре после этого Марша Линехан и его коллеги включили причины самоповреждающего поведения в свое интервью об истории парасуицида. Мэй и Клонски разработали «Перечень мотивов для попыток самоубийства» (2013). Данные авторы разработали трехэтапную теорию (3ST) самоубийства [Klonsky, May 2015], которая, по их мнению, обладает потенциалом для улучшения понимания и прогнозирования суицида, суицидального поведения и суицидальных представлений. 3ST использует концепцию «от идеи к действию», основывается на предыдущих исследованиях и теории и предоставляет экономную и проверяемую модель самоубийства. Ключевыми концепциями 3ST являются боль и безнадежность, зависимость и способность совершить самоубийство [Van Orden et al., 2010].

В то же время ключевые пробелы в знаниях исследователей о суициде остаются. Эти пробелы ограничивают возможность снизить уровень самоубийств и поэтому должны стать предметом интенсивных исследований. Крайне важно, чтобы психологи лучше понимали процесс перехода от суицидальных идей к попыткам суицида. Как обсуждалось выше, подавляющее большинство часто упоминаемых факторов риска самоубийства предсказывают, кто подвержен риску суицидальной мысли, но не то, кто подвергается риску совершить попытку суицида. Способность совершить самоубийство, которая подчеркивается в теории «от идеи к действию», действительно является важным фактором, но прогнозирование в данном случае имеет средние показатели. Существуют неизвестные факторы, которые объясняют, когда и почему люди переходят от мысли о самоубийстве к действию, и крайне важно, чтобы они были выявлены [Klonsky et al., 2016].

Критический пробел в знаниях касается разницы между теми, кто совершает неудачные попытки суицида, и теми, кто совершает смертельные попытки самоубийства [Baumeister, 1999]. Большинство исследований по самоубийству оценивают тех, кто испытал попытки самоубийства или суицидальные мысли, что означает, что участники всё еще живы. В исследованиях гораздо сложнее исследовать лиц, умерших от самоубийств, так как такое исследование является уже посмертной экспертизой, поэтому таких исследований гораздо меньше. Предположение состоит в том, что изучение лиц, совершивших несмертельные попытки, дает знания, которые также имеют отношение к пониманию и предотвращению смерти от самоубийства [May et al., 2018]. Однако меньшая часть попыток оказываются смертельными, и большинство тех, кто умирает от самоубийства, делают это с первой попытки. Поэтому будущие исследования должны учитывать и исследовать разницу между группами, так как есть важные различия в клинической картине, мотивации и других характеристиках, которые могли бы значимо влиять на оценку риска и профилактику.

Список литературы

- Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
- Журавлева М. С., Никитина Л. М., Лифанов А. А.* Вся правда о суицидах // Вестник научных конференций. 2016. № 11. С. 24–26.
- Захарова Н. М., Зубарева О. В.* Суициды пострадавших от насилия // Российский психиатрический журнал. 2016. С. 55–61.
- Латин И. А., Рогачева Т. А.* Клинико-психологические корреляты суицида у больных с депрессиями // Социальная и клиническая психиатрия. 2019. С. 10–15.
- Леонтьев Д. А.* Смысл смерти: на стороне жизни // Экзистенциальная традиция. 2004. № 2 (5). С. 40–50.
- Леонтьев Д. А.* Экзистенциальный смысл суицида: жизнь как выбор // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 4. С. 58–82.
- Любов Е. Б., Зотов П. Б.* Диагностика суицидального поведения и оценка степени суицидального риска. Сообщение I // Суицидология. 2018. № 9 (1). С. 23–35.
- Паперно И.* Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
- Сорокин П. А.* Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 104–114.
- Таманова А. С.* Суицид как социальное явление // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности. 2015. № 2. С. 137–139.
- Тихоненко В. А., Сафуанов Ф. С.* Введение в суицидологию // Медицинская и судебная психология: Курс лекций / Под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С. Сафуанова. М.: Генезис, 2004. С. 266–283.
- Хиллман Дж.* Самоубийство и душа. М.: Когито-центр, 2004.
- Щербакова Н. П.* Химическая зависимость и суицид // Вестник науки и образования. 2019. С. 1–4.
- Шнейдман Э.* Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001.
- Baumeister, R. F.* Suicide as escape from self // Psychological Review. 1999. P. 90–113.
- Bellivier F., Jollant, F., Leboyer, M., Astruc, B., Torres, S., Verdier, R., Courtet, P.* (2005). Impaired Decision Making in Suicide Attempters. American Journal of Psychiatry, 162 (2), 304–310.
- Bostwick JM, Pabbati C, Geske JR, et al.*: Suicide attempt as a risk factor for completed suicide: even more lethal than we knew. Am J Psychiatry 2016; p. 173–193
- Cerel, J., Brown, M. M., Maple, M., Singleton, M., van de Venne, J., Moore, M., & Flaherty, C.* (2018). How Many People Are Exposed to Suicide? Not Six. Suicide and Life-Threatening Behavior.
- Evans, R., White, J., Turley, R., Slater, T., Morgan, H., Strange, H., & Scourfield, J.* Comparison of suicidal ideation, suicide attempt and suicide in children and young people in care and non-care populations: Systematic review and meta-analysis of prevalence. Children and Youth Services Review, 2017, 122–129.
- Hawton, K., Saunders, K. E., & O'Connor, R. C.* (2012). Self-harm and suicide in adolescents. The Lancet, 379 (9834), 2373–2382.

Hawton, K., Sutton, L., Haw, C., Sinclair, J., & Harriss, L. (2005). Suicide and Attempted Suicide in Bipolar Disorder: A Systematic Review of Risk Factors. *The Journal of Clinical Psychiatry*, 66 (6), 693–704.

Klonsky E, May M, Saffer. Suicide, Suicide Attempts, and Suicidal Ideation. *Annual Review of Clinical Psychology*, March 2016. 307–330.

Koivumaa-Honkanen, H., Honkanen, R., Viinamäki, H., Heikkilä, K., Kaprio, J., & Koskenvuo, M. (2001). Life Satisfaction and Suicide: A 20-Year Follow-Up Study. *American Journal of Psychiatry*, 158 (3), 433–439.

May, A. M., & Victor, S. E. From ideation to action: recent advances in understanding suicide capability. *Current Opinion in Psychology*, 2018. 44–67.

Melanie Wall, Ph.D., Shuai Wang, Ph.D., Stephen Crystal, Ph.D., Tobias Gerhard, Ph.D., Carlos Blanco, M.D., Suicide Following Deliberate Self-Harm Mark Olfson, *Psychiatry*, August 2017. 71–84.

Mirhashemi S., Motamedi M., Mirhashem A., Taghipou H., Danial Z. Suicide and suicidal behavior. *The Lancet*, Volume 387, January 2016, 29–40.

Pelizza, L., Poletti, M., Azzali, S., Paterlini, F., Garlassi, S., Scazza, I., Raballo, A. (2020). Suicide risk in young people at Ultra-High Risk (UHR) of psychosis: Findings from a 2-year longitudinal study. *Schizophrenia Research*.

Van Orden, K. A., Witte, T. K., Cukrowicz, K. C., Braithwaite, S. R., Selby, E. A., & Joiner, T. E. The interpersonal theory of suicide. *Psychological Review*, 2010. 117 (2).

References

- Baumeister, R. F. Suicide as escape from self. *Psychological Review*, 1999, 90–113.
- Bellivier F., Jollant, F., Leboyer, M., Astruc, B., Torres, S., Verdier, R., Courtet, P. (2005). Impaired Decision Making in Suicide Attempters. *American Journal of Psychiatry*, 162 (2), 304–310.
- Bostwick JM, Pabbati C, Geske JR, et al.: Suicide attempt as a risk factor for completed suicide: even more lethal than we knew. *Am J Psychiatry* 2016; 173–193.
- Cerel, J., Brown, M. M., Maple, M., Singleton, M., van de Venne, J., Moore, M., & Flaherty, C. (2018). How Many People Are Exposed to Suicide? Not Six. *Suicide and Life-Threatening Behavior*.
- Durkheim E. *Suicide: A Sociological Study*. Moscow, Mysl, 1994. 399.
- Evans, R., White, J., Turley, R., Slater, T., Morgan, H., Strange, H., & Scourfield, J. Comparison of suicidal ideation, suicide attempt and suicide in children and young people in care and non-care populations: Systematic review and meta-analysis of prevalence. *Children and Youth Services Review*, 2017, 122–129.
- Hawton, K., Saunders, K. E., & O'Connor, R. C. (2012). Self-harm and suicide in adolescents. *The Lancet*, 379 (9834), 2373–2382.
- Hawton, K., Sutton, L., Haw, C., Sinclair, J., & Harriss, L. (2005). Suicide and Attempted Suicide in Bipolar Disorder: A Systematic Review of Risk Factors. *The Journal of Clinical Psychiatry*, 66 (6), 693–704.
- Hillman J. *Suicide and soul*. Moscow, Kogito-center.
- Klonsky E, May M, Saffer. Suicide, Suicide Attempts, and Suicidal Ideation. *Annual Review of Clinical Psychology*, March 2016. 307–330.

Koivumaa-Honkanen, H., Honkanen, R., Viinamäki, H., Heikkilä, K., Kaprio, J., & Koskenvuo, M. (2001). Life Satisfaction and Suicide: A 20-Year Follow-Up Study. *American Journal of Psychiatry*, 158 (3), 433–439.

Lapin, I.A. Clinical and psychological correlates of suicide in patients with depression / I.A. Lapin, T.A. Rogacheva // *Social and Clinical Psychiatry*. - 2019. 10-15 p.

Leontiev D.A. The meaning of death: on the side of life. *Existential tradition*. 2004. No. 2 (5). 40–50.

Leontiev D.A. The existential meaning of suicide: life as a choice // *Moscow psychotherapeutic journal*. 2008. No. 4. 58–82.

Lyubov EB, Zotov P.B. Diagnostics of suicidal behavior and assessment of the degree of suicidal risk. *Report I. Suicidology*. 2018; 9 (1): 23–35.

May, A. M., & Victor, S. E. From ideation to action: recent advances in understanding suicide capability. *Current Opinion in Psychology*, 2018. 44–67.

Melanie Wall, Ph.D., Shuai Wang, Ph.D., Stephen Crystal, Ph.D., Tobias Gerhard, Ph.D., Carlos Blanco, M.D., Suicide Following Deliberate Self-Harm Mark Olfson, *Psychiatry*, August 2017. 71–84.

Mirhashemi S., Motamedi M., Mirhashem A., Taghipou H., Danial Z. Suicide and suicidal behavior/ *The Lancet*, Volume 387, January 2016, 29–40.

Paperno I. Suicide as a cultural institution. *Moscow, New literary review*, 1999.

Pelizza, L., Poletti, M., Azzali, S., Paterlini, F., Garlassi, S., Scazza, I., Raballo, A. (2020). Suicide risk in young people at Ultra-High Risk (UHR) of psychosis: Findings from a 2-year longitudinal study. *Schizophrenia Research*.

Schneidman E. *Soul of a Suicide*. Moscow, Meaning, 2001.

Shcherbakova, N. P. Chemical dependence and suicide. *Bulletin of Science and Education*. 2019. 1–4.

Sorokin, P. A. Suicide as a social phenomenon. *Sociological research*. 2003. No. 2.

Tamanova A.S. Suicide as a social phenomenon. *Actual issues in scientific work and educational activities*, No. 2, 2015, 137–139.

Tikhonenko V.A., Safuanov F.S. Introduction to suicidology. *Medical and forensic psychology: a course of lectures*. Moscow, Genesis, 2004. 266–283.

Van Orden, K. A., Witte, T. K., Cukrowicz, K. C., Braithwaite, S. R., Selby, E. A., & Joiner, T. E. The interpersonal theory of suicide. *Psychological Review*, 2010. 117 (2).

Zakharova, N.M. Suicides of victims of violence. *Russian Psychiatric Journal*. 2016. 55–61.

Zhuravleva M. S. Nikitina L. M. Lifanov A. A. The whole truth about suicides. *Bulletin of scientific conferences*, No. 11, 2016, 24–26.

Материал поступил в редакцию

The article was submitted

03.06.2020

Сведения об авторе

Горяева Полина Юрьевна – магистрант психологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
polichka1205@mail.ru

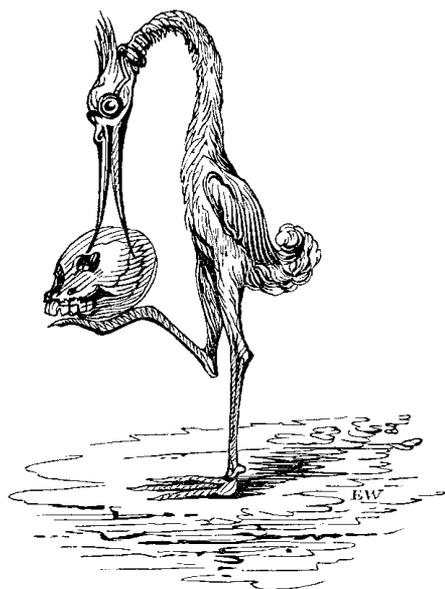
Information about the Author

Polina Yu. Goryaeva – graduate student in psychology at St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
polichka1205@mail.ru

В свободной форме

Читателям журнала предлагается перевод сатирического стихотворения «Краниология» («Череповеденье») английского поэта Томаса Худа (1799–1845). В нем автор высмеивает материализм френологии, которая ко времени написания стихотворения получила широкое распространение, особенно в Шотландии. Перевод выполнен А. А. Фёдоровым.

CRANE-IOLOGY.

Оригинальный рисунок основан на игре слов *crani* (часть латинских слов, имеющих отношение к черепу) и *crane* (цапля по-английски)

© А. А. Фёдоров, пер. с англ., 2020

Thomas Hood
Craniology

'Tis strange how like a very dunce,
Man – with his bumps upon his sponce,
Has lived so long, and yet no knowledge he
Has had, till lately, of Phrenology –
A science that by simple dint of
Head-combing he should find a hint of,
When scratching o'er those little poll-hills,
The faculties throw up like mole-hills;
A science that, in very spite
Of all his teeth, ne'er came to light,
For though he knew his skull had *grinders*,
Still there turned up no *organ finders*,
Still sages wrote, and ages fled,
And no man's head came in his head –
Not even the pate of Erra Pater,
Knew aught about its pia mater.
At last great Dr. Gall bestirs him –
I don't know but it might be Spurzheim –
Tho' native of a dull and slow land,
And makes partition of our Poll-land;
At our Acquisitiveness guesses,
And all those necessary *nesses*
Indicative of human habits,
All burrowing in the head like rabbits.

Томас Худ
Краниология

Не странно ли? Ну как глупец глупцом –
Со всеми шишками на черепе своем, –
В неведенье жил человек столетья многие,
Недавно лишь узнав о френологии.
О той науке, о которой намекают
Все вмятинки, что череп покрывают.
Из них способности – ну прямо как кроты! –
Полезут враз, как их почешешь ты.
Наука эта, вопреки всему,
Так и не стала ведома ему.
И пусть зубами мудрости наш череп обладал,
Никто внутри него ту мудрость не искал.
Писали книги мудрецы, столетия летели,
Но головы о головах и думать не хотели.
И даже Эрры Патера ¹ башка жила, не зная,
Что у нее есть оболочка мозговая.
Но тут сам Галль за дело спору взялся,
И вслед Шпурцгейм немало постарался –
Дитя страны, где всё как по стандарту, –
Он нашей головы наметил карту.
Все склонности, что есть у нас в активе,
Среди которых даже страсть к наживе,
Попрятались, как кролики, в макушке,
А нам видны от них лишь только ушки.

---

¹ Эрра Патер – автор известного астрологического альманаха, впервые опубликованного в 1535 г. – *Примеч. пер.*

Thus Veneration, he made known,
Had got a lodging at the Crown;
And Music (see Deville's example)
A set of chambers in the Temple;
That Language taught the tongues close by,
And took in pupils thro' the eye,
Close by his neighbor Computation,
Who taught the eyebrows numeration.

The science thus – to speak in fit
Terms – having struggled from its nit,
Was seized on by a swarm of Scotchmen
Those scientific hotch-potch men,
Who have at least a penny dip,
And wallop in all doctorship,
Just as in making broth they smatter
By bobbing twenty things in water:
These men, I say, made quick appliance
And close, to phrenologic science;
For of all learned themes whatever,
That schools and colleges deliver,
There's none they love so near the bodles,
As analysing their own noddles;
Thus in a trice each northern blockhead
Had got his fingers in his shock head,
And of his bumps was babbling yet worse
Than poor Miss Capulet's dry wet-nurse;

Почтительность, подскажет схема,
Сокрыта там, где наше темя.
А у висков (сказал Девильль²)
Таится музыкальный стиль.
А речь, мы знаем это с вами,
Находится прям за глазами.
И рядом, там где бровь загнулась,
Способность к счету растянулась.

Но тут науке, если откровенно,
Пришлось довольно-таки скверно.
Ей овладел парней шотландских рой,
В нее рванув научно гурьбой.
Ведь если есть у них хотя б одна купюра,
Они тотчас идут в докторантуру.
И, право, скачут просто по верхам.
Ну точно суп готовят, в воду кинув хлам.
Они, скажу, не тратя и мгновенья,
Для френологии нашли употребленье.
Ведь из всего того, что все они узнали,
Когда их в колледжах и школах обучали,
Нет ничего, что также их влекло б,
Как изучать затылок свой и лоб.
И вот уж каждый северный балбес
К своей башке имеет интерес,
О шишках всех своих ведет беседы,
Ну хуже, чем кормилица Джульетты.

---

² Джеймс Девильль (1777–1846) – британский френолог. – *Примеч. пер.*

Till having been sufficient rangers
Of their own heads, they took to strangers?³
And found in Presbyterians' polls
The things they hated in their souls!
For Presbyterians hear with passion
Of organs joined with veneration.
No kind there was of human pumpkin
But at its bumps it had a bumpkin;
Down to the very lowest gullion,
And oiliest skull of oily scullion.
No great man died but this they *did* do,
They begged his cranium of his widow:
No murderer died by law disaster,
But they took off his sconce in plaster;
For thereon they could show depending,
“The head and front of his offending”:
How that his philanthropic bump
Was mastered by a baser lump;
For every bump (these wags insist)
Has its direct antagonist,
Each striving stoutly to prevail,
Like horses knotted tail to tail!
And many a stiff and sturdy battle
Occurs between these adverse cattle,

И в черепах своих изведав каждый гран,
Взялись и за других – за пресвитериян.
И в головах они нашли у них
Всё то, что ненавидели в себе самих.
А те внимали с напряжённостью тех частей,
Что связаны с почитательностью всей.
И нет таких голов ни тут, ни там,
В чьих шишках не скрывался бы мужлан.
Вплоть до подлейшего из подлецов
И маслянистых поварят-юнцов.
И ни один великий человек не умер без того,
Чтобы не выпросили череп у вдовы его.
И череп каждого убийцы, что казнил закон,
Был в виде гипсового слепка воплощён.
И впрямь они могли сказать, имея знания:
«Узрите лик его преступного деяния»³.
Здесь шишка низменных стремлений одолела
Ту шишку, что любить людей велела».
Нам говорит френолог-аферист:
Для каждой шишки есть антагонист.
К победе каждая стремится что есть силы,
Как связанные лошади – все в мыле.
Немало жестких битв идёт тайком
Меж сим враждующим из века в век скотом.

---

³ В оригинале фраза «The head and front of his offending» является отсылкой к трагедии У. Шекспира «Отелло» (пер. А. Радлов):

... True, I have married her.
The very head and front of my offending
Hath this extent, no more...

... И правда то, что я на ней женился.
Но здесь – вершина и конец обид,
Что я нанес ему...

The secret cause, beyond all question,
Of aches ascribed to indigestion, –
Whereas 'tis but two knobby rivals
Tugging together like sheer devils,
Till one gets mastery, good or sinister,
And comes in like a new prime-minister.
Each bias in some master node is: –
What takes M'Adam where a road is,
To hammer little pebbles less?
His organ of Destructiveness.
What makes great Joseph so encumber
Debate? a lumping lump of Number:
Or Malthas rail at babies so?
The smallness of his Philopro –
What severs man and wife? a simple
Defect of the Adhesive pimple:
Or makes weak women go astray?
Their bumps are more in fault than they.
These facts being found and set in order
By grave M. D.'s beyond the Border,
To make them for some months eternal,
Were entered monthly in a journal,
That many a northern sage still writes in,
And throws his little Northern Lights in,

И в этом тайная причина, без сомненья,
Той боли, в кой винится несваренье.
А ведь на самом деле бой ведется
Меж шишковатых двух противоборцов.
Пока один, хороший иль плохой,
Не победит, поправ врага пятой.
Движения души сокрыты все в узлах.
Вот, например, Макадам⁴ строит путь в горах,
Что движет им, когда дробит он гравий?
То орган разрушений и злонравий.
Великий Джозеф споры всё ведет,
То в спух его бугор, с которым связан счет⁵.
А Мальтус взъелся на детей так почему?⁶
Виною малость чадолюбия тому.
Меж мужем и женой любовь прошла?
Простой дефект адгезионного узла.
Иль женщины сбиваются с пути,
Виною тому их шишки – не они!
Все эти факты воедино свел отлично
Авторитетный доктор заграничный.
А чтобы пару месяцев их вечными считали,
Печатали их в ежемесячножурнале.
И с Севера мудрейшие мужи
В него всё шлют слова да чертежи,

---

⁴ Джон Ляудон Макадам (1756–1836) – шотландский инженер, который разработал технологию строительства дорог с щебеночным покрытием, которая предусматривала дробление камня. – *Примеч. пер.*

⁵ Вероятно, ироничная отсылка к шотландскому политику Джозефу Юму, который был известен своими выступлениями в палате общин по финансовым вопросам, в частности по проблемам государственного счетоводства. – *Примеч. пер.*

⁶ Вероятно, намек на то, что, с точки зрения Т. Мальтуса, отсутствие контроля за рождаемостью должно привести к голоду на Земле. – *Примеч. пер.*

And proves and proves about the phrenos,
A great deal more than I or he knows:
How Music suffers, *par exemple*,
By wearing tight hats round the temple;
What ills great boxers have to fear
From blisters put behind the ear;
And how a porter's Veneration
Is hurt by porter's occupation;
Whether shillelachs in reality
May deaden Individuality;
Or tongs and poker be creative
Of alterations in th' Amative;
If falls from scaffolds make us less
Inclin'd to all Constructiveness:
With more such matters, all applying
To heads –and therefore *head-ifying*.

И что-то все про *френос* выясняют,
Уж больше нас про эту штуку знают.
Страдает Музыкальность, например,
Когда у шляпы маловат размер.
Боксерам тоже нужно опасаться
Бугров, что могут за ушами появляться.
Носильщику вредит сама его работа,
Страдает от нее в Почтительности что-то.
Шиллейлам⁷ – такова, увы, реальность –
По силам заглушить индивидуальность.
Щипцы или кочерга, коль сможешь применить,
Способны влюбчивость серьезно изменить.
Упал с лесов – и тотчас же потух,
Со всею конструктивностью, рабочий дух.
Все это применимо к головам, но, безусловно,
По этой же причине в массе *у-голово-но*.

---

⁷ Шиллейла – ирландская дубинка, которая может использоваться и как оружие, и как спортивный снаряд. – *Примеч. пер.*

Новые вызовы неопределенности

17–18 сентября Институт медицины и психологии В. Зельмана Новосибирского государственного университета провел Всероссийскую (с международным участием) научно-практическую онлайн-конференцию «Новые вызовы неопределенности».

Тематика конференции охватывала широкий круг тем, связанных с проблемой неопределенности: от философских оснований проблемы неопределенности до практики психологического консультирования в условиях пандемии.

В приветственном слове на открытии О. Н. Первушина, председатель конференции, рассказала о замысле и целях конференции: «Неопределенность – неотъемлемая сторона человеческой жизни. В процессе жизни каждый человек постоянно выбирает, выбирает одни возможности, отменяя другие, ограничивает, определяет себя и свой мир, тем самым внося элементы, островки определенности в бесконечный безбрежный хаос. Вместе с тем жизнь каждого может иметь очень различные непредсказуемые последствия, вклады в культурный, исторический, политический, технологический, природный ландшафты. Созидая себя, свою историю, будучи одержим порывами творчества, человек вносит неопределенность в бытие человечества.

Так он пребывает между определенностью и неопределенностью. Существуют периоды, когда превалировать начинает определенность с ее тягучей стабильностью, устойчивостью, надежностью; либо неопределенность, наполненная рисками, опасностью, неизвестностью, но в тоже время потенциалом творчества, свершений, открытий.

Сегодня человечество находится на отрезке, а возможно, уже в высшей точке неравновесности. Неопределенность вмешивается во все аспекты жизни. Многое из того, что казалось абсолютно определенным, навсегда заданным, понятным перестает быть таковым. Гендерная идентичность, семейные отношения, родительские роли, детско-родительские отношения, сетевые организации, медийная идентичность, цифровизация сознания, образование в условиях тотальной информатизации и т. д. – всё это лишь малая часть примет нашего времени, вносящих большую долю неопределенности в картину мира и выбор жизненных стратегий человека в современном мире. “Не дай вам бог жить в эпоху перемен”, – закликает китайский мыслитель. Но перемены стремительно нарастают. Меняется мир, изменяются представления человека о мире, себе, культуре. Новые технологии буквально врываются в нашу жизнь, взрывая ее основания, которые казались столь устойчивыми. Рушатся политические, моральные, культурные системы. Повседневность лишается опор. Сам человек с его ценностными установками, приоритетами мог бы являть собой устойчивое основание для бытия. Но человек теряет свою определенность, так как рушатся системы ценностей, размывается, множится, исчезает идентичность.

Выдержит ли человек этот плен неопределенностью? Сможет ли он использовать свой креативный потенциал и потенциал неопределенности, не поглотит ли его необъятная стихия, мощь неопределенности?

Эти вопросы давно привлекают внимание философов, антропологов, психологов, культурологов, всех тех, кому не безразлична судьба человека и человечества. Размышления над ними кажутся особенно актуальными, когда неопределенность сегодняшнего мира пополняется посредством талевовских черных лебедей.

Мы обращаем внимание на двух таких лебедей: это тема, связанная с ростом расстройств аутистического спектра и тема пандемии COVID-19. Распространение аутизма – это вызов для ученых и для человечества в целом. Как найти ключ к взаимодействию с теми, кто отстраняется, избегает этого взаимодействия? Как понять устройство их мира, как взглянуть на мир их глазами? По сути, мы сталкиваемся здесь с заостренным вариантом проблемы взаимодействия с другим, с иным, с проблемой не только толерантности к другому, но его принятием и пониманием. Представленные на конференцию работы являются свидетельством живого интереса к данной теме.

Цель данной конференции – диалог с исследователями неопределенности для пробуждения и развития креативных идей, востребованных психологической теорией и практикой.

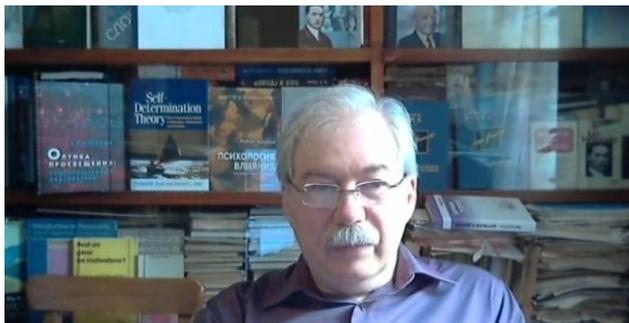
Интересный диалог, направленный на актуализацию и рождение креативных идей, новых замыслов, возможен, если в нем участвуют люди, захваченные темой, очарованные ею. Я полагаю, что участники нашей конференции являют собой ту самую когорту исследователей, которые захвачены, очарованы темой неопределенности. Это психологи, философы, антропологи, физики, педагоги, представители медицинских наук, культурологи и др. Я желаю всем нам интересной продуктивной работы в течение этих двух дней».

В работе конференции приняли участие психологи, философы, психиатры и другие специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Красноярска, Владивостока и других городов России, а также Австрии, Литвы, Италии.

Были представлены исследования, посвященные стратегиям поведения человека в ситуациях неопределенности и особенностям переживания неопределенных ситуаций.

Профессор Московского государственного университета Е. Т. Соколова рассказала об особенностях реагирования человека на неопределенные ситуации. Необходимость справляться с социальной и культурной неопределенностью приводит к переживанию шоковых состояний, сопровождающихся такими негативными эмоциональными состояниями, как тревога, фобии, зависимость от поддержки социальной системы, «опьянение» хаосом. *«Позитивным преодолением ситуации неопределенности становится ее творческое переосмысление»*, – подчеркнула Елена Теодоровна.

Профессор департамента психологии Высшей школы экономики (Москва), заведующий международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации Д. А. Леонтьев представил результаты исследования, посвященного роли индивидуально-личностных особенностей в различных типах неопределенных ситуаций.

Д. А. Леонтьев, доктор психологических наук,
профессор департамента психологии Высшей школы экономики (Москва),
заведующий международной лабораторией позитивной психологии личности
и мотивации, профессор факультета психологии МГУ

Отдельное внимание на конференции было посвящено всестороннему обсуждению пандемии COVID-19.

«Пандемия, охватившая человечество, явила собой особую экспериментальную ситуацию неопределенности, приковавшую к себе внимание исследователей», – отметила О. Н. Первушина.

Под влиянием пандемии неизбежно изменяются формы взаимодействия между людьми. В частности, это касается особенностей организации процесса психологического консультирования. О том, как меняется психологическое консультирование и психотерапия в online-формате рассказал директор Института гуманистической и экзистенциальной психологии (ИЕП), профессор Вильнюсского университета, генеральный секретарь Восточно-европейской ассоциации экзистенциальной терапии (ЕЕАЕТ) Римантас Кочюнас (Бирштонас, Литва).

Профессор университета Зигмунда Фрейда и университета Клагенфурт (Вена, Австрия) Альфрид Лэнгли выступил с докладом, посвященным экзистенциальной поддержке людей во время пандемии. Тему самоизоляции во время пандемии продолжила С. В. Кривцова (Москва, Россия), экзистенциальный терапевт, супервизор, член Совета тренеров Ассоциации экзистенциально-аналитической психологии и психотерапии (Россия) и главный редактор журнала «Экзистенциальный анализ».

Помимо этого, на конференции было рассмотрено влияние неопределенности в период пандемии COVID-19 на психическое здоровье людей, особенности восприятия будущего и стратегии поведения во время пандемии.

В докладе профессора Московского государственного университета В. В. Нурковой были представлены особенности прогнозирования будущего в период вынужденной самоизоляции, а коллектив исследователей из Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) представил исследование, посвященное особенностям восприятия человеком угрозы заражения в ситуации пандемии COVID-19. С докладом выступила доцент кафедры клинической психологии и психологической помощи РГПУ им. Герцена

С. И. Беляева. Результаты исследования, посвященного гендерным различиям в восприятии будущего во время пандемии COVID-19 представила О. М. Бойко (ФГБНУ Научный центр психического здоровья, Москва).

Р. Кочюнас, директор Института гуманистической и экзистенциальной психологии (ИЕП), профессор Вильнюсского университета, генеральный секретарь Восточно-Европейской Ассоциации экзистенциальной терапии (ЕЕАЕТ)

А. Лэнгли, профессор университета Зигмунда Фрейда и университета Клагенфурт (Вена, Австрия), основатель экзистенциального анализа

Профессор кафедры общей психологии МГУ им. Ломоносова Т. В. Корнилова поделилась результатами сравнительного анализ личностных свойств, лежащих в основе принятия человеком решений о социальном дистанцировании (на примере выполнения или невыполнения требования надевать маску в общественных местах) в период пандемии COVID-19 в трех странах: Китай, Россия и Азербайджан.

В. В. Нуркова, доктор психологических наук,
профессор кафедры общей психологии факультета психологии МГУ

Т. В. Корнилова, доктор психологических наук,
профессор кафедры общей психологии факультета психологии МГУ

Одной из наиболее уязвимых групп населения в период пандемии становятся люди, страдающие психическими заболеваниями. Врачи Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева Минздрава России рассказали об особенностях протекания психических заболеваний во время пандемии. А. В. Васильева, главный научный сотрудник отделения лечения пограничных психических расстройств и психотерапии Национального

Сведения об авторе

Фёдоров Александр Александрович – кандидат психологических наук, зав. кафедрой клинической психологии, доцент кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета, (Новосибирск, Россия)

fedleks@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1272-7859

Scopus Author ID 48661946900

AuthorID RSCI 201674

Information about the Author

Alexandr A. Fedorov – PhD, Head of the Section of Clinical Psychology at the Institute of Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

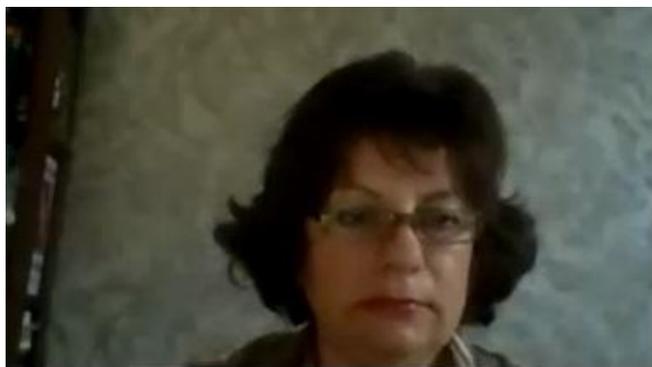
fedleks@yandex.ru

ORCID 0000-0003-1272-7859

Scopus Author ID 48661946900

AuthorID RSCI 201674

медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева Минздрава России (Санкт-Петербург), посвятила свое выступление обсуждению влияния неопределенности во время пандемии на психическое здоровье. Врач-психиатр отделения лечения психических расстройств у лиц пожилого возраста А. А. Пичиков рассказал о том, как пандемия и вынужденная самоизоляция повлияли на лиц, страдающих расстройствами пищевого поведения.

А. В. Васильева, доктор медицинских наук, главный научный сотрудник отделения лечения пограничных психических расстройств и психотерапии Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева Минздрава России, профессор кафедры психотерапии, медицинской психологии и сексологии Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова Минздрава России

В условиях неопределенности пандемии COVID-19 актуальным становится исследование отношения человека к изменившейся жизненной ситуации. На конференции была представлена часть масштабного исследования, проведенного сотрудниками ИМПЗ НГУ, посвященного изучению реакций людей на пандемию COVID-19. Особенности толерантности и интолерантности к неопределенности были представлены в докладах психологов ИМПЗ А. В. Пушкиной и М. В. Злобиной.

Другой немаловажной темой, вызвавшей интерес у участников конференции, стала проблема распространения аутизма и расстройств аутистического спектра (РАС). Проблема аутизма – один из серьезных вызовов современности. Важным аспектом этой проблемы является взаимодействие с людьми, страдающими РАС. О роли родителей во взаимодействии с ребенком при РАС рассказала доцент кафедры сравнительной психологии ИМПЗ Е. А. Дорошева.

Профессор МГПУ Д. Г. Сороков представил доклад об особенностях жизнестойкости матерей младших школьников с РАС, а его коллега И. С. Куликова рассказала о результатах исследования, посвященного выявлению особенностей привязанности и копинг-стратегий матерей младших школьников с РАС и их поддержки в условиях неопределенности.

Тема детско-родительских отношений прозвучала в докладе доцента кафедры психологии личности ИМПЗ О. В. Киселёвой. Она представила результаты исследования, посвященного представлению о детско-родительских отношениях у подростков со склонностью к девиантному поведению. Опытот психотерапевтической работы с больными шизофренией поделилась клинический психолог Т. П. Пушкина (ИМПЗ НГУ, Новосибирск).

Характерной чертой конференции стала ее междисциплинарность и рассмотрение проблемы неопределенности с разных сторон. Так, были представлены доклады, посвященные концепции неопределенности в судебной экспертизе (Валерио Каусин, университет Падуи, Падуя, Италия), неопределенности физических процессов (К. В. Затримайлов, Высшая нормальная школа (Scuola Normale Superiore), Пиза, Италия), неопределенности в современном искусстве (Е. Л. Малков, Новосибирск, Россия).

Валерио Каусин в 2004 г. получил степень PhD в области химических наук в Падуанском университете. С 2001 по 2003 г. был старшим лейтенантом отделения химии, взрывчатых и легковоспламеняющихся веществ судебно-медицинской экспертизы карабинеров в Риме. С 2015 года он работает научным сотрудником факультета химических наук Падуанского университета

Материалы конференции опубликованы в сборнике, индексируемом в РИНЦ.

Электронная версия сборника конференции доступна по адресу

<https://elibrary.ru/item.asp?id=44181592>

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1 авторского листа (40 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), аннотация статьи (150–250 слов) и ключевые слова на русском языке (до 7), а также авторский перевод названия статьи, аннотации и ключевых слов на английский язык.

Порядок оформления рукописи:

УДК 159.9.01

Современные проблемы психологии искусства

А. В. Иванов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Основной текст статьи

Список литературы

Материал поступил в редколлегию 01.03.2010

ФИО автора (авторов) на английском языке

Место работы на английском языке (по форме русскоязычного варианта) и адрес электронной почты

Название статьи на английском языке

Аннотация на английском языке

Ключевые слова на английском языке

Список литературы на английском языке (References)

Сведения об авторе (без сокращений, на русском и английском языках): ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, город, страна, e-mail, ORCID и другие коды автора.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания работы, при необходимости номер страницы, например: [Иванов, 1999. С. 129]. В случае совпадения года издания ему присваивается буквенное обозначение, например: [Иванов, 1999а; Иванов, 1999б]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Общее количество страниц для монографии является факультативным элементом и может не включаться в библиографическое описание. Авторские примечания оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические описания на разных языках группируют в два алфавитных ряда: в начале на русском языке или языках с кириллической графикой, затем на иностранных языках.

Образцы составления библиографического описания

1. *Смит Н. В.* Современные системы психологии. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
2. *Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А. В. Либина.* М.: Смысл, 1998. 310 с.
3. *Ожиганова Г. В.* История психологии: концептуальные подходы и методы исследования // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 5–16.
4. *Hearnshaw L. S.* A short history of British psychology, 1840–1940. New York: Barnes & Noble, 1964.
5. *Wardell D. M., Royce J. R.* Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect // Journal of Personality. 1978. Vol. 46 (3). P. 474–505.

Иллюстрации следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Просим Вас **не изменять исходный электронный формат** создаваемого Вами графического объекта.

Допускается создание таблиц и диаграмм в MS Word и MS Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В журнале Reflexio публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала:

– методология, теория и история психологии;

- психологические исследования;
- психологический инструментарий;
- психология и Время;
- иностранная психология;
- психология глазами философа.

Публикуются также материалы, содержащие критический обзор ранее не известной или малоизвестной российскому читателю научной психологической литературы.

Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ.

Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное рецензирование**, о результатах рецензирования авторы извещаются по указанному адресу электронной почты.

Требования к англоязычному разделу статьи

Аннотация на английском языке не должна быть переводом-калькой с русскоязычной аннотации. В ней должно быть в краткой форме представлено содержание работы, включая следующие пункты:

- цель работы в сжатой форме;
  - основные факты, содержащиеся в тексте (при этом важно придерживаться порядка изложения самой статьи);
  - текст должен быть связным;
  - в аннотации можно выделять структуры пунктами «Purpose», «Design / methodology / approach», «Findings», «Research limitations/implications», «Originality/value».
- объем аннотации на английском языке должен быть порядка 150 слов.

Правила оформления англоязычного списка литературы (References)

Порядок элементов в библиографической ссылке:

– для книг:

Author A. A. (year). *Nazvanie* [Title of work]. Location: Publisher (in Russ.)
Название книги в транслитерации должно быть выделено курсивом.

– для главы из книги:

Author A. A., & Author B. B. (year). *Nazvanie* [Title of chapter or entry]. In A. Editor, B. Editor, & C. Editor (Eds.), *Nazvanie* [Title of book] (pp. xxx-xxx). Location: Publisher (in Russ.)

Название книги в транслитерации должно быть выделено курсивом.

– для статей:

Author A. A., Author B. B., & Author C. C. (Year). Nazvanie [Title of article]. *Title of Journal*, 10(2), 49-53 (in Russ.)

Курсивом выделяются название журнала и номер тома.

Указание языка публикации (in Russ.) приводится только для русскоязычных источников. Для англоязычных источников указание языка (in Eng.) не требуется.

Название статьи, книги, главы дается в транслитерации и переводится на английский язык. Название журнала или сборника статей дается в транслитерации (но не переводится).

Город издания переводится, издательство дается в транслитерации.

Пример:

Badiev I. V. (2013). Gendernye i vozrastnye osobennosti emotsional'no-volevykh svoystv podrostkov [Gender and aged-specific peculiarities of emotional and volitional characteristics of adolescents]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologija*, 7(1), 70-81 (in Russ.).

Для транслитерации названий рекомендуем использовать сайт <http://translit.ru/> (вариант транслитерации Библиотеки Конгресса (LC)).

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (ауд. 3110, главный учебный корпус НГУ) или переслать по электронной почте или традиционной почтой.

Адрес редакционной коллегии журнала Reflexio: Новосибирский государственный университет, Институт медицины и психологии, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 40 26

E-mail: olgap@yandex.ru, tumidus@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 81563 в каталоге ОАО «Роспечать».

Сроки выхода журнала в свет с 2008 года – июнь, декабрь.